

Купава Огинская

По темной стороне

Глава первая. Хищник

Мне случалось просыпаться от плача ребенка в поезде, от истеричных завываний сигнализации машины, надрывавшейся во дворе, или даже от эмоциональных выяснений отношений темпераментных подростков, любивших проводить теплые летние ночи на скамейке под моим окном. Но никогда еще я не просыпалась от того, что меня грубо кидают на землю.

Новый, неприятный и ненужный опыт.

Сонное сознание не сразу сообразило, что происходит, где я оказалась, и что это за странные люди в черных балахонах стоят по периметру обозначенного зажженными свечами круга.

— Какого... — прохрипела я, приподнимаясь на локтях и пытаюсь разглядеть больше.

— Тахаш! — рывкнул какой-то мужик, пряча лицо в тени глубокого капюшона.

Меня придавило к земле, выжимая из легких воздух, а из глаз — слезу. И пока они там лепетали на своем странном языке, я просто пыталась нормально вздохнуть.

Меня похитила кучка сектантов, притащила в лесопосадку за моим домом, если судить по обилию зелени вокруг, и, кажется, планировала принести в жертву. А я в это время лежу и борюсь с силой притяжения.

Гравитация сегодня была не на моей стороне, а баба Шура, вечный бдюн нашего подъезда, дала сбой. Потому что, если бы она, по традиции, зорко следила за обстановкой во дворе, то точно бы увидела как мое несопротивляющееся тело выносят из подъезда, и меня бы уже с собаками искали по всей лесопосадке.

Баба Шура у нас такая. С ней спорить — себе дороже, даже если ты сорокалетний майор милиции, без пяти минут почетный пенсионер. Баба Шура пенсионеристой будет, и хватка у нее как у натасканного бульдога.

Сектанты перестали лопотать, рассредоточились по периметру круга. В то время как тот, что на меня рывкнул, удобно устроился на моих бедрах, крепко сжимая в руке нож. Тонкое черное лезвие хищно блестело в дрожащем свете свечей, большой камень насыщенного красного цвета (я бы сказала — рубин, но не бывает таких больших рубинов в нашем мире) ярко сверкал кровавыми бликами на конце рукоятки.

Разрезав футболку на моем животе своим страшным ножиком, мужик забормотал на непонятном языке, медленно вырисовывая что-то кончиком ножа по моей коже.

Я замычала, с ужасом глядя на это дело. Орать я не могла, пошевелиться тоже, даже думать нормально не могла, чувствуя странное оцепенение во всем теле.

Боли не было, я не ощущала, как взрезает мою плоть острое лезвие, только теплые, щекотные струйки крови, сбегаящие по бокам, и холодную неровность земли подо мной.

Бормотание ненадолго прекратилось, художественная резьба на мне любимой — тоже. Сатанисты перебросились парой фраз все на том же непонятном языке и обряд продолжился.

Если судить по увлеченности, с которой меня кромсали, там вырисовывали целую картину.

Свечи ярко вспыхнули, в ушах тонко зазвенело, щелкнуло и наступила полная тишина. Сначала я решила, что оглохла, но запаниковать не успела, услышав далекий, доносящийся словно через вату вопрос на чистом русском:

— Почему руны до сих пор не засветились? — обеспокоенно, даже напугано спросил один из сектантов.

— Еще рано.

— Но...

— Тело готово принять госпожу, но наш зов она пока не услышала...

— И не услышит, — раздался новый голос. Низкий, раскатистый... тревожащий, я бы сказала.

Рассевшийся на мне мужик подскочил. Свечи через одну потухли, размыкая контур круга, а я почувствовала, как ко мне возвращается контроль над телом. Живот горел огнем, каждый вдох давался с трудом. Я лежала, глядя в беззвездное небо, и боялась даже пошевелиться.

На ладони сатаниста заплясали яркие языки пламени, сворачиваясь в полыхающий шар, сорвавшись с его руки, он улетел куда-то вперед, в сторону тревожащего голоса.

Ответочка была странной и смертоносной, в отличие от огня, который, судя по всему, не навредил говорившему. Сатанист не успел даже вскрикнуть, как его поглотил дымный клубок непроглядной тьмы. Она набросилась на него голодным зверем, сжалась, подрагивая полупрозрачными краями и схлынула, оставив от здорового мужика лишь кинжал.

— Я не буду спрашивать, что вы делаете на моих землях, — возвестил голос, — не буду спрашивать, зачем вы снова пытаетесь разбудить Мать, я спрошу только одно...

Всего в паре сантиметров от моей головы застыли чьи-то сапоги, если бы он попытался сделать ещё шаг, то уперся бы в мой левый висок.

Склонившись надо мной, обладатель тревожащего голоса ожег страшным взглядом невозможных желтых глаз и требовательно спросил, грубо, за шею, поднимая меня на ноги.

— Где вы раздобыли человека?

Ответ его очень расстроил своей неинформативностью: в нас просто пустили сразу два огненных шара.

Я не испугалась и почти не заметила этого. Если бы не внезапный жар, прокатившийся по спине и не рыжие всполохи света, осветившие бледное лицо продолжавшего сжимать моё горло мужчины, я бы даже не поняла, что нас чуть не поджарили. Я уже вообще мало что понимала.

— Неправильный ответ, — скорбно заметило это бледное чудище, нехорошо улыбнувшись. Тьма сорвалась с поводка, а сектантский отряд обеднел ещё на двух психов.

— Ещё и клыки, — прошептала я непослушными губами. Мало того, что радужка у него переливается как расплавленное золото, а белок глаз чёрный и беспросветный, как моё будущее в сложившейся ситуации, так у него ещё и клыки. Не длинные копыта, которые едва помещаются во рту, а скромненькие, не очень большие, я бы даже сказала аккуратненькие, но такие жуткие клыки. Зато сразу ясно, что этот вот конкретный тип — он больше хищник, чем мирное травоядное.

Такими зубами только мясо рвать прямо из только что убитой, ещё тёплой туши.

Меня отставили в сторону, расслабленно, я бы даже сказала, лениво сделав сразу два шага к скучковавшимся сектантам. Их было шестеро, и они не очень хотели ближе знакомиться с высокой, тёмной фигурой, казавшейся сотканной из теней в этой ночной, холодной темноте.

Я невольно поежилась, обнимая себя руками. Раньше как-то не замечала насколько здесь холодно. Кровь медленно сочилась из ран, шея все никак не могла забыть жуткое прикосновение сильной прохладной ладони.

Сектанты сбились в огрызающуюся огнём кучку.

Растирая плечи, я ещё раз пересчитала капюшоны. Шесть штук.

«Предположим, троих уже скушали», — передернув плечами, я внимательно осмотрела

лес вокруг, — «Шестеро топчутся здесь... а где ещё трое?»

Их было двенадцать. Их точно было двенадцать.

— Вам никогда не говорили, что в сражении с Хейзарами лучшая тактика — рассредоточиться и бить с дальних дистанций? — лениво спросил хищник.

Сектанты уже не казались страшными, теперь они больше походили на запуганных жертв.

Шестеро против одного.

И я не могла понять только одного: где же ещё трое? Ну не могла же я ошибиться. Или могла?

Чёрный туман стелился по земле, ластился к ногам этого страшного мужика, поднимался по высоким сапогам из чёрной кожи, обнимал чёрные штаны, наползал на чёрный камзол, расшитый чёрной, искрящейся нитью. Со спины хищник не казался таким уж страшным. Ну высокий, ну плечи, по которым спадала тьма, широкие, зато темные, жёсткие волосы, доходящие до талии, были заплетены в простую косу, выглядевшую очень миленько. Несколько прядей выбилось, а конец шелковой чёрной ленты трепетал, задеваемый этим темным туманом.

Со спины мужик выглядел вполне мирно, так не было видно его бледнучей морды, желтых глазищ и, разумеется, незабываемой улыбки...

У сектантов сердца были сильные, никто при виде этой его улыбки не упал замертво, спасенный от участи превратиться в еду этой страшной тьмы разрывом сердца.

Их накрыло всех. Одновременно.

— Щит? — удивился хищник. — Серьёзно?

Что-то во тьме стеклянно хрустнуло, будто кто-то наступил тяжелым сапогом на что-то хрупкое, раздался одиночный короткий вопль и все стихло.

— Итак, — ко мне повернулись, улыгнулись и сделали широкий шаг, — человек.

Я невольно отступила назад, вжимая голову в плечи. Меня трясло, я это чувствовала и точно знала, что потрясунчик не только от холода и потери крови. Мне было страшно, так страшно, как не было страшно ещё никогда раньше.

Словно я за вечер пересмотрела несколько штук самых страшных фильмов ужасов, а потом, посреди ночи пошла в туалет, не зажигая света, а за спиной послышался скрип и чьи-то шаги...

— Здрастиии. — прошептала я срывающимся голосом.

Пока он разбирался с сектантами, успел отойти от меня шагов на семь. Я осторожно отползла ещё немножечко назад. Теперь на восемь. — Ссспасибо, что спасли.

Хищник усмехнулся. В кустах завозились, привлекая наше внимание. Причиной шума стала вылетевшая из темноты, тускло сверкнувшая в лунном свете цепь, звенящей змеей обмотавшая бледную кисть темного, вскинувшего руку в защитном жесте.

Я смогла только рвано выдохнуть, когда с другой стороны, из таких же кустов, вылетела вторая цепь, точная копия своей сестры.

Хищник попался, цепи натянулись, и тьма, клубившаяся у ног своего хозяина, медленно таяла.

Стоя почти в центре поляны, с разведенными в стороны руками, он со странным спокойствием смотрел на выползшего из-за деревьев сектанта. Пока двое других вбивали прутья, удерживающие цепи, в землю, один подхватил забытый у круга ритуальный кинжал.

— Мы закончим обряд, — хриплым от едва сдерживаемой ненависти голосом сообщил

он, — а ты умрёшь.

Меня никто в расчёт почему-то не брал. Ну стоит тут недорезанная жертва обряда и пускай стоит. Так даже лучше, не придётся потом в лесу её вылавливать.

Вбив прутья и убедившись, что земля их крепко держит, из кустов выбрались ещё два капюшонника.

А я присмотрела увесистую, вполне симпатичную дубину в паре шагов от ритуального круга.

— И как вы планируете меня убивать? — полюбопытствовал пойманный.

Сектанты переглянулись. Двое, что вбивали прутья, ухватились за цепи, натягивая их сильнее.

Я медленно, крадучись, подобралась к дубине, чувствуя на себе взгляд желтых глаз. Держась за живот, медленно, не делая резких движений, наклонилась и чуть не выпустила из холодных пальцев только подобранную палку, когда от скованных рук хищника, казалось, прямо из-под покрасневшей кожи запястий и пропоротых шипами ладоней по серебристым звеньям поползли тонкие струйки тьмы.

Державшие цепи попытались отшатнуться, но не успели. Соскользнув на их руки, тьма быстро метнулась под свободные рукава балахонов.

Сектанты выгнулись и захрипели, капюшоны слетели с их голов, обнажая лысые черепа с тонкими чёрными нитями, пульсирующими под кожей. Глаза почернели, заполняясь тьмой, из носа тонкой струйкой потекла чёрная кровь.

Голова у меня закружилась, когда два тела осели на землю, запрокинув изуродованные, сведённые судорогой боли, лица к небу.

подавив рвотный позыв, я медленно двинулась к оставшемуся в живых сектанту с вполне понятной целью вырубить гада, пока меня опять не взялись резать.

Равнодушно посмотрев на тела своих товарищей, мужик внезапно совершенно успокоился.

— Когда госпожа вернётся в этот мир, ты умрёшь.

— Когда Мать проснется, мы все умрем, — не согласился с ним хищник.

Я замахнулась, метя в капюшон.

— Госпожа пощадит нас, ибо мы оказались вернее её детей, — ритуальный нож резко взмыл вверх.

Я не успела даже вскрикнуть, когда тело последнего сектанта осело в траву.

— А ведь мог хотя бы попытаться меня убить, — грустно заметил хищник.

— Зачем он это сделал? — голос дрожал, пальцы дрожали, я дрожала вся и в любое мгновение готова была разрыдаться.

Куда я попала? Во что вляпалась? За что мне все это? И самое главное: что здесь вообще происходит?

— Спасал свою душу, — ответили мне, не отрывая взгляда от тела.

— От кого? — уронив уже ненужную дубину, я боязливо приблизилась к хищнику, дрожащими пальцами пытаюсь размотать цепь. Острый её конец глубоко врезался в бледную ладонь.

— От меня, — просто сказал он.

На мгновение желание бросить его здесь одного стало почти нестерпимым. Он убил одиннадцать сектантов, а один сам вскрыл себе горло, лишь бы не остаться наедине с

этим монстром. Зачем мне его распутывать?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Впрочем, у меня даже связных мыслей не было. Только звенящая пустота.

Но этот желтоглазый страх определенно был врагом этих сектантов, трупы были тому подтверждением. А враг моего врага, как известно, мой друг... ну и — вдруг мне повезет?

— Будет больно, — предупредила я, медленно вытягивая конец цепи из широкой ладони.

Он даже не вздрогнул, а я боялась поднять глаза и повернуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Холодные пальцы плохо слушались, звенья выскальзывали из вымазанных кровью пальцев, но левую руку я ему все же освободила.

— Премного благодарен за помощь, конечно, — размяв пальцы, главный герой всех моих будущих кошмаров снисходительно посмотрел на меня, — но проще было бы сделать так...

Дернув правую руку на себя, он выдернул из земли прут. Цепь зазвенела, а он уже через несколько секунд мог похвастаться совершенно целыми ладонями.

Я, прижимая руки к животу, ему просто по-черному завидовала. Мои раны не спешили заживать так же быстро.

— Итак, человек, — пробормотал хищник, потирая чёрными, словно вымазанными в саже, пальцами обожженное цепью запястье правой руки, — откуда ты?

— В с-мысле, где я живу? — осмотревшись, махнула рукой куда-то за спину, очень надеясь, что скоро я проснусь, и все это окажется просто страшным кошмаром, который к вечеру не получится даже вспомнить. Хотя прекрасно понимала, как наивны мои надежды. Сон? Разве бывают сны такими реалистичными? Разве во сне может быть так больно?

Тонкая ткань прилипла к ранам, потемнела, напитавшись моей кровью, окрасив белую футболку с мордой забавного наркоманского котика в темно-красный цвет, на котором угрожающе выделялась харя кота-рецидивиста с тёмным прошлым и маленьким кладбищем загубленных душ за спиной. Всего лишь царапины, но как же они болели. Хотя радовало то, что меня нигде не пропороли насквозь. В противном случае мой внутренний мир давно бы из меня вывалился, и мы бы с этим надменным типом не разговаривали, а ползали по земле, собирая мои кишочки. — Здесь недалеко.

— Недалеко? — переспросил он.

Я нервно кивнула, чем очень его удивила.

— Позволь мне кое-то уточнить, резервация людей находится на территории светлых, в то время как ты сейчас стоишь на землях Мглистого удела. Между тобой и твоим «недалеко» почти все мои земли, земли Рашаар и кусок от территории Эльмут, за которыми, ко всему прочему, находится Сумеречная зона. И только там, за ней располагается Светлая империя. — выдержав эффектную паузу, в которую вместились мое растерянное молчание и куча матерных слов, промелькнувших в голове, он повторил: — Так откуда ты?

— Да что б я знала...

Желание прилечь где-нибудь стало просто нестерпимым. Вот сейчас я прилягу, глазки закрою, а утром проснусь уже в своей кровати. А жуткая боль в животе — это не сектантская роспись, а пошлые в своей обыденности критические дни.

Пожалуйста.

— Человек, — ещё раз повторил хищник, ухватив меня за подбородком чёрными пальцами. Что примечательно, ладонь у него была совершенно обычного, бледного цвета, зато пальцы чёрными, словно он их и правда в золу сунул. Черные ногти и пальцы до середины второй фаланги выглядели очень непривычно. Меня погладили большим пальцем по щеке, — тёплая. И что мне с тобой делать? Людям не место на моей земле.

— А отправьте меня домой... п-пожалуйста, — надежда, как известно, умирает последней. Вот и я до последнего надеялась, что этот монстр, запросто разделавшийся с кучкой сектантов, проникнется состраданием, войдёт в моё положение и поможет. Как-нибудь.

— Мне проще тебя съесть, — без сожаления заметил он.

— А давайте мы не пойдём по простому пути? — робко предложила я, стараясь не обращать внимания на пробирающее до костей нежное поглаживание. У меня папа так же мясо по столу разглаживал, перед тем как его отбивать. — Поверьте, ничего хорошего нас на этом пути не ждёт.

— Тебя так точно, — усмехнулся хищник.

Повисла тяжёлая тишина. У меня просто не осталось сил, чтобы хотя бы попытаться что-нибудь сказать. Он тоже не спешил ничего говорить, разглядывая меня и, кажется, даже принохиваясь.

— Вернуть тебя домой я не могу, но, так уж и быть есть тебя пока не стану, — после мгновений мучительной тишины, нехотя смилостивился он, — им пришлось потратить много сил, чтобы притащить тебя сюда, а это значит, за тобой ещё придут. Больше желающих тебя забрать, больше пищи для меня.

— Вы собираетесь меня в качестве приманки использовать? — вяло возмутились я.

— А тебя что-то не устраивает? — приподняв чёрную бровь, угрожающе спросил этот... ловец на живца.

Хотелось сказать, что меня все не устраивает, что я хочу домой и буду жаловаться.

Вот только глаза у этого монстра нехорошо блестели, а жаловаться мне было некому. Я даже не знала, где нахожусь, и не свихнусь ли завтра, когда окончательно пойму, что все это, кажется, действительно по-настоящему. При условии, что я ещё не свихнулась.

— Нет, меня все устраивает, — сдалась я, пряча глаза.

— Правильный ответ, — кивнул хищник.

Тьма наползала на нас со всех сторон, подбираясь к ногам, обнимая босые ступни. Испугавшись, что он все же решил скормить меня этому ужасу, я дернулась и попыталась вырваться, но смогла только слабо трепыхнуться.

— Стой смирно, — велели мне, пока от стелящейся в ногах тьмы отрывались мелкие хлопья, поднимаясь в воздух, они тлели как настоящий пепел, — я никогда не переносил человека. Таргот знает, насколько вы крепкие.

Задержав дыхание и зажмурившись, я ждала неизбежного. На одно короткое, невыносимое мгновение мне показалось, что я распадаюсь на части, так же как тьма совсем недавно, тлею ленивым, равнодушным огнём, а в следующую секунду уже отмораживала босые пятки о холодный чёрный мрамор огромного мрачного зала.

Пустой и гулкий, он поражал воображение тонкой, какой-то хрупкой красотой вырезанных прямо на каменных стенах узоров и нависающих над нами, искрящихся в непроглядной выси огромных люстр.

— Вау...

Хищник щелкнул пальцами, и из темноты под потолком к его ногам свалилось два комочка.

Шлепнувшись на пол бесформенными кляксами, они быстро поднялись на тонкие, совершенно не серьёзные палочки, по всем законам неспособные удержать их круглые безголовые тельца в вертикальном положении. Вытянувшись на задних лапках, передние, непропорционально длинные и такие же тощие, они сложили перед собой в молитвенном жесте и преданно смотрели на хищника красными угольками глаз.

— Её, — меня толкнули вперёд, — осмотреть, исцелить, накормить и определить в какие-нибудь покои.

Мочалки на ножках, как я их обозначила, радостно ощерились острыми треугольными зубами, растянув свои широкие пасти в подобии улыбки.

— Не питаться, — строго оборвал их радость хищник.

Мочалки приуныли, но покорно потащили меня за собой. И пока меня тянули к двустворчатым дверям, увлекая прочь из зала, я все оборачивалась на хозяина этой мрачности, продолжавшего неотрывно смотреть нам вслед.

Нехорошее выражение застыло на его лице. Задумчивое.

Словно он уже пожалел о своей затее и раздумывал над тем, как бы попроще от меня избавиться.

Глава вторая. Нервотрепательные прогулки

В черном-черном городе, на черной-черной улице жил черный-черный мальчик...

Это я к чему, домик у хищника был большой. Не домик, а целый дворец. Хотя, скорее замок.

Мрачная, холодная громадина. Много свободного пространства, которое невозможно увидеть из-за наползающей со всех сторон темноты, но которое чувствуется в буквальном смысле кожей.

Следуя за мочалками по коридорам, я опасливо крутила головой, чувствуя, как меня нежно обнимает параноя. Казалось, что из каждого угла за мной кто-то наблюдает.

Протащив по трём коридорам, четырем лестницам и небольшой галерее, мочалки дотащили меня до чёрных дверей. Красивая латунная ручка легко скользнула вниз, покорная желанию тощей когтистой лапы. Дверь бесшумно открылась, и меня затолкали в темную и мрачную, очень гармонично вписывающуюся в общий интерьер замка, комнату.

Большая кровать с балдахином (постельное бельё, разумеется, чёрное), кресло и столик у забранного тяжелыми шторами окна (все чёрное, а кто бы сомневался?)

Отделанные деревом и шелком стены (чёрное, чёрное...серое?)

Две двери, нарушая гармонию, не чернели, сливаясь со стеной, а серели тёмным, очень глубоким угольным цветом.

«Рразнообразие», — невольно умилилась я.

За первой серой дверью притаилась пустая гардеробная, за второй — ванная.

— Я так понимаю, это наступила самая чёрная полоса в моей жизни? — спросила я у мочалок. Переглянувшись, они решили считать вопрос риторическим и не отвечать на него.

Признаться, если это и была самая чёрная полоса, то меня она полностью устраивала.

Мне притащили безразмерную, но очень мягкую и теплую сорочку, какие-то баночки с шампунем, резко пахнущим мылом и чем-то ещё, кремообразным и подозрительным. Потом покорно ждали полчаса, пока я вымоюсь, страдальчески рассматривая изрезанный живот и стараясь не потревожить кровавую корочку, непривычно быстро образовавшуюся на месте ран.

После водных процедур пострадавший живот был старательно обмазан какой-то чёрной пастой и основательно забинтован. И только после этого меня накормили.

Кусок едва прожаренного мяса трогать я не стала, зато единолично схозячила все пять булочек, мягких и ещё тёплых, с аппетитом съела суп и даже вылизала тарелку под удивленными взглядами мочалок, а потом ещё и чаем все это залила, накидав сразу в чайничек целых четыре ложки сахара. Пол-литра чаю приятным теплом растеклось по уже съеденному.

Многие, наверное, после такого стресса не смогли бы и крошку в рот взять, а у меня наоборот, после каждой нервотрепки просыпался просто зверский аппетит.

Я ела как не в себя, чем всегда очень удивляла родителей и поражала друзей.

Вот и сейчас, блаженно растянувшись на кровати, чувствовала, как приятная сытость вытесняет охватившее меня напряжение.

Главное, что сектантам я не досталась, а уж с хищником как-нибудь разберусь. Раз сразу не убил, значит есть все шансы дожить до пенсии.

С этой оптимистичной мыслью, под утробное ворчание мочалок, деливших несъеденное мною мясо, я и уснула, даже не подозревая, что сейчас вот так же они могли грызться и

за моё мирно спящее тельце, не защищай меня приказ их хозяина.

Девять уделов, три из которых, самые большие и богатые — Мглистый, Талый и Туманный. Остальные не имели своих названий и на карте обозначались именем того, кто ими владел.

Земли Темных от земель Светлых отделяла Сумеречная зона, серебристая лента на карте, разделяющая материк на две части. Светлая империя, в отличие от Тёмных земель, была больше похожа на лоскутное одеяло. Там не было уделов, зато были домены и доли. Очень много доменов на светлой стороне и очень много долей в каждом домене.

Я покрутила карту, любясь тем, как серебрится на свету линия Сумеречной зоны.

Подробная, очень красивая и полезная карта, тем не менее, казалась не полной. В смысле, материк на ней был весь, и даже названия четырёх морей и одного океана, омывавших его берега, были указаны, но дальше была только темнота. Словно за пределами этого материка мира и не существовала. Меня это смущало, но набраться смелости и расспросить обо всем хищника я так и не смогла.

Неделю я жила в его замке, ела его еду и терроризировала его мочалок, но так и не узнала даже имени.

Изучая библиотеку в сумасшедшей надежде найти способ вернуться домой, я почти не вспоминала о хозяина всех этих богатств.

А ведь одна эта библиотека сама по себе была богатством. Да по сравнению с ней даже Вашингтонская Библиотека Конгресса США, которую многие считали невероятной — просто скромное книжное хранилище.

Здесь были тысячи, сотни тысяч книг. Иногда мне казалось, что даже миллионы.

Первые дни я боялась заходить очень далеко, прекрасно понимая, что могу просто не найти дороги назад и потеряться среди стеллажей.

Но потом осмелела и уже давно перестала бояться. Мочалки меня найдут в любом случае, у них выбора другого не было.

Теперь я стала их единственной работой.

Каждый вечер, возвращаясь в свою спальню с больной головой и словно разбухшими глазами, я обессиленно заваливалась на кровать, почти сразу засыпая.

Сон, как правило, был один и тот же. Я возвращаюсь домой, мирюсь наконец с родителями и выхожу замуж за их Костеньку. Все хорошо, все счастливы, год холодной войны позади, а я быстро забываю весь этот кошмар.

Зачем я вообще спорила? Ну захотели родители, чтобы я в двадцать лет замуж вышла, а через годик осчастливила внуками, ну так и что?

Это только маме разрешено в тридцать лет первого ребенка рожать.

А мне пора бы и о семье подумать, так как дорогая родительница уже внуков хочет.

Диплома бакалавра достаточно, убеждали меня дорогие родственники, сервируя стол перед приходом Костеньки. Зачем тебе магистратура, удивлялись они, расставляя салаты и нарезку.

Детки это счастье, вколотили они последний гвоздь в крышку моего терпения.

И я взорвалась. И рассказала все, что думаю о счастливом материнстве в двадцать лет. И Костеньке, так не вовремя пришедшему в гости и подвернувшемуся под горячую руку, тоже много чего интересного рассказала. А потом гордо ушла, хлопнув дверью, на целых две недели раньше положенного срока вернувшись в университетское общежитие.

Стыдно мне за то, что я наговорила за весь год так и не стало... до этой недели.

Теперь я очень жалела, что не согласилась тогда на все.

Да, сейчас бы, скорее всего, сидела на огурчиках и выбирала имя будущему ребёнку, зато в привычной обстановке, в полной безопасности.

Мочалка, та что побольше и посмелее, подергала меня за штанину.

Женской одежды в замке не было, зато была мужская. Просто горы мужской одежды, среди которой найти хотя бы пару приличных вещей на невысокую меня далеко не богатырской комплекции оказалось очень сложным делом. Но я справилась, и теперь мой гардероб состоял из трёх пар брюк, пяти сорочек, одного чуть великоватого камзола и двух пар сапог.

С носками дело обстояло проще, портянки хорошо садились на все ноги без разбора.

А вот нижнее бельё шить пришлось самой. В итоге я разгуливала в рубашке с чужого плеча, штанах с чужой задницы, зато в дизайнерских, эксклюзивных труселях ручной работы.

— Уррр, — мочалка ещё раз подергала меня за сапог, указывая лапкой на часы.

Что интересно, понимали меня эти создания прекрасно, но говорить не могли.

На часах, огромных и чёрных, фосфоресцирующая часовая стрелка уверенно указывала на фосфоресцирующую восьмёрку.

Восемь вечера, пора кушенькать.

Нехотя отложив карту, я поднялась.

— Ну, пойдёмте.

Завтракала и ужинала я в комнате, обедала, как правило, прямо в библиотеке, занюхавшись под стол и бессовестно нарушая правила. С едой в библиотеку нельзя?

Нам все можно.

Мочалки мне нравились. Особенно когда не улыбались, демонстрируя весь набор своего разгрызательно-перемалывательного арсенала.

Они терпеливо выслушивали все мои жалобы, не насмехались, приносили все, что просила и послушно водили по замку, не давая заблудиться.

Иногда мне очень хотелось их потрогать, возможно, даже потискать, но я не решалась.

За все семь дней я так и не встретила ни одной живой души в этом замке, что заставляло быть настороже все время, не поддаваясь безрассудным порывам.

Семь дней я еще как-то успешно этим занималась, ещё два дня старательно делала вид, что бдую, а на десятый совершила страшную ошибку.

Ходить по мрачному замку в двенадцатом часу ночи — плохая идея, но мне не спалось, а в библиотеке осталась очень интересная книга по истории Светлой империи.

Если здесь землями владели Хейзары, то у светлых были свои Кайсар, насколько я поняла титул не склонялся — одаренные искрой Извечного Светоча. Если верить хроникам Долгих лет разлома, Светоч, которая Мирай, так же как и Изначальная Тьма, в мир выбрались одновременно. Считались сестрами и были непримиримыми врагами. И детей плодить стали одновременно. Вот только у Мирай дело пошло бодрее, что очень не понравилось Тьме.

Читать про сражения между темными и светлыми было не очень интересно, я честно пролистывала страницы с описаниями батальных сцен, зато с удовольствием читала короткие, но такие увлекательные отрывки посвященные быту Кейсар.

Теперь, в отличие от первых дней, когда уже на второй странице глаза начинали болеть, а буквы — расплзаться по бумаге нечитабельными символами, я уже не мучилась от

этих неудобств и могла читать часами.

Если бы не мочалки, то забывала бы даже есть.

Поворочавшись в постели, я все же встала, на ощупь, в темноте обулась и, набросив камзол прямо на сорочку, заменявшую мне ночную рубашку, прокралась к дверям.

С освещением здесь все было очень интересно. Когда я впервые покрутила матовый камень, вделанный в стену и зажмурилась от ярко разгоревшегося света, в то время, как мочалки, заверещав, бросились прятаться под кровать, туда, где было темно, я сначала решила, что у них тут есть электричество.

Оказалось, что электричества нет, зато есть энергия и множество разнообразных кристаллов.

Есть светящиеся, которые разгораются тем ярче, чем сильнее прокручивается подведенный к ним камень, есть греющиеся, есть морозящиеся, есть куча всяких кристаллов с разнообразными свойствами. Очень удобно, но немного непривычно.

Я кралась по полутемным коридорам, едва освещенным тусклым светом больших мутно-белых кристаллов длиной в полторы люминесцентные лампы стандартного размера.

Хотя кралась — это сильно сказано, если учесть, что сапоги в темноте я выбрала неудачные. Те, которые на два размера больше, зато красивые. И теперь, шаркая подошвой, ползла в сторону библиотеки.

Неладное почувствовала не сразу. Просто свет словно стал ещё тусклее, и повеяло холодом.

Мысль о том, что мне, кажется, пришёл полный кабздец, настигла спустя три удара сердца, когда из-за поворота, вбирая в себя рассеянный свет, выплыла клубящаяся тьма. Она шевелилась, накатывала на мраморные плиты, дрожала и рассыпалась по полу тёмным ковром.

Зрелище красивое, завораживающее, но жуткое до чертиков.

Отступив на два шага назад, я с замиранием сердца ждала, что будет дальше.

Хотелось верить, что тьма сейчас просто проползет по коридору, не заворачивая ко мне, а я тихо и спокойно вернусь в комнату, подопру дверь комодом, спрячусь под одеялом и больше никогда-никогда в жизни не выйду ночью на прогулку.

Вслед за клубящейся тьмой, медленно, по-хозяйски неспешно из-за поворота показалось что-то огромное, чёрное и страшное. Два желтых уголька тлели в этой дрожащей непроглядной тьме. Фигура, отдаленно напоминающая человеческую, медленно повернула голову, обвела взглядом коридор и остановилась на мне.

Я почувствовала, как сердце в истерике пакует чемоданы, мечась по грудной клетке и расталкивая лёгкие, отдавив почки и чуть не завязав морским узлом кишки, оно ринулось вниз. В гости к пяткам.

Мочалки, конечно, тоже на котятках похожи не были, но такого страха, как это желтоглазое чудовище, не вселяли. Это был чистый, незамутненный животный ужас.

Огромное двухметровое нечто замерло на пересечении коридоров, стоя по колено в шевелящейся тьме.

Кристалл над ним мигнул и погас.

Мои нервы просто не смогли этого выдержать. Я побежала, забыв о том, что знающие люди советуют не убегать от диких, опасных зверей, что это их только спровоцирует.

Передо мной был не медведь и не волк, и совсем не пума, передо мной было что-то принципиально другое. Страшнее, смертоносные и голоднее.

Я неслась по коридору, потеряв где-то сапоги. Камзол скинула сама, когда почувствовала, как чёрные щупальца ухватились за его полу, и теперь белым, отлично

различимым в царящем здесь полумраке призраком неслась вперёд, не разбирая дороги и не слыша даже звука собственного сбившегося дыхания.

Уши заложило, я чувствовала, как что-то пульсирует в голове, как страх взрывается миллиардами острых осколков, заставляя тело дрожать, потом собирается в один большой ком и снова взрывается.

Выскочив в незнакомый зал, я на мгновение застыла, ощущая, как тьма наплывает сзади, как тянется к моим босым ногам.

Дверь в противоположном конце зала была закрыта. Заперта или нет я не знала, но других дверей тут не было, а тьма наступала на пятки.

Рискнуть или не стоит?

Метров сто пятьдесят, не больше, отделяло меня от желтоглазого.

Я не азартная и не рискованная, я трусливая.

Оттолкнувшись от косяка, бросилась по коридору дальше, перепрыгнув через метнувшуюся ко мне чёрную ленту. Ну его к черту этот зал и риск нарваться на закрытую дверь.

Со мной играли, в этом не было сомнений. Желай это создание меня убить, я была бы уже мертва. А пока у меня был шанс. Призрачный шанс на спасение.

Добежав до лестницы, я, не раздумывая, бросилась вниз.

Где-то там должны быть двери на свободу. В крайнем случае, всегда можно выбить витражное окно нижней галереи и вывалиться в кусты чёрных роз, цветущих под стенами замка.

Я достаточно хорошо успела исследовать первый этаж, чтобы не заблудиться там.

Желтоглазый чуть отстал, и это вселяло надежду.

Большие, тяжелые двустворчатые двери были заперты наглухо. Я толкала их, пинала, пыталась даже уговорить открыться, все безрезультатно.

Оставалось красивое витражное окно, изображавшие сцену охоты. И если на дверь я не особо рассчитывала, то уж в том, что смогу выбраться через окно, даже не сомневалась.

Когда витраж не разбился вдребезги после первого удара стулом, притащенным из соседней комнаты, я ещё не отчаялась, после четвёртого запаниковала, после пятого осознала, что эта ночь может стать последней ночью в моей жизни.

Каждый раз, когда стул соприкасался со стеклом, по окну проходила полупрозрачная волна, и стул отскакивал в меня. Я уворачивалась и повторяла попытку.

Шестой попытки не было. Я умела учиться на своих ошибках, не сразу, конечно, но даже до меня дошла вся бессмысленность продолжать это. Стёкла в замке не бились.

Желтоглазый появился в галерее как раз в тот момент, когда я, пнув на прощание стул, вновь побежала.

Теперь уже наверх.

Лестница, после преодоления которой дрожат ноги, узкий полутемный переход, ещё одна лестница поменьше, коридор, ещё коридор, мрачная анфилада — открытые двери меня очень обрадовали — потом ещё один коридор, и я оказалась в заброшенной части замка.

Нет, выглядела она совсем так же, как и та, в которой жила я, но интерьер был присыпан пылью, а кристаллы, казалось, горели не от того, что тут кто-то ходит, но лишь потому, что их забыли выключить.

И даже пахло здесь забвением. Холодный, сырой воздух, полный запаха земли и пыли.

Ноги уже давно замерзли до состояния нечувствительных ходилок. Я просто передвигала их, не ощущая ни колющей крошки осыпавшегося камня, ни холода старого, кое-где треснувшего мрамора.

Большинство комнат были закрыты, а те, что оказывались открыты — пусты и не запирались изнутри. Голые стены, чёрные провалы окон. Жуть жуткая.

Перебегая от одной двери к другой, я металась по коридору в безумной надежде найти укрытие.

И не находила.

Жёлтые глаза ещё не видели меня, но я чувствовала, как тьма приближается, как она стелется по моим остывающим следам, безошибочно отыскивая дорогу.

Можно ли спрятаться от того, что видит тебя даже через камень?

Я оптимистично верила, что можно.

Ещё одна дверь, после ряда разгромным неудач, поддалась и неохотно, с возмущенным скрипом, открылась.

Свет не горел, но я быстро нашла чёрный камень и осторожно прокрутила его.

Это был кабинет. Оставленный не запертым, полностью обставленный кабинет с проходом, ведущим в спальню. А там ещё одна дверь в коридор. Запертая, но легко открывающаяся изнутри.

Путь отхода есть.

Заперев кабинет изнутри, я осмотрелась.

Пыльно, печально и очень... безысходности что ли.

Книжный стеллаж, занимающий всю правую стену, угнетал пыльными, забытыми книгами. На столе лежали бумаги, чернильница, перьевая ручка с засохшими чернилами. Кожаная папка и огромный чёрный череп. Потрогав выкрашенные чёрным зубы пальцем, я невольно вытерла его о ночнушку.

Все ящички в столе были заперты.

Осторожно присев в пыльное кресло, я осмотрелась и только сейчас заметила большую картину в красивой раме, висевшую на противоположной от книжного шкафа стене.

Семейный портрет. Он, она и ребёнок.

На тёмном фоне неровных мазков выделялось золото резного стула, на котором, выпрямив спину, сидела красивая, темноволосая, но холодная женщина с равнодушным синим взглядом фарфоровой куклы. За её спиной, положив руку на спинку стула, стоял мужчина. Массивный и хмурый, он был так же черноволос. Тёмные глаза с сурового лица смотрели тяжело и пристально. Как бы я не встала, с какой бы стороны от картины не замерла, казалось, он смотрит именно на меня.

Перед мужчиной, в шаге от женщины, сидящей в пол оборота от него, застыл мальчик. Лет восьми, быть может десяти.

Бледный и напряженный, он решительно смотрел прямо перед собой. От моего хищника в этом ребенке были только глаза. Жёлтые, светящиеся даже на картине. Уже тогда белок его глаз был чёрным, а взгляд серьёзным.

Красивый портрет счастливой семьи, ничего не скажешь...

— Нравится? — вкрадчивый тихий голос, раздавшийся за спиной, чуть не остановил моё сердце.

Тьма нежно льнула к босым ногам, не спеша их есть.

Я забыла, как дышать.

— Я был первенцем Матери, меня отдали в самую сильную семью, — на плечи легли ладони, с которых на меня стекала тьма. По груди, по бокам, окутывая руки.

Сердце предприняло ещё одну попытку остановиться, но желание жить оказалось сильнее.

— Первенцем?

— Тьма Первоначальная, моя госпожа и мать, захотела ребенка. Ей нужен был наследник, — прохладные пальцы, скрытые тьмой, нежно погладили мои плечи, — довольно странное желание, если учесть, что делиться властью она не планировала. Но я был создан по велению её и отправлен сюда.

Голос хищника стал задумчивым и рассеянным:

— В эту несчастную семью.

— И что с ними стало? — с замиранием сердца спросила я.

— В день пробуждения силы я убил их, — равнодушный ответ.

Гулко сглотнув, я беспомощно смотрела на картину. Действительно, а чего еще я ожидала? Счастливого хэппи-энда, как в фильмах?

— Я не предупреждал тебя, потому прощу на первый раз, — вновь заговорил он после недолгого молчания, — но впредь не выходи из комнаты в безлунье. Это моё время. Поняла?

Я энергично закивала.

— А сейчас ты, не оборачиваясь, вернешься к себе и не выйдешь до восхода солнца.

Я снова закивала.

— Иди, — меня подтолкнули к открытой двери.

На негнущихся ногах, находясь в каком-то густом, холодном тумане, я добралась до выхода, вырвавшись из тьмы, заполнившей кабинет, сделала ещё с дюжину шагов, а потом побежала.

Я так и не поняла, как добралась до спальни, хотя бежала, не разбирая дороги, просто неслась вперёд желая не добежать, а просто убежать.

В спальне, на спинке стула висел камзол, потерянные сапоги стояли рядом.

Глава третья. Гастрономические извращения

Много до чего могли бы довести ночные прогулки в одиночестве по плохо знакомым местам, начиная от увлекательной встречи с маньяком и заканчивая веселой поездкой в чьем-нибудь багажнике.

А вот моя ночная прогулка вылилась в завтрак с гастрономическим извращенцем, легко поедавшим людей целиком. В смысле, с замечательным, очень гостеприимным и таким великодушным хозяином этого замка, моих мочалок и странной картины, хранящейся в пыльном кабинете, который совсем точно не станет завтракать мною... ну, верить в это очень хотелось.

Обнадеживало еще то, что приведенная в большую, неудобную и мрачную столовую я была усажена за накрытый стол.

— А вы что, и нормальной едой питаетесь? — я очень старалась задать вопрос как-нибудь так, чтобы хищник вдруг не решил, что я тут над ним смеюсь, но прозвучало все равно как наглая издевка.

На меня посмотрели так, что возникло непреодолимое желание пойти и самозакопаться под ближайшим угрюмым кряжистым деревом, которых, например, в парке было огромное количество, чтобы не досаждать больше этому чудищу своим неуместным любопытством.

— Человек, — пренебрежительно выплюнул он, откинувшись на высокую спинку стандартно черного резного стула, — если из-за того, что я не убил тебя ночью, ты вдруг возомнила, будто меня не стоит бояться, то я вынужден тебя огорчить...

- Яна меня зовут, — да, я перебила его, да мне было совсем не стыдно, и даже ни капельки не страшно. После своего безлунья он выглядел уставшим, ленивым и почти не опасным, а я была не выспавшаяся и на взводе, и плевать я хотела на его недовольство. Я на завтрак не напрашивалась, могла бы и в своей комнате спокойно поесть. Но нет же, их темнейшество велели мочалкам притащить меня в эту мрачнющую комнату, выполняющую обязанности столовой. Сам позвал, сам виноват, — и вы мне все равно ничего не сделаете.

Выразительно приподняв бровь, он ждал пояснений, и я решила его не огорчать. Пусть знает, что я знаю.

— Вы же сами говорили, что собираетесь использовать меня в качестве приманки, а это значит, что я нужна вам живой.

- Пока, — многозначительно протянул он. Будто бы меня можно было теперь этим напугать. В первые дни, когда еще была слабая надежда вернуться домой я, быть может, и испугалась бы, но не после того, что узнала не так давно...

- Излом — закрытый мир, вернее его уцелевшая частичка, скрытая от всех остальных миров сдерживающий заклинанием, — сложнее всего, пожалуй, было даже не поверить в это, а просто озвучить с серьезным выражением лица. Я чувствовала себя почти ненормальной. Почти, потому что мочалки, странный мужик, замок и всякая чертовщина были реальны, и все это действительно было по-настоящему. Даже когда мозг отказывался верить в происходящее, интуиция утверждала, что я не сошла с ума. Ну не могла я просто настолько качественно свихнуться, не с моей убогой фантазией, — Если этим вашим сектантам как-то и удалось меня сюда затащить, то обратно я все равно не попаду, а это значит, что бояться смерти бессмысленно.

- Почему?

- А смысл? — я пожала плечами: — Домой я уже не вернусь, а с моим поганым характером здесь все равно нормально не устроюсь. Кто-нибудь непременно свернет шею за мой длинный язык.

Хищник усмехнулся, глядя на меня с интересом:

— Хорошо, что ты все понимаешь, — благожелательно кивнул он, бросив моей

мочалке, — ты, помоги ей сесть.

- Вообще-то, его зовут Бося.

Я могла собой гордиться, мне удалось шокировать хищника.

— Что?

- Бося, — я указала на мочалку побольше, та польщенно заурчала, а я не очень вежливо ткнула пальцем в ту, что поменьше, — Дося.

Хищник молча смотрел на меня, грея душу своим ошалевшим видом.

— Босенька, скорее всего, мальчик, — продолжила развивать тему я, — он больше и наглый какой-то, а Досенька — девочка. Маленькая и все красивое очень любит.

Мочалка смущенно прикрыла глаза лапкой, тоненько тренькнув от удовольствия. Не привыкли мои заморыши к такому вниманию.

А внимание было, и какое. Хищник медленно перевел взгляд с меня на Досю и глядел на нее во все глаза. Долго глядел, пристально, а потом осторожно спросил:

— Что заставило тебя сделать такие выводы?

- Длительные наблюдения за поведением мочалок в их естественной среде обитания, — гордо отрапортовала я. Приятно было видеть эту страшную морду в таком недоумении.

- Мочалок... — задумчиво протянул хищник, пытаясь как-то понять мою мозгодробительную логику, а если не понять, то хотя бы с ней смириться, — не хочу тебя расстраивать, но эти существа бесполое.

- Что?

Бося галантно отодвинул мне стул, страшно проскрежетав ножками по полу и теперь преданно заглядывал в глаза.

— Они созданы магией, не имеют пола и не способны самостоятельно размножаться.

Я посмотрела на Босю, Бося смотрел на меня, и мы совсем не верили словам этого типа.

— И все равно мальчик, — упрямо шепнула я, упав на стул и сразу же потянувшись к тарелке с булочками. Нормальный хлеб, к которому я привыкла, здесь не пекли, зато булочек было много и разных. И все они были такими вкусными, а я была очень голодной.

Хищник недолго смотрел на меня, не то, чтобы умиляясь моему аппетиту, но определенно его одобряя.

— Раяр, — произнес он, сбив меня с мысли. Выбирая между странного вида субстанцией, напоминавшей паштет, и ломтиками тонко нарезанного запеченного мяса, я не была готова к продолжению разговора.

- Чего?

- Мое имя.

- Круто... вот и познакомились.

Мочалки спрятались под столом, размеры которого впечатляли. Длинный, внушительный, на дюжину мест, застеленный черной скатертью с тонкой вышивкой, под которым очень хорошо прятаться двум мелким попрошайкам.

Раяр (ну и имечко, конечно) сидел во главе стола, я напротив него, а между нами расстилалась гладкая чернота стола и тяжелая тишина.

Если бы не мочалки, я бы чувствовала себя очень неудобно, но коленки то и дело касалась когтистая лапка, выпрашивая еду, а мне было спокойно и чуточку весело.

Правда веселье было недолгим и закончилось неприятностью эпических размеров.

— Мне кажется, ты не до конца понимаешь куда попала, — рассеянно, как бы между прочим, заметил Раяр, хотя его внимательный взгляд говорил о том, что к этому выводу он пришел после долгих наблюдений.

А я что? Я просто постаралась забыть, что нахожусь здесь не одна и даже удачно забыла на свою голову.

Дося, усердно грызя ребрышко, великодушно спущенное мною под стол, замерла, прекратив хрустеть костью, Бося переливчато чирикнул и обнял мою ногу лапками, уткнувшись мордой в коленку.

И мне самой как-то сразу сделалось беспокойно. Мочалки своего хозяина лучше меня знали, и если он вот так внезапно их напугал, значит, и мне ничего хорошего не перепадет.

— Почему же не понимаю? — осторожно заговорила я, не представляя, как заверить Раяра в том, что я вообще-то исключительно наблюдательная личность и сразу просекла, в какую черную дыру попала: — Я все поняла с самого начала. Вот как тот урод развлекаться резьбой по телу начал, так сразу все и поняла.

Вкуснейшая каша с фруктами, съеденная мною только что, тяжелым камнем осела в желудке.

Хищник продолжал смотреть.

Под столом осторожно захрустели ребром. Дося, не в силах перенести царившее в столовой напряжение, решила вернуться к еде, здраво рассудив, что если впереди ждут неприятности, то встречать их лучше на полный желудок.

А мне кусок в горло не лез...

— Слушайте, а давайте вы куда-нибудь в другое место смотреть будете, — не выдержала я.

- Куда?

- Да хотя бы в свою тарелку.

Он медленно опустил взгляд, несколько секунд даже честно разглядывал недоеденный кусок мяса. Преотвратнейшего вида. Слабопрожаренное и с кровью.

Мне даже с такого расстояния было видно, что оно совершенно несъедобно, а этот ел и даже не морщился.

— Нет, с этим определенно что-то нужно делать, — сообщил он своему завтраку и решительно поднялся.

Я сразу неладное почувствовала и в столовые приборы вцепилась — вилку на три зубца и нож, — готовая в случае чего колоть и резать.

А Раяр прямо напрашивался на то, чтобы его порезали, потому что я — нервная и впечатлительная, а он — страшный и беспросветный, как мое будущее.

— Поднимайся, — велели мне таким тоном, от которого появилось жгучее желание под стол сползти, к мочалкам.

Но я мужественно поборола трусливый порыв и поднялась, продолжая сжимать в руках столовые приборы.

Раяр хмыкнул:

— Тебе с ними спокойнее?

Я крепче сжала вилку и кивнула. Пусть ржет, если хочет, но я их не положу. Так и правда... спокойнее.

Тьма потянулась к нам от каменных стен, из углов, не освещенных рассеянным, слабым светом кристаллов, даже из-под стола, где, тихо поскуливая, затаились мочалки. Она сгущалась, напознала на нас волнами, скрадывая уютный, гулкий простор столовой.

— А что...

- Я хочу тебе кое-что показать. — Раяр, в отличие от меня, никакого дискомфорта от этих своих перемещений не испытывал, судя по всему, и совсем неправильно понял причину моей бледности. — Что же ты? Еще рано бояться.

Темные хлопья отрываясь от основной массы, медленно кружили в воздухе, красиво тлея по краям.

— А может, не стоит?

Не удостоив меня ответом, Раяр сделал то, что сделал бы любой гад на его месте: переместил нас куда-то, не спросив моего согласия.

Не ожидавшая такой подставы, я не сумела устоять на ногах и шлепнулась бы на камни, не удержи меня крепкая рука.

— Вы, люди, такие слабые, — небрежно заметил он, подтолкнув меня вперед.

Тьма рассеялась, и я смогла разглядеть место, в которое меня притащил этот тип.

Больше всего это было похоже на грот, казалось, я даже слышу шум воды где-то совсем рядом. Неглубокая, просторная пещера со сводчатым потолком и широким проходом. Мы стояли на границе света, который исходил от друз*, выстилавших стены пещеры, а прямо напротив нас, словно выходя из камня, находилась высокая женская фигура. Она рвалась из каменного плена, стремилась вперед, ломала оковы и казалась живой, будто бы застывшей в мгновении.

— Вот это да, — первый шаг к фигуре я сделала сама. Раяр не подталкивал, не торопил, я не сразу даже осознала, что он следует прямо за мной.

Второй шаг.

Фигура возвышалась надо мной, высеченная в камне, пойманная в движении, с протянутой вперед рукой и прямым взглядом в темноту.

Третий шаг.

Лицо красивое, решительно, с мягкими чертами лица.

Четвертый шаг и я подошла достаточно близко, чтобы почувствовать ЭТО.

Она не была красивой, не завораживала взгляд, не влекла к себе.

Пятый шаг сделать я уже не смогла.

Нет, попыталась конечно, но тут же отшатнулась, врезавшись спиной в грудь Раяра.

— Почувствовала, наконец, — усмехнулся он, крепко сжимая мои плечи прохладными руками.

- Это что такое? — прошептала я, не решаясь говорить громко и взгляд от этой фигуры боясь отвести. И шевелиться я тоже боялась, потому и стояла, как вкопанная, прижимаясь к хищнику, который вот конкретно сейчас казался совсем не опасным даже. Надежным. Потому что я ему еще нужна, а, значит, жить буду, а вот этому вот... вот этому вот я не нужна. Ему никто не нужен.

- Познакомься, Яна, — голос был насмешливый, но слышалась в его насмешке какая-то нервозность. Не одной мне здесь не по себе было, — это Тьма Изначальная. Рассаж. Моя мать.

- Не повезло вам с мамкой, — вынуждена была признать я.

Раяр молчал, я тоже молчала, мы стояли, Тьма, которая Изначальная, с вытянутой вперед рукой и гордо поднятой головой пыталась вырваться из камня. Где-то далеко волны бились о скалы.

Мне было плохо и страшно, непосильная тяжесть давила на плечи, я знала, что не выдержу этот груз, что мне нужно уходить отсюда, бежать без оглядки, но сильные руки крепко сжимали плечи, и я продолжала стоять на месте.

Первым не выдержал хищник.

— Ты так и будешь молчать? — недовольно поинтересовался он.

- Ну, вы же молчите..

- Я жду истерику.

- Чего?! — я дернулась, желая повернуться, но в то же время, боясь выпустить из поля зрения каменную фигуру.

- Ты должна сейчас чувствовать разрывающий сознание ужас, плакать и умолять меня увести тебя отсюда, — раздраженно ответил он, — это колыбель матери, даже мне тяжело здесь находиться.

Слов не было. В смысле, слова-то были, но все матерные и к озвучиванию непригодные.

— Раз тяжело, так пойдете отсюда, я ж не изверг, чтобы расшатывать ваше хрупкое душевное равновесие, — хмуро сказала я, с трудом сдерживая ругательства.

Я его еще всего обматерю, но только наедине с собой, за закрытыми дверями и в подушку.

— Хорошо, — угрожающе протянул он, и тьма метнулась к нам. Раздраженный гад не позаботился об аккуратности, переход был быстрым, а я с минуту беспомощно висела в его руках, стараясь сморгнуть черные точки перед глазами и встать на подгибающиеся ноги.

Раяр молча ждал, пока я приду в себя, с каменной рожей сверху вниз глядя на мое вялое копошение.

А ведь где-то там, далеко, меня ждала недоеденная каша, недопитый чай и вкусные булочки. Ну и мочалки мои, конечно.

Убедившись, что я, наконец-то, могу стоять самостоятельно и даже понимаю, что происходит, этот... достойный сын своей матери резко развернул меня лицом к чему-то плотному, черному и бесконечному.

— Смотри.

И я посмотрела. Налево посмотрела, направо посмотрела и вверх тоже, и даже вниз. И вот только внизу была земля. Сухая, почерневшая, мертвая даже какая-то, но вполне привычная.

А во всех остальных направлениях была черная пленка, впитывающая солнечный свет.

— Это... что?

- Ты читала историю Излома, — издали начал Раяр, — и знаешь, что наш мир раскололся, но едва ли понимаешь, насколько все серьезно. Излом это не просто название того, что осталось от прошлой жизни, это напоминание об утрате всего. Древние боги, существа сильнее, яростнее и опаснее моей матери, в своей бессмысленной войне уничтожили себя и мир, что был ими создан.

Он указал на тьму, подтолкнув меня ближе к ней. Я не хотела идти, готова была закатить истерику, которую он так хотел, лишь бы не приближаться к этой страшной границе.

Остановились мы в шаге от неминуемой драмы. В шаге от стены. Я уже готова была орать, вырваться, плакать и очень просить прекратить... а он бы наслаждался моими

воплями.

— Осталось только это. Не поверишь, но если бы не мать, выскользнувшая из первой трещины, ничего этого уже не существовало бы. Она спасла эти земли, чтобы потом медленно их уничтожить.

Я чувствовала, как похолодели мои поддрагивающие пальцы, крепко сжимавшие вилку, и вздрогнула, когда одна крепкая ладонь, отпустив плечо, соскользнула вниз, сжав мое запястье, и уверенно подняла руку, заставляя коснуться границы.

— Не надо...

- Шшш, — склонившись к моему плечу, он с отвратительным удовлетворением прошептал, — не сопротивляйся, все будет хорошо. Я просто хочу, чтобы ты почувствовала это.

И я почувствовала.

Вилка, все еще зажатая в моей руке, задрожала, упершись в тьму, дергаясь в пальцах тем больше, чем сильнее давил Раяр.

Не выдержав такого издевательства, она выскользнула из моей руки, с гневным «дзынь» упав в паре шагов от нас, искореженная и оплавленная.

Раяр хмыкнул и крепко прижал мою руку к чуть заметно шевелящейся, будто бы дышащей, стене.

Сначала онемели пальцы, первыми коснувшиеся тьмы, потом ладонь. По нервным окончаниям, растекаясь мертвым, холодным огнем, прокатился дикий, неконтролируемый ужас.

Гад своего добился. Я орала, срывая горло, плакала, кажется, пыталась вырваться, а он держал меня и тихо смеялся.

Сознание прояснялось медленно, лениво, легкий, сухой ветерок охлаждал лоб, на котором выступила испарина.

Я чувствовала себя разбитой и жалкой. Горло болело.

А Раяр сидел на земле, укачивая меня на коленях, и довольно мурлыкал что-то себе под нос.

— Знаешь, — он потерся щекой о мои волосы, крепче прижимая к себе, — твой ужас просто восхитителен. Признаться, я так увлекся, что чуть не проглотил тебя целиком.

- Ты мной питался, — прохрипела я, каждое слово больно царапало горло.

Он засмеялся:

— Конечно. Ты просто очаровательно боишься, я понял это еще вчера.

- Извращенец, — мне было трудно говорить, но я должна была открыть этому уроду глаза на правду, — гастрономический.

Ответом мне был смех. Раяр был сытый и очень благожелательный, рывком поднявшись на ноги, прямо со мной на руках, он задрал голову, глядя на небо.

— Теперь ты знаешь, как близко к уничтожению то, что осталось от нашего мира.

- То, что осталось от вашего мира, полностью нарушает все законы физики, — упрямо хрипела я, нервно откашливаясь, — поставьте меня, пожалуйста.

Он подчинился, медленно опустив меня на землю, и даже придержал, дожидаясь, когда я приду в себя и перестану шататься.

Я вкусненькая, меня беречь надо.

— И вообще непонятно. Если мир разрушен, значит и атмосферные слои уничтожены, а у вас же тут есть небо и облака, и мы же дышим воздухом, — я с трудом сглотнула, резко подняв взволнованный взгляд от земли, то там, то здесь иссеченной редкими, красными нитями, не замеченными мною до этого, к серым, тяжелые облакам, — значит атмосфера, все же, есть. И земное притяжение, и... солнце, солнце же. Есть день и ночь...

Меня прервал тихий смех.

— Что?

- Ты пытаешься объяснить Излом законами того мира, в котором выросла, — он с умилением заправил прядь волос мне за ухо, погладив щеку большим пальцем, — и это неправильно. Излом — это не мир в полном понимании этого слова. Видишь ли, это всего лишь кусочек прошлого, спасенный магией. Ты же должна была об этом читать.

И вот стою я перед этим... смотрю на него, слушаю и понимаю даже.

Очень хорошо понимаю, что все намного печальнее, чем мне сначала думалось. Что я не просто в другой мир попала, я попала на увечный обломок... как же я попала.

— А мы сейчас где?

- Погасший остров, — Раяр огляделся, — это единственное место, где завеса соприкасается с сушей.

— И остров... весь такой? — спросила я, обведя рукой унылый пейзаж. Вся земля до горизонта, насколько хватало глаз, была черной, мертвой, пронизанной красными нитями. Желание подойти поближе и проверить, лава это на самом деле или просто кажется, у меня совсем не возникало.

И находиться здесь дальше не хотелось. Тут я была лишней и ненужной, зато Раяр, судя по всему, чувствовал себя как дома.

Мне было здесь совсем не место, но вот он, уверенно стоя на ногах, в своей черной одежде, очень гармонично вписывался в мрачный пейзаж.

— Завеса выпила из него всю жизнь, — кивнул он, осматриваясь. Взгляд равнодушно скользил по пустому горизонту.

Мне больше нечего было сказать, горло болело, рукоять столового ножа, который я продолжала упрямо сжимать, скользила во влажной руке.

Еще одна истерика была на подходе. Еще хоть одно необдуманное слово с его стороны, неосторожное движение или просто странный взгляд, и истерика, которую так желал этот темный тип, могла повториться.

К счастью, доставать меня и дальше у него не было никакого желания.

— Пора возвращаться, — решил он, что-то такое заметив в моем взгляде, — полагаю, тебе о многом нужно подумать.

Нервный кивок был ему ответом, хотя я точно знала, что ни о чем сейчас думать не буду, и потом — тоже. Никогда не буду.

Все это казалось слишком непонятным и совершенно невозможным, чтобы пытаться что-то осмыслить. Я была уверена, что свихнусь раньше, чем постигну смысл всего происходящего.

Главное для себя я поняла — тут кругом магия. Магия...

Гарри Поттер отдыхает просто.

Друза* — это множество сросшихся друг с другом кристаллов, расположенных, как правило, хаотично и очень тесно.

Глава четвертая. Велари

Бося настойчиво курлыкал, царапая дверь, а я сидела на краю ванны и пыталась очень правдоподобно врать.

— Я же сказала, что не голодная. Пусть завтракает без меня.

- Уррр, — Бося не сдавался, а моя многострадальная дверь из серой постепенно превращалась в полосатую.

- Не выйду!

Нет, мочалку, конечно, я понять могла, и мне даже было ее жалко, но себя-то жалко больше! А если я сейчас послушно пойду завтракать с этим темным типом, то опять во что-нибудь вляпаюсь.

Просто не мог этот затейник поесть спокойно.

Вчера, например, мы на горы перемещались, которые отделяют его земли от Туманного удела.

И вот там, стоя на головокружительной высоте, отмораживая себе все, что только можно, и глядя на затянутые туманом леса, раскинувшиеся далеко внизу, я, наконец-то, поняла, что с меня хватит.

Болота Аггел — как с нежностью называл их Раяр — чуть меня не утопили, хотя я честно старалась не отходить далеко от хозяина этих жутких земель; Тарийские степи продули насквозь, а горы и вовсе чуть не заморозили.

Хищнику нравилось показывать мне всякие кошмарные места, они вызывали у меня сильные эмоции, которым эта темная сволочь была только рада.

И я, наконец-то, осознала, что больше так не хочу.

Было куда как лучше, когда Раяр и вовсе не замечал моего присутствия в своем доме. Словно бы он обо мне совсем забыл...

И за каким чертом я поперлась в ту проклятую ночь в библиотеку? Зачем я усложнила свою и без того нелегкую жизнь?

— Урррк, — к делу подключилась Дося, и меня в четыре лапы принялись выскребать из ванной.

— Не голодная я! — рявкнула раздраженно и искренне удивилась, когда мочалки перестали скрестись в дверь.

Оптимистичная мысль, что они сдались и позорно бежали, трагически скончалась, стоило только раздаться спокойному:

— Рад это слышать.

И вот, он рад, а я чувствую, что только что произошло нечто непоправимое...

— Появилось одно дело, — развивал, между тем, мысль мой кошмар, — я собирался пойти один, так как знаю насколько важен для людей своевременный прием пищи, но раз ты не голодна, то сможешь отправиться со мной.

— А сюда пришли... зачем? — спросила я, осматривая ванную. Зеркало, раковина, медная ванна на львиных лапах, стеклянный шкафчик полупустой, но симпатичный... унитаз тоже медный. Спрятаться негде, а выходить не хочется.

За дверью недолго помолчали, хищник осмысливал вопрос.

— Не знаю.

Я прямо чувствовала, как он сейчас равнодушно плечами пожал, стоя у двери и

дожидаясь, когда я ее открою.

Не дождался.

Постучал так, что я вздрогнула и потребовал:

— Яна, выходи.

- Яна сегодня не выйдет, — жалобно проблеяла я, — она наказана.

С той стороны шокировано молчали, даря мне лишние секунды спокойной жизни. Я отчаянно стремилась продлить прекрасное мгновение, потому и спросила:

— И что значит: вы знаете, как важен для людей прием пищи? Откуда?

- Не хочу тебя расстраивать, если ты вдруг вообразила себя исключительной, — хмыкнул он, — но в те времена, когда над нами царила Изначальная Тьма, люди жили на этих землях.

— Вы ими питались, да? — это в той, беззаботной, жизни я была радостной оптимисткой, а попав в этот мир, стала законченной пессимисткой.

Пессимизм мой был вполне заслуженным, кстати. Отрицать ничего Раяр не стал, спокойно подтвердив, что они их не только ели, но и в качестве бесплатной рабочей силы использовали.

Такие полезные, такие вкусные ресурсы, даром что мрут как мухи.

И пока он об этом рассказывал, я все яснее осознавала, что в ванной очень уютно. Светло, тепло даже, а главное, тут нет всяких темных личностей.

— Ты собираешься выходить? — не выдержал Раяр, когда я уже окончательно решила, что хочу остаться здесь жить.

- Нет.

- Тьма мне свидетель, я пытался быть терпеливым, — печально и очень подозрительно вздохнул он, а в следующее мгновение ко мне в ванную начала заползать та самая тьма, которая свидетель.

Сначала я просто сидела, пораженно глядя на это дело, до последнего не веря в такую подставу, потом, когда черные щупальца подползли слишком близко, забралась в ванну.

— Еще не передумала? — спросил тот, который пытался.

Посмотрела на пол, укрытый черным подрагивающим ковром, и поняла, что теперь уже точно не выйду. И не только потому что не хочу, просто не могу. Не было во мне столько дури, чтобы добровольно ножками вот в эту вот черную гадость становиться.

Не дождавшись ответа, Раяр усилил натиск, тьма начала подниматься по двери, по стенам... по ванне.

Пугал, стало быть, но я-то знала, что мне ничего не будет, от вкусненьких так просто не избавляются, особенно, когда это единственный экземпляр на всю их темную землю... А с другой стороны, кто знает, что в его ненормальной голове за мутировавшие тараканы водятся?

— Я сильная, я смелая, я способна держать себя в руках, — шептала дрожащим голосом, нервно перебирая похолодевшими пальцами по медному краю ванны, тьма продолжала лезть в щель под дверь, и мужество мое быстро кончилось. Аккурат к тому моменту, как подрагивающие щупальца медленно перевалились через медный бортик, — к черту все, я неадекватная истеричка!

Обеспокоенное курлыканье мочалок перекрыл злорадный смех.

— Я все поняла! Я готова выйти!

- Так бы сразу, — весело отозвались из спальни, и тьма всосалась обратно под дверь.

Выходила я медленно, тяжело, неохотно очень, смотря исключительно себе под ноги.

— Неадекватная истеричка, значит? — с улыбкой спросили у меня. Улыбка была стандартно-издевательская, фирменная гадская улыбка этой сволочи. Даже не улыбка, а так, облегченная версия ухмылки.

Ему было весело, а мне обидно.

— Бояться не буду, так и знайте, — я не совсем верила в то, что говорила, но определенно планировала сделать все, чтобы не доставлять больше удовольствия этому.

- Как скажешь, — легко согласился Раяр, — твоя злость мне тоже очень нравится.

И меня снова разобрало на составляющие, чтобы собрать уже в совершенно незнакомом месте.

— Ненавижу... ненавижу... ненавижу эти чертовы перемещения, — бормотала я, закрыв глаза и крепко вцепившись к плечо хищника. Меня ощутимо шатало и даже немножко мутило, — ненавижу.

С трудом поборов недоумение, я медленно открыла глаза, чтобы понять, куда мы попали.

Это была площадь. Просторная, круглая, с установленным в центре фонтаном — огромное, страшное чудище с рыбьим хвостом и зубастой пастью, из которой щедрым потоком лилась вода. Здания вокруг были красивые, аккуратненькие, будто бы вымытые с мылом.

Особенно выделялось городское управление (на позолоченной табличке, висевшей на нем, прямо так и было написано), трехэтажное, прорезанное аркой высоких двухстворчатых дверей, с большими окнами, оно было непривычного (как мне казалось) для этих мест белого цвета, со вставками глубокого царственного багрянца.

А перед каменными ступенями, ведущими к управлению, рядом с мраморной чашей, очень тяжелой на вид, стоял бледный, худой парень, прижимая платок к порезанной ладони.

— Кто меня звал? — лениво поинтересовался мой кошмар. Хотя, если обратить внимание на взгляды, которые на него бросали жители города, небольшой кучкой столпившиеся у лестницы, Раяр был кошмаром всех своих земель.

- Я! — голос у парня был сильный, но напуганный. Темные глаза растерянно метались между мной и хищником.

- Зачем?

- Прошу справедливости. — одежда его не выглядела дорогой, но удивительным образом подчеркивала все достоинства того, кто ее носил.

— Мой господин, — вперед вышел полный мужчина, обряженный в щегольской камзол. Дорогие сапоги, дорогие штаны и сорочка, а выражение лица такое заискивающее.

Мужик мне не понравился сразу.

— Молчать, — сухо велел Раяр, обращаясь к тому, кто пролил свою кровь в чашу, чтобы вызвать Хезара, — говори ты.

Я стояла за левым плечом кошмара, нервно шевелила пальцами на ногах, пользуясь простором сапог, что были размера на два больше нужного, теребила перламутровую пуговицу на рубашке (не дешевле той, что была одета на неприятного мужика, пуговицы у нас, по крайней мере, одинаково пафосно блестели на солнце) и прямо чувствовала как нагнетается атмосфера.

Приятное летнее утро, ничего не скажешь. Вон солнышко из-за домов выходит, фонтан задорно журчит, а Раяр давит всех вокруг своим авторитетом. Идиллия.

— Эр Фалис от вашего имени и по вашему указанию, затребовал отдать в его управление два акра земли, значащейся за нашей семьей уже больше ста лет...

- И ты призвал меня, потому что вы двое не поделили землю? — удивился Раяр. Удивление его было искренним, видимо, никогда еще его не вызывали по таким пустякам. Подозреваю, его и по серьезным-то вопросам не каждый решится потревожить.

— Он говорил от вашего имени...

- С этим разберусь, — нетерпеливо перебил парня Раяр, — еще что-то?

- Когда мы отказались отписать земли в собственность семьи Фалис, неизвестные похитили мою сестру. Вернуть ее обещали только после передачи земель...

— Это что за земли такие, ради которых не жалко и человека похитить? — присвистнула я.

- Скорее всего, территория с недавно открытыми рудниками, — пожал плечами Раяр, демонстрируя похвальную осведомленность делами своих земель, чуть повернувшись ко мне он небрежно заметил, — в одном из них были найдены золотые жилы.

Он говорил негромко, но темные, стоявшие в трех шагах от нас, все прекрасно слышали и нервно переглядывались.

Я уже знала, что правильно их раса называлась Велари, но предпочитала звать их просто темными. Так было проще.

Раяр — темное чудище, а все, кто живет на Темных землях, напоминают людей, но не являются ими — просто темные. А всех этих Хейзаров и Велари они могли оставить себе.

Парень кивнул, подтверждая его слова, а я задала еще один вопрос:

— И что? Золото дороже сестры?

- Не путай велари с людьми, — оскорбился Раяр.

- Да-да, семейные узы велари крайне крепки и все такое, — нетерпеливо перебила его я, — но он же тебя вызвал, чтобы ты ему сестру вернул, а не рудники отдал.

- Я переписал земли на семью Фелис, — встрял в наш милый разговор парень, — седмицу назад все документы были оформлены, но сестру мне так и не вернули.

Я покосилась на Раяра, он тараторил на темного с недоверием.

Велари никогда и никому не отдавали того, что считали своим...а этот отдал.

- А почему к страже не обратился? Пусть бы они с этим престарелым жуликом сами разбирались? — озвучила я гениальный вопрос.

Парень поморщился, и выразительно покосился на мужика.

И только тогда я заметила приколотый к его камзолу, знак — стилизованный свиток с названием города. Название с такого расстояния было не разобрать, зато сразу поняла, что вот этот вот похититель дев — градоправитель.

— Понятно, — нахмурилась я, — государственный беспредел.

Мужик заметно взбледнул, но почти не трясся. Так, слегка вздрагивал, что в его незавидном положении можно было считать проявлением запредельной храбрости.

— Сестра этого ненормального где? — просто спросил хищник, а у мужика, кажется, уже начала вся жизнь перед глазами проноситься. Взгляд, по крайней мере, остекленел.

А те, кто рядом с ним топтались — родственники или подельники непонятно — слаженно сделали шаг назад.

Мужик молчал, а Раяр особым терпением явно не отличался. Притомившись ждать ответа, он просто черным туманом перетек к градоправителю, по второму или даже третьему кругу прощавшемуся с жизнью.

"Показушник", — фыркнула про себя я, хотя не могла не признать, что выглядел этот его трюк впечатляюще.

По рукам ужаса, струилась тьма, черными хлопьями опадая на мостовую, и истаивая не долетев до выстилавших ее камней.

И вот этой своей страшной ладонью он коснулся лба мужика.

— Яна, не подкажешь, что делают с мошениками и ворами там, откуда ты родом?

- Поверь, тебе наши законы покажутся унизительно мягкими.

— Я так и думал, — пробормотал он, оценивающе оглядывая мужика.

За две с половиной минуты хищник узнал, где находится девушка и подписанные документы, и даже выяснил почему сестру сразу не вернули брату. А потом...

— Приятного аппетита.

Раяр съел его полностью, не оставив на память даже значка градоправителя.

— Нового назначу завтра, — брезгливо вытирая руки черным платком, казалось, появившимся в его руке прямо из воздуха, хищник перевел взгляд на парня, — а ты, значит, отказался подчиняться моей воле и отдавать земли?

Вопрос был задан без угрозы, но даже я почувствовала, что кого-то еще сегодня могут скормить тьме.

— Это был обман, — попытался оправдаться несчастный.

— Но точно это стало известно, только после того, как ты отказал, и твою сестру похитили. — озвучил хищник очевидное. Всем (даже мне) было хорошо известно, что получив отказ, Раяр не стал бы похищать родственников, а лично пришел бы к наглецу и скормил его тьме. — Почему отказал?

— Эти рудники кормили мою семью, — пацан боялся, казалось, я даже могу почувствовать вкус его страха, но все равно огрызнулся.

Раяр смотрел на него так...будто бы примеривался. Я прямо копчиком чуяла, что он собирается отдать этого несчастный тьме, и просто не могла смолчать:

— А знаете, кого еще нужно кормить? — вышло громко и немного истерично, но хищник отвернулся от своей жертвы, чтобы посмотреть на меня. — Человеков!

Наверное, это был первый раз в истории Излома, когда Хейзар не накормил тьму из-за того, что пришлось кормить человека.

Зато почти все живы остались. Документы были публично уничтожены, бледная и запуганная, но даже так удивительно красивая, девушка возвращена в семью, а планирование свадьбы того самого, тьмой съеденного и этого заплаканного цветочка, так и осталось только планированием. Захотел мужик и рудники получить, и молодой красивой женой обзавестись, а получил путевку в завлекательное путешествие по пищеварительной системе тьмы.

А меня накормили. Просто усадили за стол и предупредили, что мне нужно съесть здесь все.

— Если ты встанешь из-за стола, и хоть на одной тарелке что-нибудь останется, ты сама станешь едой, — пообещал хищник с жутковатой улыбкой.

И я все съела...вернее, мы все съели. Если бы не неоценимая помощь моих бездонных мочалок, я бы не справилась.

— Первый выход в свет, — растянувшись на кровати, я безумно разглядывала балдахин. Говорить было тяжело, дышать было тяжело, и даже просто думать удавалось с трудом.

Я была сыта по горло — и это был не речевой оборот, меня тошнило от переедания.

Мочалки лежали рядом и, в отличие от меня, наслаждались этим чувством. Мазохистки мохнатые.

— Вы представляете? В первый раз вышла к местным нелюдям, и то только потому, что какой-то отчаявшийся идиот вызвал Хейзара. Я толком ничего не видела даже...как же мне плохо.

Съеденный завтрак злорадно притаился в желудке, готовый в любое мгновение напомнить о себе.

Бося согласно прострекотал что-то на своем мочалковом языке, и погладил меня лапкой по бедру.

Я столько литературы прочитала, так подробно изучила все, связанное с бытом велари, что смогла найти в библиотеке, и теперь очень хотела увидеть все это вживую.

А Раяр меня только по диким местам водил, наслаждаясь моими эмоциями. Исключительно негативными, что печально.

А как дело до города дошло, мы и не прогулялись даже. Он просто одного плохого дядьку сожрал, спас девушку и очень качественно запугал ее брата.

Я была почти уверена, что заметила в темных волосах пацана непонятно откуда взявшуюся седину, когда готовясь к очередному перемещению и целому букету связанных с ним неприятных ощущений, в последний раз обернулась, чтобы полюбоваться картиной счастливого воссоединения семейства.

Парень прижимал к себе заплаканную сестру и смотрел на нас странным взглядом, будто бы еще не верил, что все закончилось так хорошо. Будто бы случилось чудо, на которое он не смел и надеяться.

— По всем правилам ты должен был его съесть, да?

На мой вопрос Раяр тогда не ответил и сразу повел в столовую, где запугал и закормил.

А я поняла две вещи: велари странные и, парень, готовый стать едой Хейзара, лишь бы спасти сестру — прямое тому подтверждение. И Раяр, конечно, то еще чудище, но, все же, намного лучше, чем я привыкла о нем думать. Пацана-то он, все же не съел.

И третье, неучтенное, мои мочалки самые лучшие мочалки на этом ущербном осколке. Потому что только они осмелились бы в присутствии своего хозяина, так отчаянно помогать мне бороться с едой.

Грохот, прокатившийся по коридорам замка, нарушил мой покой.

Дося, как самая впечатлительная из нас, с верещанием бросилась под кровать, Бося просто подскочил, нервно к чему-то принюхиваясь. Я же, просто вздрогнула, опасливо приподняв голову.

Грохот повторился через несколько секунд, потом еще раз и еще. Стены дрожали, от проходивших по ним волн, волосы на голове потрескивали и медленно поднимались, как наэлектризованные, а растрепанная, черная шерстка Боси искрилась.

Дося трусливо поскуливала в своем убежище.

— Делмар! — рев Раяра чуть не загнал под кровать и меня, но я была до тошноты сытая и двигалась очень медленно.

Собственно, к тому моменту, как в мою комнату ввалился незнакомый мужик, чуть не внося вместе с собой и дверь, я только сползла с кровати и еще не успела под нее заползти.

— Человек, — прошептал он, не веря своим глазам, — настоящий человек.

Бледный брюнет с горящими глазами очень сильно походил на психа. Хвост, в который были собраны волосы, растрепан, рукав черного камзола расшитого красной шелковой нитью, почти оторван, из рубашки словно кусок вырвали...или выжгли, если взять во внимание черные, словно опаленные края.

А на щеке длинный, темный след, будто кто-то угольком мазнул.

— Настоящий, — встретившись взглядом со мной, он восторженно выдохнул, — девушка.

А потом меня попытались убить.

В смысле, подскочили и обняли так, что кости затрещали.

— Теплая, — шептал этот ненормальный, не стесняясь тереться о мои волосы щекой, — такая мягкая...

- Делмар! — появившийся в дверном проеме Раяр, зло рявкнул: — Убери руки от моей человечки.

Псих его не услышал, а может быть проигнорировал, но не отпустил, продолжая тискать и шептать всякие ужасы.

Когда я услышала «очень вкусная, наверное» то отмерла и начала дергаться. Мне было достаточно и одного гурмана-извращенца, которому не лень было меня пугать, только бы кормиться, еще одного я просто не выдержу.

К счастью, хищник не планировал делиться.

За шкурку оттащив от меня этого ненормального, заслонил собой от голодного взгляда красных глаз и потребовал:

— Прекрати!

Бося воинственно курлыкнул с кровати.

— Почему? — подозрительно спокойно спросил этот псих, прекратив попытки высмотреть меня из-за спины Раяра: — Ты же знаешь, что из всех нас я самый сдержанный. Почему не рассказал мне? Неужели не доверяешь? Если бы я ее не почувствовал, так бы и прятал? Драться зачем-то полез...

- Делмар, — суровый Раяр выглядел бы устрашающе, стой он лицом ко мне. А так, притаившись за его спиной, я полностью одобряла и грозный вид, и строгий тон.

- Что Делмар? — огрызнулся этот. — Мы же братья!

- Так вы тоже из этих? — встrepенулась я, выглядывая из-за плеча хищника. — Из мутантов?

- Из кого? — опешил обнимашка. Вот что примечательно, глаза у него, конечно, были непривычного красного цвета, но белок стандартно-белый, без всех этих темных штучек, и пальцы чистые.

А мой кошмар так и ходил с черными пальцами, будто бы в золу их сунул, а помыть потом забыл.

— Дети Рассах, — пояснила я, поигрывая бровями.

- Предположим, — подтвердил он, заметно успокоившись. Кидаться ко мне с обнимашками, по крайней мере, передумал.

- Младшенький, да? — участливо спросила я. Простое предположение, не более, все же, Делмар на фоне хищника выглядел почти нормальным. Ну, бледноват немного, но, в целом, такого же ужаса, как Раяр, он не вызывал.

Вот только мой вопрос его чем-то оскорбил. Оскалившись, он зло прорычал:

— Я четвертый в семье!

— Познакомься, Яна, — хищник, довольный эффектом, что произвел на его братца мой невинный, в общем-то, вопрос, решил таки нас познакомить, — мой брат Делмар, уже седьмой год пытающийся дать имя своим землям.

- А какое?

- Тлеющий удел, — за мрачного братца на вопрос мне ответил Раяр.

Я уже знала, что сменить название можно только заручившись согласием трех главных уделом, доказав им, что достоин этого. Своего рода повышение статуса. Если память мне не изменяла, то земли Делмара находились аккуратно под мглистым уделом, и были достаточно обширны. И я искренне не понимала, почему их хозяин еще не получил разрешение. Тлеющий удел звучало куда как лучше, чем скромненькое — земли Далмар.

— И почему не переименовал?

- Айана, хозяйка Талого удела, моя мстительная сестра, да сих пор не простила ему дерзости.

- Я говорил, что не считаю столетие достаточно веским поводом, чтобы морозить свою задницу в ее льдах, — огрызнулся Делмар, — я был с ней искренен, а эта отморозенная змея на меня обиделась!

Он злился и темнел лицом, в то время как вены по всему телу набухали и раскалялись. Будто бы по его жилам вместо крови тек жидкий огонь.

Зато мне сразу стало ясно почему он хочет назвать свой удел Тлеющим. Мужик-то с огоньком...

— Делмар, — одернул ходящий вулкан мой кошмар, и светопредставление прекратились. Кожа побледнела, вены остыли, и глаза перестали страшно мерцать, а уголек зрачка, разгоревшийся опасным красным цветом бушующей внутри этого создания стихии, потух.

- Прости, — передернул плечами этот...огонек, — просто бесит меня сложившаяся ситуация.

- И ты пришел просить меня поговорить с Айаной? Ты же знаешь, что она меня не слушает.

- Ты старший, ты можешь приказать, — настаивал на своем Делмар.

- Мы это уже обсуждали, — кое-кто начинал раздражаться, — я не стану этого делать.

Братец моего кошмара насупился, но быстро вернул себе хорошее настроение:

— Позволь хотя бы с твоей человечкой поиграть.

Я затаила дыхание, с ужасом ожидая ответ хищника. Я, конечно, нужна ему живая, чтобы ловить на живца всяких сектантов, которые почему-то непременно должны захотеть меня вернуть, но живая же не значит целая.

Огнеопасный страх ведь меня не убивать собирается, всего-то поиграть. Буду поджаренная, но живая...

— Нет.

Аж от сердца отлегло. Мой кошмар решительно стремился к званию условно положительного героя. Против настоящего героя без страха и упрека, его злодейская морда не выстоит, но на фоне вот таких вот несдержанных пироманов, хищник казался просто ласковым зайчиком.

— Очень милая семейная встреча, — пробормотала я, чувствуя, как теплая лапка коснулась моей ноги. Дося, высунувшись из-под кровати, дергала меня за брюки, призывая забираться к ней.

Хищник, стоявший ко мне спиной, этого не видел, а вот Делмар заметил, но обратил внимание почему-то не на мочалку:

— Раяр, позволь спросить, — хищник хмыкнул, но благосклонно кивнул, — ты специально ее так наряжаешь?

- Что? — мой удивленный кошмар обернулся ко мне, осмотрел с головы до ног. Взгляд был странный...растерянный такой, словно он только сейчас заметил мое совершенно непрезентабельный вид. — Хмммм.

- «Хммм»? — усмехнулся огнеопасный братец. — Это все, что ты можешь сказать?

- Не обращал внимания, — честно признался Раяр, — разберусь.

А я не знала радоваться мне, что он с моим гардеробом разберется, или стоит беспокоиться.

Вечером, снова прячась в ванной, поняла, что нужно было беспокоиться.

Худая, верткая, черноглазая брюнетка, с длинным носом и нервными пальцами, которая ворвалась в мою спальню как раз во время ужина, оказалась местной модисткой...очень польщенной доверием хейзара, а оттого пугающе исполнительный.

А я не хотела, чтобы меня трогали прохладными пальцами, обмеряли черным швейным сантиметром, и нежно поглаживали голые руки, восхищаясь моим теплом. Не хотела и просто не смогла долго терпеть.

Пятнадцать минут и я полураздетая, но очень решительная, заперлась в ванной, чувствуя странное дежавю, но упрямо держа оборону.

— Давайте не будем расстраивать господина, — мягко журчал ее голос, — выходите, моя нежная, у нас еще столько дел.

- Каких дел? Вы меня обмеряли, с вашей модой я все равно не знакома, так что давайте вы мне просто подберете одежду из уже готового на свой вкус и все. Облегчим друг другу жизнь.

Мое предложение оскорбило ее до глубины души. Слушать о том, что она профессионал, ее имя известно далеко за пределами Мглистого удела и вообще:

— Я не позволю, чтобы об Алер Савьи говорили как о какой-то бездарной швее, которая не в состоянии справиться со своей работой! — ее гневный вопль еще звенел в моих ушах, когда в спальне послышалось недовольное:

- Что здесь происходит?

- Она заперлась, — возмущенно вскинулась Алер, но сообразила, в чьем присутствии позволила себе повысить голос, и тут же сбавила тон, заискивающе добавив, — мы не успели дойти даже до выбора ткани.

- Опять? — кто-то был крайне недоволен, а я...я была ученая и щель под дверью быстро заткнула полотенцем. Потому что безопасность прежде всего.

В спальне царил пораженная тишина, все любовались концом полотенца, который я слишком ответственно просовывала в щель.

— Это возмутительно, — задумчиво пробормотал Раяр, — считать, что меня может остановить какая-то тряпка...

А в следующее мгновение я имела честь лицезреть медленно тающее под натиском тьмы полотенце.

— Вы же можете так и от двери избавиться? — спросила я, медленно отступая к ванне.

- Могу, — подтвердили мне самодовольно.

- А почему не избавляетесь?

- Так не интересно.

Час на выбор ткани, еще почти два на составление списка моделей, что я выбрала из эскизов этой...профессионалки (она тыкала пальцем в совершенно непонятные рисунки, утверждала, что мне это очень подойдет и смотреться я в этой буду просто дивно, а я послушно кивала и смиренно смотрела как очередной номер заносится в кожаный блокнотик аккуратным, мелким почерком), и еще минут двадцать просто сидела рядом с Алер, пока она гладила мою руку и блаженно вздыхала.

С легкой руки Раяра, по каким-то своим причинам нагрывший ко мне целых два раза за один день (причины он так и не назвал, казалось даже, что бедный хищник и сам был не в курсе, зачем приперся), я могла совершенно серьезно заявить, что хуже этого дня можно было считать только тот ужасный момент, когда я попала в этом безумный мир.

Завтрак в этом мире стал для меня самым печальным приемом пищи из всех. И не потому, что он был утром и теперь, чтобы поесть, вставать нужно было раньше, чем я могла толком проснуться, но и от того, что проходил он в компании Раяра.

Обед и ужин он великодушно оставил только мне, но эти завтраки...

На этот раз сложнее всего был даже не подняться с кровати (хотя большую часть ночи я была занята совсем не сном, а выбором фасонов одежды для своего будущего гардероба и героичность моего восстания никто не смог бы отрицать), затруднительно было не сбежать из столовой только туда зайдя.

В просторном, темном помещении, за новым столом, укрытым темной скатертью сидели два темных хмыря. Мой кошмар, и огонек.

Тарелки из черного, хрупкого фарфора были пусты, ясно давая понять, что ждали тут только меня, что очень странно.

Обычно, когда я добиралась до столовой, то заставляла Раяра с бокалом чего-то янтарного и искрящегося. Он лениво цедил эту интригующую жидкость еще минут пять после того, как я усаживалась за стол и, не особо выбирая, наваливая что-то себе на тарелку — самые жуткие пять минут за день. Даже в аггельских болотах тонуть было не так жутко, как сидеть под этим тяжелым, задумчивым взглядом и делать вид, что он меня совсем не напрягает.

Минут через семь после начала завтрака мне удавалось расслабиться и наконец-то почувствовать вкус еды, которую я себе выбрала. Повар, если тут такой имелся, был просто мастером своего дела и все, что я выбирала в бессознательном состоянии, было очень вкусным.

Но что-то подсказывало, что сегодня мне не видать покоя даже через пятнадцать минут.

Делмар светло улыбнулся и порывисто встал, заставив нас с мочалками нервно отступить:

— Не стоит бояться, — нежно велел он, отодвинув стул, на который мне предлагалось сесть.

- А где прежний стол? — мы не подходили, мы стояли в дверях и смотрели вот на это вот. На безобразие это, весьма скромных размеров. Огромный стол, за которым я хотя бы отчасти могла чувствовать себя спокойной, заменили на это вот. Маленький, квадратный, совершенно не успокаивающий столик. Издевательство, а не стол. И столовая теперь казалась еще больше, и Раяр опаснее, и вообще...мне так не нравилось!

- Я от него избавился, — небрежно отмахнулся Делмар от моего сдержанного недовольства, — слишком большой, зато теперь мы будем ближе друг к другу.

Сегодня он был не помят, причесан и ужасно дружелюбен. Темный камзол, темная рубашка, темный камень в массивном перстне из потемневшего от времени серебра... темные волосы, собранные в высокий хвост.

А ведь ночью, мучаемая модисткой, я узнала страшный секрет — есть в этом мире другие расцветки у тканей. Есть! И даже белый есть.

А Хейзары, они просто на черном повернутые, вот и весь секрет их гардероба.

Дося, вцепившаяся в штанину, жалобно курлыкнула, и я полностью разделяла ее грусть. Попрошайничать мочалкам теперь будет крайне сложно.

— Садись, — хмуро велел Раяр, его вынужденная смена мебели тоже не особо обрадовала, но он смирился. И мне предстояло сделать то же самое.

Делмар помог мне сесть, пододвинул стул — я почувствовала легкое дыхание на волосах, кто-то решил меня понюхать, воспользовавшись ситуацией — и даже сам наложил мне на тарелку какую-то подозрительную субстанцию.

Она появлялась на завтраке каждое утро, но я ее интуитивно избегала. Как оказалось, не зря.

— Кушай, — меня ласково погладили по голове. Поймав мой ошалевший взгляд, этот... очень заботливый ужас, участливо заметил:

- Печень степных гаров очень полезна, а ты такая бледненькая. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты умерла раньше, чем я смогу с тобой поиграть.

- Делмар, — одернул его мой кошмар, — я уже говорил, что не отдам ее.

- Это ты сейчас так говоришь, — улыбнулся родственничек хищника, бросая на меня загадочные взгляды, — но давай будем откровенны друг с другом, ты никогда не мог долго терпеть людей, в отличие от меня.

Мочалки схоронились под моим стулом, будто их здесь нет, и я очень хотела к ним.

— И что это значит? — не то, чтобы мне было сильно интересно, если быть совсем откровенной, знать-то как раз я ничего не хотела...но надо было.

- Видишь ли, — прохладная ладонь легла поверх моей руки, нервно вцепившейся в нож, Делмар как стоял надо мной, так и продолжал стоять, беспечно вторгаясь в мое личное пространство. А ведь где-то в спальне, под подушкой, у меня лежал почти такой же ножик с тяжелой резкой рукоятью, переживший наше путешествие к защитному куполу Излома, и эта мысль странным образом успокаивала. Не полностью, конечно, но дергаться я не стала, терпеливо снося это странное прикосновение. Чуть склонившись ко мне, мазнул по щеке мягкой темной прядью, прохладной и гладкой, как шелк, этот любитель человечинки произнес, — Раяр не видит пользы в играх, из всех человеческих чувств предпочитая страх, я же считаю, что ваша любовь куда как питательнее.

- Чего?!

Он совершенно точно поцеловал меня в макушку. Легко прикоснулся губами к волосам и сел на свое место. Даже стул поближе ко мне пододвинул, чтобы вновь можно было в мою руку вцепиться.

А я ведь только дыхание перевела...

— Не думаю, что брат тебе говорил, — быстрый взгляд на хмурого Раяра, так и не притронувшегося к еде, — но мы питаемся эмоциями потому что это необходимо. Мы тоже когда-то были простыми велари. Детьми, если быть точнее, которым не повезло привлечь к себе внимание матери. Она забрала нас и изменила, наделила силой, сделала своими. Лишь на словах мы ее дети, но вся правда в том, что мы всегда были рабами, испорченные ее волей и живущие чужими эмоциями.

Еще один быстрый взгляд на хищника. Короткий, опасливый, словно Делмар проверял границы дозволенного. Сколько еще он сможет мне рассказать до того, как его брат разозлится. Пока Раяр молчал.

— Долгие годы я верил Рассах, не мог даже помыслить, чтобы послушаться ее, — в задумчивости, он начал перебирать мои пальцы, глядя куда-то поверх моей головы, на стену, где тонкими линиями, были вырезаны прямо на камне батальные сцены, — она говорила, что мы живем болью и страхом, что наше же могущество обратится против нас, если мы перестанем его кормить...

Повисла тяжелая тишина. Делмар выдерживал паузу, Дося тихо грузла ножку стула, Боси слышно не было.

А Раяр смотрел. Очень внимательно и задумчиво. Но это была нехорошая задумчивость, странная.

— А потом я выиграл одну человечку, — как ни в чем не бывало продолжил огонек, когда я уже вся извелась, а мерные поглаживания пальцев начали бесить, — она была просто прекрасна. Боялась всего, постоянно была на грани, кормила меня своими эмоциями так щедро, что ненадолго я даже перестал убивать. Я был сыт, она вечно напугана, жизнь казалась прекрасной. Ее страх был прекрасен, но еще восхитительнее было другое чувство...знаешь, вы, люди, так легко поддаетесь своим чувствам.

Мне стало немного обидно за нас, людей.

— А велари, можно подумать, не такие.

Раяр хмыкнул, и я поняла, что сморозила глупость. Поняла не потому, что захохотал Делмар, а именно из-за этого едва слышного «хм».

— Ты не можешь этого почувствовать, потому просто поверь мне на слово. С эмоциями у них серьезные сложности. Сейчас, когда людей в Темных землях не осталось, нам приходится питаться велари, и, должен признаться, они просто отвратительно безвкусны. Будто бумагу жуешь. Есть можно, но удовольствие никакого. Вы же...яркие. Ваш страх пряный и горячий, а злость колюча и горька. Столько эмоций, столько вкусов, — прикрыв глаза, Делмар блаженно вздохнул, вспоминая, видимо, те счастливые времена, когда люди еще были их рабами, — но самое лучшее чувство — любовь.

- И что, хотите сказать, что та человечка, которую вы выиграли, кого-то любила? — я была готова услышать еще одно насмешливое «хм», но его не последовало. Яночка умница, Яночка угадала.

- Меня она любила. Меня, — подтвердил Делмар.

И вот в это я поверить просто не могла. Ну не складывались у меня в голове настолько жуткие картины. Я не могла понять, как можно любить Хейзара. Это ж какой мазохисткой надо быть?

— Как она меня любила, — с мечтательной полуулыбкой произнёс он, поднося мою руку к губам.

Поцелуй получился излишне нежным...интимным что ли, тепло его дыхания согревало пальчики, а мне стало неловко и почему-то стыдно от того, что Раяр смотрит. И так неприятно.

Попытка отнять руку успехом не увенчалась, этот даже не заметил, что я рыпнулась.

— И что с ней стало?

Делмар помрачнел и отвел глаза, значит, вопрос задала правильный, я могла собой гордиться.

— Мать узнала о ней и убила, — Делмар не спешил говорить, потому за него ответил Раяр.

— А можно вопрос? — огонек опять начал темнеть лицом, и ничего хорошего лично мне это не сулило, потому, я решила хотя бы попробовать сменить тему, отвлечь его как-то от воспоминаний о своей вкусной человечке. — Вот вы говорите, что Рассах вас нашла, себе забрала и изменила, так? А почему она просто себе ребенка не родила? В смысле, если учесть, что я видела в колыбели, мало кто отказался бы сделать ей дите...

- Ты водил ее в Колыбель матери?! — подскочил Делмар. — Она же могла лишиться рассудка!

Раяр лишь раздраженно отмахнулся от его возмущения. Хищник отчего-то был уверен, что мне там ничего не грозило...кроме истерики.

— А на вопрос вы ответите? — меня не то, чтобы сильно смутила столь бурная реакция огонька, на эту новость, но сразу стало ясно, что Раяр не особо обо мне беспокоится. А ведь я — единственный человек на все Темные земли. Очень вкусный человек.

- Видишь ли в чем дело, Яна, — мастерски игнорируя выразительно-негодовательный взгляд Делмара, хищник покосился на пол, где за клубилась тьма, закручиваясь в небольшой вихрь, она поднималась над камнями, уплотнялась, выплетая человеческую фигуру. Женскую. Голова, высокая прическа, открывающая тонкую шею и узкие плечи, грудь, бедра...и два красных уголька вместо глаз, — мать — это чистая энергия, Тьма в полном понимании этого слова. Суть того, что боялись еще до появления Рассахи на этом осколке. У нее не было тела, лишь форма. Как Мирай — Извечный Светоч и богиня светлых, является лишь солнечным лучом, так и Рассах была только тенью.

- Круто...

Не успела я толком переварить услышанное, а темная, зыбкая фигура окончательно растаять, как в столовую влетел сгусток тьмы, в форме птицы. Быстро махая крыльями, она полетела в Раяра, планируя таранить, но в нескольких сантиметрах от его лица, словно налетела на невидимую преграду и взорвалась тьмой.

— Какая неожиданность, — усмехнулся мой кошмар.

- Что-то случилось? — поинтересовался Делмар. Я молчала, но очень надеялась, что хищник на вопрос ответит.

- Послание от Эльмут, — сегодня на рассвете из Сумеречной зоны вышел отряд светлых, — едут ко мне.

- Очередная делегация? — нахмурился огонек. — Помнится, в прошлый их визит, тебе весь замок пришлось от благословений вычищать.

- Я повысил цену на руду втрое, их можно было понять, — Раяр был на удивление благодушен.

А меня вот этот неожиданный визит светлых напрягал. Хотелось, конечно, посмотреть на них, но предчувствие грядущих неприятностей все портило.

Хотелось верить, что это просто разыгралась моя паранойя, что перенервничала и везде мне видится беда, но правда была в том, что беда и правда была. И сейчас она спешила к границе земель Эльмут, чтобы потом пересечь земли Рашаар и ступить в Мглистый удел.

Глава пятая. Сосуд

Первая партия нарядов была готова на третий день после примерки. Два платья, несколько комплектов белья, пара туфель и одуряюще удобные брюки, к которым хорошо шла простая рубашка и расшитый жилет.

Я перемеряла все! И не потому, что несравненная Алер этого требовала, но от того, что самой было жутко интересно, подойдут ли мне наряды этого мира.

Именно за этим занятием, на одном из платьев, которые я оставила на самый конец примерки, меня и застал Делмар.

Огонек любил мое тепло и осторожно питался моим раздражением, которое сам же и вызывал, пока Раяр не видел. И скрыться от этого любителя человеческих эмоций было решительно негде. Делмар был вездесущ, как кара небесная и голодная Дося вместе взятые, и находил меня везде.

— Тебе очень идет синий! — заверили меня от двери, пока я, под одобрительным взглядом модистки, крутилась перед зеркалом в пока еще пустой гардеробной.

Я вздрогнула, Алер картинно прижала руки к груди, а мочалки, до этого обнюхивавшие мои новые и такие удобные туфельки, отвлеклись от своего занятия.

Делмар улыбался, привалившись плечом к дверному косяку и с интересом разглядывая мой новый наряд. Сам он, не изменяя себе, обрядился во все черное, и лишь красная нить, которой были вышиты его жилет и камзол, выбивалась из общей черной гармонии.

— Ссспасибо, — я была вежливой девочкой и не хамила даже тем, кто за последние дни успел довести меня до ручки, — вам бы тоже очень пошло.

— Платье?

— И платье тоже, — нагло подтвердила я, получив в ответ короткий смешок.

Не обращая внимания на модистку, застывшую у одного из пустых стеллажей и, казалось, даже переставшую дышать, Делмар подошел ко мне, взял за руку, рассматривая кружево рукава, погладил ладошку большим пальцем и задумчиво спросил:

— Скажи-ка мне, Яна, как ты смотришь на небольшую, но крайне увлекательную прогулку по городу?

— А с кем?

На меня посмотрели так, будто я его только что последними словами обругала.

— Со мной, разумеется.

— Ааа, — а ведь мне так хотелось прогуляться по какому-нибудь их городу, — спасибо, но что-то желания нет.

Делмар понял все по-своему и раздраженно махнул рукой:

— Хорошо-хорошо, Раяра, так уж и быть, возьмем с собой.

...а в город хотелось все меньше и меньше.

— Конечно, Хариг намного красивее Хавари, но Раяр не согласится отправиться в мой удел.

— Хавари — это же столица...

— Мглистого удела, — перебил меня Делмар, закатив глаза, — да. А ты думала, я предложу тебе прогулку по какому-нибудь пограничному заселку?

Если быть честной, я вообще не думала, я сразу решила, что буду отказываться, но он

сумел меня удивить.

Единственный город, в который меня таскал за собой Раяр, находился как раз почти на границе его земель, рядом с горами, и семьдесят шесть лет назад как раз и был обычным заселком, пока в горах не было обнаружено серебро. Много серебра. Заселок стал стремительно развиваться и богатеть, и к сегодняшнему году уже гордо звался городом Фида.

Я это два дня назад узнала и очень впечатлилась, а теперь мне предлагали посетить столицу. И не потоптаться на центральной площади десять минут, а прямо прогуляться по улицам, посмотреть на здания, на велари... на все.

Вот только компания была в высшей степени сомнительной.

— Знаешь, у тебя очень забавное выражение лица, когда ты так сосредоточенно о чем-то думаешь, — умилился огонек, потрепав меня за щеку. Боса у моих ног недовольно заворчал, привлекая к себе его внимание, — странные питомцы для девушки. Вы, люди, вроде, больше любите беспомощную пушистую живность.

— Что дали, то и люблю, — огрызнулась я, очень недовольная тем, что он так нагло пугает мою мочалку.

— Приятно слышать, — фыркнул Делмар и за руку, крепко сжимая запястье, потащил меня прочь из комнаты. Мы шли искать Раяра, а мочалки бежали следом за нами, тихонько тренькая за спиной.

В гардеробной осталась одна Алер, на которую встреча с хейзаром соседнего удела произвела неизгладимое впечатление.

А я бежала по коридорам, влекомая крепкой рукой огонька.

Подол платья путался в ногах, туфельки, на первый взгляд чертовски удобные, как будто бы соскальзывали с ног, я рисковала остаться босиком и растянуться на полу. На этом холодном каменном полу.

— Медленно, — недовольно цыкнул Делмар, а в следующее мгновение я уже висела на его плече. Проблему моей весьма скромной скорости он решил кардинально.

Минуты через три меня, едва осознающую, что происходит, где я, и почему все кружится, уже вносили в мрачный кабинет моего кошмара. Это был даже не кабинет. Кабинетище.

Кожа, дерево и камень, все стандартно черное и очень мрачное. А под потолком истерично металась дымные птички-послания, которые хищник не хотел читать.

— Раяр, собирайся!

Наше эпичное вторжение моему кошмару явно не понравилось. Я это в буквальном смысле копчиком почувствовала.

— Нет.

Очень коротко, но так решительно это прозвучало, что я даже злорадно обрадовалась, довольная тем, что Делмар обломался, и никто никуда не отправляется. Ни в пограничный заселок, ни в столицу, ни даже в Тающие леса, что находились на севере Мглистого удела, и в которые Раяр обещал меня сводить сразу после гор.

Предчувствуя, как меня сейчас отпустят, я выйду к свои мочалкам, оставшимся за дверью, и мы вместе вернемся в мою спальню, я как-то пропустила тот момент, когда уверенное «нет» превратилось в смиренное «да».

Хотя, быть может, оно и не превратилось, но в столицу мы все же отправились. Втроем.

Довольный Делмар, несчастная я и раздраженный Раяр.

Неудивительно, наверное, что первый встреченный нами на тихой улочке, где мы появились, велари заметно побледнел и поспешил назад на главную улицу, чтобы

затеряться в толпе таких же хорошо одетых, очень деловых горожан, спешивших по своим делам.

Девушки, в подавляющем большинстве, красовались в платьях, некоторые предпочитали брюки, и абсолютно все были со сложными прическами на темноволосых головках, у мужчин прически были несколько разнообразнее. Косы, хвосты, кто-то предпочитал просто распущенные волосы, многие ходили с нормальной, короткой стрижкой, но все они так же неизменно были брюнетками.

И кожа у них была светлая, не бледная, как у моего кошмара, а именно светлая, здоровая, у девушек даже румянец на щеках можно было заметить, натуральный или результат косметических трудов — не знаю, но выглядело красиво.

Велари я разглядывала всего пару минут, а потом Раяру надоело топтаться на одном месте, и меня подтолкнули вперед, предлагая уже идти по каменной мостовой вдоль ярких витрин, красивых вывесок и завлекательных названий.

Я брела вслед за двумя переговаривающимися хейзарами, жадно разглядывая широкую, будто сказочную улицу.

Подозреваю, у меня было до придурковатости восторженное лицо, некоторые велари, по крайней мере, смотрели на меня очень странно и даже оборачивались вслед.

У одной витрины я и вовсе остановилась, сраженная красотой десертов. Это было настолько восхитительно, что я просто не могла отвести взгляд, непроизвольно сглатывая слюну. В замке меня кормили хорошо, но сейчас, глядя на произведения искусства в песочных корзинках, на воздушные суфле на тонком бисквите, пирожные невообразимых форм... я чувствовала себя такой голодной.

— Чувствуешь? — от созерцания прекрасного меня отвлек голос Делмара, в котором я услышала улыбку: — Это восхищение. Невероятно, правда?

Раяр на него только недовольно цыкнул, взял меня за руку и потащил за собой, оставив позади мой персональный рай.

— Зря ты так, — заметил огонек, и я была с ним полностью согласна. Зря. Зря-зря-зря.

Ладонь у моего кошмара была холодная и жесткая, а Делмар, шедший теперь рядом со мной, самодовольно улыбался. И любоваться красотами мне не давали.

— И куда мы так бежим? — не выдержала я, когда в одной из витрин увидела манекен в весьма интересном платье, но разглядеть не успела.

— Терпеть не могу это место, — сквозь зубы процедил Раяр, совершенно не прояснив ситуацию. За него это сделал Делмар:

— Слишком много велари, — снисходительная улыбка, казалось, прилипла к его губам, — Раяр пользуется мороком, чтобы его не узнали, и не началась суматоха, но если сделать так...

Легкое движение пальцами и... ничего. Я ничего не почувствовала, но мой кошмар резко повернулся к Делмару и выражение лица у него было... убивательное такое.

А в следующее мгновение две девушки, идущие прямо на нас остановились, побелели, одна даже в обморок решила упасть, медленно осев на мостовую. Вторая, державшая обморочную под руку, склонилась вместе с ней, не понимая, что можно просто разжать руки.

— Когда-нибудь я забуду, что ты мой брат... — очень тихо начал Раяр, но его перебили с беспечной улыбкой на наглой роже:

— Не забудешь, ты же первенец, тебе больше нас досталось. В том числе и верности семье с избытком перепало.

Делмар скалился, Раяр злился и, кажется, даже рычал, я просто переживала за свою руку, которую уж очень сильно сжали, а вокруг нас, тихо паникуя, с выпученными от

ужаса глазами, но молча и незаметно, разбегались велари. Сразу видно, любят подданные своего господина. Чтут и боготворят.

— Эээ, а что происходит-то?

— Видишь ли, — Делмар прикрыл глаза, полной грудью вдохнув теплый летний воздух, — если хейзар появился на улицах города, значит, для кого-то этот день непременно станет последним, и никто не хочет стать этим неудачником. Глупые, они до сих пор так и не смогли смириться с тем, что свою жертву мы найдем везде, как бы хорошо она не спряталась.

Итак, я гуляю по городу в компании двух психованных каннибалов, которых боится их же собственный народ. Круто.

— У меня что-то аппетит разыгрался. — вдруг сказал Делмар, оглядывая почти пустую улицу. Даже магазинчики уже были закрыты, а те, что еще нет, спешно закрывались. — Как вы относитесь к тому, чтобы перекусить где-нибудь?

И вот после того, что я увидела, у меня был только один, но вполне закономерный вопрос:

— А кем?

Темные были крайне возмущены моим вопросом, но соизволили объяснить, что нет, кушать велари они сейчас не будут, но было бы неплохо просто пообедать и вообще:

— Вокруг столько страха, что хватит еще на несколько дней.

Улица была совершенно пуста, и даже обморочную девицу кто-то успел утащить, а я не чувствовала никакого страха, витавшего в воздухе, только одуряюще вкусный запах свежей выпечки, которую мы теперь точно не попробуем. Булочная была закрыта, собственно, как и все магазинчики вокруг.

— Пойдем в другое место, — решил Делмар, попытавшись взять меня за руку. Но мне-то с ним за ручки держаться не хотелось, мне за Раяра обидно было, который сейчас стоял весь такой хмурый и молча смотрел в конец улицы, где совсем недавно скрылся последний напуганный горожанин, — Яна?

Отшатнувшись от огонька, я решительно подхватила мой очень недовольный кошмар под руку и нагло спросила:

— И где здесь вкусно кормят?

Делмар не обиделся, только рассмеялся, странно глядя на своего братца, не спешащего вырваться из моих цепких рученок.

— Многообещающе, — пробормотал он и первый направился дальше по улице, предлагая нам следовать за собой, — помню я одно славное место в этом унылом городе. Если оно еще не закрылось, то нам повезет очень вкусно пообедать.

— Мне стоит спросить, откуда ты так хорошо знаешь мою столицу? — Раяр не то, чтобы злился, он просто был очень сильно недоволен сложившейся ситуацией. Если бы я была чуть меньше уверена в том, что у хейзаров сердца каменные, то подумала бы, будто его задело это паническое бегство. Но хищник был тем еще бессердечным гадом, очень любившим меня пугать, и я решила, что он просто злится на Делмара, который так возмутительно нагло сдернул с него морок.

— Лучше не стоит, — отозвался огонек, полуобернувшись к нам. Он шел на три шага впереди и энергично крутил головой, высматривая среди закрытых ставней и запертых дверей любопытные, но опасливые взгляды.

Мне же было не до этого, я пристально рассматривала Раяра, пытаюсь понять, вернул ли он на место свою маску, или на соседней улице нас ждет такое же паническое бегство.

Заметил мой взгляд он сразу же, но первое время мужественно его игнорировал, не выдержал только когда я начала еще и принохиваться.

— Что?

— Да вот, понять хочу, если мы сейчас к велари выйдем, нас ждет то же, что и на этой улице стряслось? Ужас, паника, спешное бегство? — приподняв бровь, он молча смотрел на меня, Делмар тоже обернулся, и я была вынуждена пояснить: — Морок этот снова на вас? Или мы целенаправленно идем горожан пугать?

Это было возмутительно и крайне неприятно, но мне не ответили, самым наглым образом проигнорировав и вопрос, и требовательный взгляд.

Пришлось ждать неизбежного. То есть момента, когда мы выйдем на соседнюю улицу. И вот парадокс, здесь было тихо и безлюдно, а буквально за поворотом вновь бурлила жизнь, будто бы никто и не знал, что совсем рядом произошло эпичное явление хейзара велари.

— Не отставайте, — весело велел Делмар и, не оглядываясь, бодро устремился вдоль улицы к возвышавшемуся далеко впереди высокому зданию.

Здесь витрины были куда скромнее, большую часть пространства занимали строгие, темные здания с неброскими вывесками... какой-то деловой квартал, честное слово.

А Делмар вел нас все дальше и дальше.

— Не верю, что говорю это, но, может, вернемся? Мои мочалки, наверное, беспокоятся.

Раяр посмотрел на меня странно, потом перевел взгляд на Делмара, шагавшего впереди (кажется, он даже под нос себе мурлыкал какой-то бодрый мотивчик), и усмехнулся.

— Должен признаться, мне нравится твое предложение, — благосклонно сообщил он. Тьма охотно заклубилась у наших ног, быстро и очень естественно. Каждое новое перемещение мне давалось все легче и легче, и Раяр с каждым разом все больше его ускорял.

Тьма резко вскинулась, готовая поглотить нас и переместить, а я заметила, как лысый мужик в подозрительно знакомом балахоне вынырнул из толпы на одно короткое мгновение, чтобы кинуть в нас странный пульсирующий предмет размером с шарик для пинг-понга.

— А...

Я не успела ничего сказать, меня привычно разобрало на составляющие, хотя точнее было бы сказать — разорвало, бросило куда-то и закружило. Меня сейчас не существовало, но рука, за которую я продолжала цепляться, ощущалась отчетливо, была очень реальной и успокаивающей, и только потому я не запаниковала.

Вышвырнуло нас совсем даже не в замок к моим дорогим мочалкам.

Не ожидавшая гадской подставы, сначала я очень испугалась, когда резко с головой ушла под воду, но крепкая рука удержала меня, вытягивая на воздух.

Откашлявшись, отплевавшись и вспомнив, что кое-как плавать я тоже умею, осмотрелась. Страшно уже почти не было, ведь рядом со мной, мокрый и очень злой, бултыхался Раяр, а, значит, мне ничего не грозило.

— Корабль, — прохрипела я, отплевывая соленую воду и щурясь от солнца, на небе не было ни единого облачка, позволяя жаркому светилу яркими бликами слепить мои слабые человеческие глаза.

— Вижу, — коротко подтвердил хищник, и на его губах расцвела нехорошая улыбка, — подождем их.

Я бы, конечно, предпочла валить отсюда, но если мой кошмар хочет познакомить меня с местными мореплавателями, то кто я такая, чтобы отказываться?

Корабль шел прямо на нас уверенно так, бодро, будто бы он тут плавал с единственной целью: в один прекрасный миг увидеть в воде барахтающееся тело и героически его

спасти.

— Яна, — Раяр пристально смотрел на приближающийся корабль, продолжая крепко сжимать мою руку. Мне бы, конечно, она пригодилась для того, чтобы лучше на воде держаться, все же пловец из меня посредственный, да и платье путалось в ногах, серьезно усложняя мне задачу, но хищник не спешил разжимать пальцы, а я не решалась потребовать свою конечность обратно, — постарайся держаться за мной.

— Поняла.

Раяр кивнул и только после этого отпустил мою руку и выплыл чуть вперед.

Корабль, черный и очень зловещий, с головой странного чудища, вырезанной на носовой части, возвышался над нами, несколько лысых мужиков, с подозрительного вида канатами, по которым пробегали красные искры, выглядывали из-за борта.

Раяр усмехнулся, прошептал «совсем на своих ошибках не учатся»... и с головой ушел под воду.

На корабле первое время было тихо, все ждали какой-нибудь подлянки от хейзара, но он все не всплывал и не всплывал.

— Раяр? — прошептала я дрожащим голосом, оглядываясь, очень надеясь, что он вот-вот покажется.

А в ответ тишина.

— Раяр!

Его нигде не было. Вот лысые мужики, которые сектанты, вместе со своим кораблем были, а хищника не было. И мне стало страшно.

И еще страшнее стало, когда невдалеке раздался плеск, но вместо мерзкого темного из-под воды показалась узкая, вполне человеческая, спина с острым плавником и черный чешуйчатый хвост, а на палубе загалдели, заметались и быстро сбросили в воду конец троса, наперебой требуя, чтобы я поднималась.

Вопроса, кто опаснее: сектанты или хвостатое нечто, которого даже эти пристукнутые адепты Рассахи боятся, не возникло. И так ясно, что сектанты безопаснее, потому что они боялись сейчас так же, как и я, а хвостатое чудище медленно плыло ко мне и страха точно не испытывало.

По канату даже не пришлось забираться, стоило только за него ухватиться, как меня потянули вверх, затащили на палубу и даже какую-то подозрительного вида тряпку на плечи накинули.

— Уходим отсюда, — велел самый зататуированный из лысых, на черепе которого, помимо странной паутины, занимавшей почти всю голову, были вытатуированы так же какие-то странные символы. На щеках, на лбу, по кромке темной паутины, даже на веках у него чернели какие-то символы. Расшифровать их у меня не получалось, хотя не так давно, опытным путем удалось выяснить, что даже наречие светлых мне вполне понятно. Неудачный обряд, в котором меня недоубили, сделал сосудом для их дорогой богини, превратил меня в прокачанного полиглота, что не могло не радовать. И если закорючки на лице лысого не поддавались переводу, значить это могло только то, что разукрасил себя дядька рунами мертвого языка. Языка Тьмы, который хорошо знали лишь ее дети... ну и эти, на голову стукнутые, кажется, тоже кое-что в нем понимали, для велари же он был просто древним языком, из которого они знали от силы несколько слов, — где одна ведьма, там и вся стая. Хейзара им хватит ненадолго.

Его лысые поделщики засуетились, разворачивая корабль, высматривая за бортом врагов (хвостатых или хищника, или, быть может, кого-нибудь еще, кто водится в этих водах), а я продолжала сидеть на палубе, сраженная словами сектанта.

Ну не верилось мне, что Раяра можно так легко убить. Даже морским ведьмам, в принципе сильным и жестоким гадинам, мой кошмар был не по зубам... но его нигде не было, он очень давно ушел под воду и до сих пор не всплыл. И почти не получалось

верить, что он может прожить без воздуха так долго.

Меня не трогали, занимаясь своими делами, и только взгляд татуированного неприятно давил. Он сел напротив, у стены, и, почти не моргая, следил за мной.

Я не шевелилась. Не потому, что смирилась, хоть и хотелось бы верить, что мою вялость приняли за смирение, просто понимала, что в открытом море, в котором неизвестно какие чудища водятся, я от сектантов не спасусь, и все, что мне оставалось — ждать и надеяться, что, добравшись до суши, я сумею от них сбежать... и было бы совсем замечательно, чтобы Раяр на самом деле не умер. Он был, конечно, тем еще кошмаром, но кошмаром моим, знакомым и почти родным в этом безумном мире.

И если уж на то пошло, я готова была страдать от его поганого характера и дальше, лишь бы он вернулся.

Татуированный поднялся внезапно, рывком, будто вздернутый вверх невидимой рукой, и бросился к борту.

Ну, а я же не дура и понимаю, если куда-то с такой довольной рожей бегут, значит там есть что-то очень хорошее. Не исключено, правда, что хорошим это что-то будет только для того с довольной рожей, как и вышло в моем случае.

Мы подплывали к суше, только суша это выглядела очень странно. Я была почти уверена, что вот этот вот серый убитый пейзаж — часть того самого печального острова, на котором Раяр знакомил меня с завесой.

Вот только я снова здесь, а хищника нет. И лысые эти кругом бегают, суетятся, кричат что-то.

Надо было, наверное, за ним нырнуть...

Синеватая круглая мордашка, облепленная черными до зеленого отлива волосами, выглянула из воды внезапно. Татуированный отвернулся, раздавая указания, а она тут как тут. Моргнула на меня защитной пленкой больших черных глаз, оскалила треугольные маленькие зубки и вновь скрылась под водой, а вернулась уже с тремя такими же любопытными, но подсознательно жуткими красотками. Чуть в стороне вынырнуло еще несколько девиц. И еще.

Я почему-то решила, что это русалки.

— Морские ведьмы! — заорал кто-то на корме, и русалки преобразились. В черных глазах холодным белым огнем загорелся зрачок, кукольные личики исказил кровожадный оскал, а волосы взметнулись вверх и затрепетали как живые, нежно касаясь тонких шей и узких покатых плеч. А я смогла увидеть, что по хребту у них идет жесткий шипастый плавник.

Сразу стало понятно, кто тогда мне в воде хвостом махнул. Морская ведьма...

Когда эти очаровашки начали карабкаться вверх, кроша тонкими, изящными пальчиками, оканчивающимися огромными черными когтями, крепкое дерево обшивки корабля, сектанты затихли, рассредоточились по кораблю и попытались дать отпор.

Огненные шары срывались с их ладоней и падали вниз, не нанося ведьмам особого вреда, но изрядно их раздражая и серьезно замедляя подъем. Две красотки, не успевшие отмахнуться от огня, полетели вниз, с возмущенным «бульк» уйдя под воду. Кто-то зашипел и врезал огромным черным хвостом с раздвоенным плавником по корпусу корабля, ее поддержали другие ведьмы.

Они били хвостами и продвигались все выше и выше, жадно вглядываясь в лица сектантов. По борту, взрезая дерево, прокатилась черная молния с насыщенным сиреневым отсветом, она разрежала двух русалок, отделила одну тонкую перепончатую ручку от тела и ушла в воду. Тихое плюх я только услышала, зажмурившись запоздало, когда расчлененка уже закончилась.

— Надеюсь, вы осознали крайнюю степень своей глупости и готовы вернуть мою человечку, — лениво раздалось за нашими спинами.

На капитанском мостике, мокрый и злой, с поцарапанной щекой и без камзола, стоял Раяр.

Живой и даже почти целый, а у его ног вилась тьма, и она казалась очень сердитой.

— Яна, будь добра, поднимись ко мне.

Дважды просить меня не пришлось. Выбирая между компанией сектантов и моим кошмаром, я в любом случае, всегда и безоговорочно, предпочла бы хищника.

Меня не останавливали, не пытались удержать и даже почти не смотрели в мою сторону. Сектанты разрывались между необходимостью держать в поле зрения хейзара и отбиваться от ведьм.

По лестнице взбежала, не ощущая ступеней под ногами, зацепилась за последнюю и, в буквальном смысле, влетела в объятия Раяра, боднув его лбом в солнечное сплетение.

Даже при том, что хищник совершенно не знал о наших внезапных обнимашках, он не растерялся, поддержал и даже руку с плеча не убрал, когда я утвердилась на ногах.

А я так счастлива была его видеть, ну так счастлива... так, что готова была расцеловать его, вот прямо в эту бледную, хмурюю рожу.

Рука на плече дрогнула, и на меня очень удивленно посмотрели.

— Что? — если бы он был не такой мокрый, я бы его, пожалуй, уже бы затискала даже.

— Ты так рада мне?

Ну просто до неприличия глупый вопрос.

— Конечно! Я, знаете ли, считаю, что свое чудище как-то лучше, чем чужое и незнакомое.

— Чудище? — у кошмара дернулся глаз, а я решила, что стоит заткнуться, чтобы не сболтнуть чего-нибудь лишнего от переполняющих меня чувств.

Молчать долго не получилось, уж очень пристально меня разглядывали. Не нравился мне его оценивающий взгляд, я себя на секундочку сочной, свежей вырезкой почувствовала или даже тортом... хотя нет, все же, вырезкой.

— Вы не отвлекайтесь, пожалуйста, лучше скажите, что мы с этими делать будем?

— Мы — ничего, — отозвался Раяр, с трудом оторвав от меня взгляд, — они — добыча морских ведьм. Я обещал им свежее мясо.

— Ообещали? Это когда они вас под воду утянули?

Хищник кивнул, а мне резко перехотелось его тискать, вот как отрубил. Никаких обнимашек, придушить гада собственными руками, и дело с концом.

— Да я же решила, что вы утонули! Почему мне ничего не сказали? Почему одну бросили?

Не знаю, что было удивительнее, то, что я сейчас наезжала на порождение тьмы... причем, он был порождением тьмы в прямом смысле, или то, что этот веларийский страх молчал. Будто бы у меня были все основания возмущаться, и он их признавал.

— Люди слабые, — изрек он очевидное, убедившись, что дальше я могу только недовольно сопеть, — ты бы умерла под водой.

Первая ведьма перевалилась через борт и очень быстро заскользила между сектантами, сбив одного замешкавшегося лысика с ног. Но далеко уползти не успела, два огненных залпа с разных сторон угодили ей в плечо и в хвост, отчего она, почему-то ярко загорелась, будто и не изводи только что выбралась, а из бочки с бензином. Не успела отразить атаку, или не заметила, но вместо того, чтобы добить упавшего сектанта, она с воем бросилась к противоположному борту, чтобы перевалившись через него добраться

до воды.

Почти сразу за ней показалась другая русалка, легко подтянув на руках свое явно тяжелое тело с длинным рыбьим хвостом, она шлепнулась на палубу и, помогая себе тонкими ручками с плавниками на предплечьях и перепонками между пальчиков, бросилась на первого попавшегося сектанта, успевшего огрызнуться лишь слабой искрой. На то, как ведьма вгрызается в горло, я не смотрела.

На палубу уже лезли другие зубасто-хвостатые монстры, желавшие полакомиться вкусным веларийским мясом.

Среди лысых разгорались первые искры неконтролируемой паники.

— Ты больше не радуешься, — хмуро заметил Раяр. Хруст костей, влажное шмяк и полный ужаса и боли вой... чья-то оторванная конечность пролетела прямо над плечом моего кошмара. Я невольно вздрогнула, а над палубой прогремело грозное:

— Дамы, держите себя в руках!

На мгновение на корабле наступила звенящая тишина, а потом вновь завозились, но уже не так энергично.

Я не поворачивалась, меня и без того мутило, и были все опасения, что стошнит прямо тут, если я еще хоть разочек это увижу.

Все больше и больше русалок заползали на корабль, но сектанты вели себя мужественно, пощады не просили, отчаянно отбивались и орать начинали, только когда их уже ели.

— Ты не сможешь предотвратить неизбежное, — сильный, громкий голос перекрыл чавканье и чьи-то хриплые подвывания, — она исполнит свое предназначение и вернет нашу госпожу на землю.

Говорил татуированный, пока к нему медленно, даже лениво как-то подбиралось сразу три ведьмы. Он не смотрел на них, уделив все свое внимание нам...и немножечко магическому плетению, что старательно вырисовывали его пальцы, сектант пытался проделать все незаметно, но я это видела, и Раяр несомненно это видел и русалки тоже должны были это видеть.

— Не хочу тебя расстраивать, — протянул Раяр, хотя по лицу было видно, что хочет, очень хочет их всех тут расстроить, — но ваш сосуд теперь принадлежит мне. Если хотите вернуть мать на Излом, вам придется найти новую жертву.

Татуированный в ярости качнулся было в нашу сторону, но взял себя в руки и благоразумно не стал добровольно отдавать себя в зубы ведьмам, которые не торопились на него нападать, растягивая удовольствие. Вокруг уже вовсю шло пиршество, а татуированный, словно не замечая этого, смотрел только на нас. И как же он ненавидел сейчас Раяра...

— Она наша, она принадлежит тьме. Мы провели обряд...

— Вы провели обряд, и, я полагаю, Мирай очень расстроилась, когда вы убили трех вошедших в силу жриц, чтобы призвать сосуд в наш мир, и еще шесть неиницированных, чтобы вложить в тело сущность Рассак. Так бездарно растроченные жизни девяти избранниц света. — не скрывая иронии, перебил сектанта Раяр.

А я точно помнила, что поляна была пустая.

— Там же трупов не было, ни одного.

— Девушки были убиты в Светлой империи, — пояснил Раяр, — в основных точках силы. Жриц Мирай невозможно провести по Сумеречной зоне без их согласия, а другого пути из империи в темные земли не существует.

— И что им мешает повторить обряд и призвать себе новый сосуд?

— А ты полагаешь, Мирай совсем не заботится о своих служительницах? — с искренним любопытством спросил он.

— Ну...

Пока я мялась, не зная, что ответить, так как понятия не имела, как к своим жрицам относится Мирай (не успела еще изучить информацию по этой теме), Раяр уже отвлекся на другое.

— Девочки, он вам не нравится? Не будете есть? Тогда я сам его съем, — сообщил он, крайне недовольный тем, что татуированный до сих пор жив, а плетение почти завершено, — Старшие наместники культа в наше время встречаются не так часто.

Ведьмы бросились одновременно. Отдавать свою добычу наглому темному они совершенно точно не собирались. Возможно, татуированный и планировал подложить нам свинью эпичных размеров, но просто не успел, заклинание так и не было завершено.

— А когда мы отсюда уже свалим? — не выдержала я. Сил больше не было и дальше слушать это голодное урчание и аппетитное чавканье...а уж этот густой запах крови, который ощущала даже я со своим весьма скромным человеческим обонянием.

— Хочешь покинуть корабль? — усмехнулся Раяр. Как будто по моему лицу было не видно!

Издваться дальше он не стал, послушно переместив нас в замок. Родной, знакомый, надежный.

— Надеюсь, ты понимаешь, что в ближайшее время новые посещения не только столицы, но любых городов невозможны. Адепты везде, не думаю, что тебе стоит так рисковать.

Вот и прогулялись по столице. Хищника я покидала в самом унылом настроении из всего своего небольшого арсенала унылых настроений.

Хотя, конечно, не могло не радовать то, что он не бросился прямо сейчас ловить на меня сектантов одного за другим. Обнадеживало это немного, хоть и было странно.

Глава шестая. Люби меня

В моей комнате, держа в заложниках моих мочалок, поджидал моего возвращения огонек.

А я была мокрая, напичканная впечатлениями под завязочку, в одной туфельке (вторую потеряла еще в море, но заметила это только сейчас) и совершенно не настроенная на общение... но кого бы это волновало?

Негодовал Делмар недолго, но бурно. Оскорбленный нашим внезапным исчезновением, он ругался ровно сорок пять секунд, а потом, наконец, заметил, что я вся мокрая и дрожу.

— Вы где были?

- Поплавали немного, к сектантам... — осеклась, вспомнив, как отвратительно хрустели ломаемые кости, но быстра взяла себя в руки, — к адептам в гости заглянули, у морских ведьм на обеде побывали.

Меня ощутимо передернуло, Делмар не мог этого не заметить. И он заметил, но вместо того, чтобы проникнуться сочувствием и оставить свои вопросы при себе, потребовал подробностей. Даже в гардеробную за мной сунулся, отказываясь уходить.

— Мне нужно переодеться! — Мокро, холодно, неприятно очень, и такое чувство, словно густой, медный запах свежей крови пропитал насквозь и одежду, и кожу, а этот никак не хотел оставить меня в покое хотя бы на несколько минут.

- Переодевайся, — великодушно разрешил Делмар, — и рассказывай.

Я выразительно посмотрела на дверь. Огонька не проняло:

— Яна, сладкая моя, неужели ты думаешь, что меня может удивить женская нагота? — усмехнулся, окинув меня заинтересованным взглядом: — Что такого ты можешь мне показать, чего я не видел раньше?

- Вы опять мной питаетесь, да? — Другого объяснения его поведению я просто не могла найти.

— Нет, меня уже тошнит от всех этих эмоций, даже от твоих, — поморщился он и добавил, — не обижайся.

А я стояла все мокрая и уж точно на него не обижалась. Я злилась. Мне хотелось переодеться в сухое, в идеале — принять ванну, а не топтаться под взглядом красным глаз, не зная, как быть.

— Ты так и собираешься дальше стоять? Заболеешь, — крайне недовольный Делмар осмотрел гардеробную и вновь уставился на меня, добив требовательным, — ну?

— Выйдите, пожалуйста. Я переоденусь и все вам расскажу.

- А если не выйду?

- Не переоденусь, заболею, а вам, вместе с вашим любопытством, придется отправиться прямиком к Раяру. Я ничего рассказывать уже точно не буду.

Делмар молча вышел и даже прикрыл за собой дверь, обозвав меня напоследок шантажисткой.

Ну и пусть я шантажистка, зато осталась одна и смогла спокойно переодеться.

Спокойно, правда, было недолго, минут через пять, когда я только разобралась с застегками на платье и смогла натянуть на себя сухое белье, дверь снова открылась.

— Почему так долго? О... — в нетерпеливого темного, застывшего на пороге и нагло разглядывавшего мой новый комплект нижнего белья нежного персикового цвета, полетела мокрая туфелька, врезалась в широкую грудь и бесславно шлепнулась на пол.

- Выйди!

- Всегда удивлялся, как у вас, у людей, может быть такая темная кожа, — пробормотал он, не обратив никакого внимания на тужельку и на мой вопль, — такой интересный оттенок...

И он шагнул вперед. Ко мне.

С таким сосредоточенно-исследовательским выражением лица, что сразу же стало не по себе.

Все что произошло дальше было только на совести Делмара.

Проще говоря, он сам виноват.

Так и заявила, когда ничего не понимающий Раяр перехватил меня на лестнице. Вернее, подхватил, когда я неудачно наступила на край покрывала, в которое спешно замоталась еще в спальне, пока очень впечатленный моим гневом огонек пытался уговорить меня успокоиться:

— Прибереги свои эмоции на завтра, когда я буду голоден, смотреть больно, как бесполезно ты их сейчас тратишь, — получив еще раз напольной вешалкой по плечу, заткнулся и попытался ретироваться, но не тут-то было.

Я неслась вслед за ним, в одной руке сжимая вешалку для шляп, а другой придерживая покрывало на груди.

Делмар бежал чуть впереди. Так продуманно бежал, чтобы я не очень от него отставала и не сильно приближалась. Он забавлялся, я это прекрасно понимала, но не могла отказать себе в таком удовольствии. Кто еще мог бы похвастаться тем, что гонял по всему замку целого хейзара? И даже то, что он сам был совсем не против, чтобы его погоняли, ничуть не уменьшали моего азарта.

— Раяр,пусти ее, — потребовал огонек, притормозив на четыре ступени ниже, — не видишь, она хочет меня убить. Не мешай.

Меня не отпустили, отняли вешалку, которую тут же метнули в Делмара, недружелюбно поинтересовавшись:

— Тебе не пора возвращаться в свой удел?

- Только после визита светлых, — гордо ответил огонек, легко увернувшись от летевшего прямо ему в голову снаряда.

Вешалка со страшным грохотом упала где-то далеко внизу, почему-то подумалось, что шляпки вешать мне больше некуда.

— Раяр? — неуверенно окликнул Делмар, когда хищник, не обращая больше внимания на своего невыносимого родственничка, начал подниматься вверх по лестнице... со мной на плече.

Хищник не отозвался, продолжая подъем. А я висела на плече и разглядывала озадаченное лицо огонька, который так и остался стоять на лестнице, даже когда мы поднялись на этаж.

— А мы сейчас куда? — я чувствовала, как край моего покрывала путается в ногах моего кошмара и честно постаралась подтянуть его повыше, что в моем положении было весьма затруднительно.

А Раяр этого даже не оценил.

Шлепнул по попе не больно, но ощутимо, обидно так, и понес дальше, строго потребовав:

— Не дергайся.

Не знаю, чего он решил добиться, но в комнату меня вносили уже изрядно раздраженную.

Казалось бы, мы живем в огромном замке... два хейзара и я, а остаться в одиночестве, чтобы немного поплакать и пожалеть себя любимую, у меня почему-то нет никакой возможности.

Немного одиночества. Неужели я хочу так много?

Не церемонясь, меня скинули на кровать. Один взмах руки, и все книги были сметены со стола, чтобы на их месте, в дымном темном облаке, появились коробочки со знакомым названием кондитерского магазинчика, перед витриной которого я совсем недавно исходила слюной.

Дося, а за ней и Бося показались из гардеробной (не иначе, на запах пришли) и сразу же устремились к столу, опасливо поглядывая на нас, распластавшись по полу и ползя почти на пузе.

А Раяр смотрел.

Не на мочалок, он смотрел на меня, чего-то очень напряженно ожидая.

Под этим взглядом, совершенно не понимая, чего от меня хотят, путаясь в покрывале и нервничая, я спустилась с кровати, оказавшись около стола раньше ползущей в том же направлении и очень энергичной Доси.

А там, источая одуряющий запах выпечки, отчетливо ощутимый даже сквозь упаковку, меня ждала мечта сладкоежки.

Пирожные, печенье, вафельные трубочки, море заварного крема и... Торт.

Именно так, с большой буквы и с придыханием. Это был шедевр, венец кондитерского искусства, это была сказка.

А я стояла на холодном полу на своих порядком от мороженных еще после погони за огоньком ножках, завернутая в покрывало, не успевшая еще забыть, с каким аппетитом далеко не сказочные русалочки поедали сектантов, и... не получалось у меня восхищаться этой красотой достаточно сильно, чтобы это даже мой кошмар почувствовал.

Светлое пятно с ярким, веселеньким логотипом кондитерского магазинчика, розовеющим на боку каждой упаковки — кусок пирога с очень реалистичной вишенкой, парящий на насыщенном малиновом фоне, с блестящей, рыжей надписью «Витаэ» — неизменно притягивало взгляд.

— А Витаэ что-нибудь значит? — осторожно спросила я, немного сомневаясь, что добропорядочные веларийцы решатся использовать для названия своего магазинчика мертвый язык.

Зря сомневалась, как оказывается.

— Сладкая жизнь, — перевел для меня Раяр, требовательно спросив, — почему ты больше не радуешься?

И взгляд такой напряженный, строгий, неприятный очень. Под таким взглядом радоваться совсем не хотелось.

- Ну, я замерзла, устала, переодеться хочу, и вы... смотрите.

Хищник нахмурился, пропустил мимо ушей почти все мои слова, зацепившись за то, что ему на данный момент казалось важным:

— Если я отвернусь, ты будешь радоваться?

И вот как он себе это представляет вообще, интересно мне знать?!

— Ссильно сомневаюсь.

- Раяр, — в дверях стоял веселый Делмар, держа в руках мою вечную вешалку для головных уборов, — если ты не знаешь, как нужно обращаться с человеческими

женщинами, то мог бы для начала спросить совета у меня.

- Если мне не изменяет память, именно за тобой она совсем недавно гналась со стойкой наперевес, — едко заметил мой кошмар.

А я что? Стою, пятки морожу, бдю. Потому что если не бдить, то из сладкого мне могут достаться только упаковки с остатками крема.

Шлепнув по потянувшейся к коробочке черной лапке, я недружелюбно поинтересовалась:

— А можно, я немного в одиночестве побуду?

- Зачем? — искренне удивился Делмар. — Люди существа стайные, вам в одиночестве плохо.

Как о животных говорил, честное слово.

— А еще мы, люди, очень нервные и впечатлительные, и мне нужно хоть немного времени, чтобы смириться с мыслью, что меня снова собирались принести в жертву.

- Да, насчет этого... — встrepенулcя Делмар, вновь обращаясь к хищнику: — Яна говорит, ты отдал adeptов наярам.

- Морским ведьмам, — влезла я, еще раз шлепнув по очень наглой черной лапе.

- Я так и сказал, — отмахнулся от меня Делмар, удобно облокотившись о косяк двери. Вешалку поставил рядом с собой, крепко держа ее за верхушку, — кто там с ними был? Наместник? Говорящий?

- С чего ты взял, что с ними был кто-то из главных? — с каменным выражением лица полюбопытствовать Раяр.

- Ты меня за дурака держишь? — возмутился огонек. — Они это спланировали, ждали вас в море, скорее всего рядом с Погасшим островом, раз морские ведьмы оказались неподалеку. Никто из adeptов культа не мог с уверенностью сказать, когда именно удастся отыскать сосуд, зрячие не рождались уже с сотню лет, им не у кого было просить совета. Значит, человечку готовы были ждать долго. Хотя, ума не приложу, откуда они узнали, что ты не скормил Яну тьме.

- Я брал ее с собой в Фиду, — неохотно признался Раяр.

Шпионы везде, во все времена, во всех мирах. Ура стабильности! Мда.

Делмар загадочно улыбнулся, но развивать неинтересную для себя тему не стал.

— Так что там с говорящим? — вернулся к насущным вопросам огонек.

- Наместник.

Глаза у него загорелись:

— В следующий раз, когда твою человечку будут похищать, я хочу отправиться с ней вместо тебя! — выпалил он. — Я лет тридцать не питался душой отмеченного матерью.

Раяр поморщился, бросил на меня непонятный взгляд:

— У меня нет желания сейчас это обсуждать. Не смей рисковать ее жизнью, — велел он и сбежал. По-другому назвать это было нельзя.

- Яна, сладкая моя, — задумчиво протянул Делмар, любуясь тем, как медленно тает в воздухе черный туман, оставшийся от перехода, — Раяр на корабле не питался?

- Нет.

Воспользовавшись тем, что я отвлеклась, Бося стянул со стола коробочку с воздушным пирожным.

Шлепнувшись на пол, коробочка раскрылась, но мочалки, под нашими внимательными взглядами, не спешили набрасываться на еду.

— Наместника кто съел?

Я вспомнила зататуированного мужика и честно призналась:

— Морские ведьмы.

— Хम्म...

Я искренне полагала, что мы оба следили за страданиями Доси, которой очень хотелось набить свое безразмерное пузо сладеньким, но смущалась от пристального внимания, а оказывается нет. Оказалось, Делмар смотрел на меня. Потому, подняв глаза и наткнувшись на его взгляд, я невольно вздрогнула.

— Что?

— Раяр не отдал душу наместника тьме.

Он качнулся в мою сторону, сделал два быстрых шага, с заминкой отпустив вешалку, отчего та опасно пошатнулась.

- И что?

Я не отступила. Не потому что не испугалась, просто некуда было отступить.

За мной были стол и мочалки, успевшие стащить на пол еще две коробочки. Бисквит и покрытое глазурью печенье.

— Он отдал его ведьмам, хотел, чтобы перед смертью он страдал.

- То есть, существует какая-то принципиальная разница? Съест его какая-то хищная русалка или кто-нибудь из вас?

Я помнила, как один из сектантов самолично себе горло вскрыл, и совершенно точно была уверена, что для того же наместника оказаться съеденным морскими ведьмами было куда как предпочтительнее.

— Мы поглощаем душу, отнимая возможность на перерождение, — буднично, как что-то обыденное, сообщил Делмар, — брат не стер из нашего мира наместника на этот раз, но это не значит, что он не знает, где его найти. Стоит тому только вновь родиться, как Раяр найдет его. Через сотню лет, через две или через три. Эта душа теперь принадлежит ему, и она знает об этом.

- Так вы питаетесь эмоциями или душами? — у меня уже мозг начинал закипать.

- Эмоции позволяют нам жить, а души... скажем так, они увеличивают наше могущество. Каждый день рождается несколько новых, совсем еще юных душ, — говорил Делмар со странной, пробирающей до костей нежностью. Ласковый мясник на бойне, — так почему бы не освободить для них место?

— И все довольны, — проворчала я, — ваша сила растет, перенаселения в ближайшем будущем не предвидится. Красота.

- Напрасно иронизируешь, — рассмеялся Делмар, — все именно так и есть. Но сейчас тебя должно беспокоить не веларийское будущее.

- А что же? — мне не понравилось, как он это сказал, как посмотрел на меня, и как улыбнулся тоже не понравилось. Совсем.

- Я видел, как ваше перемещение сбили, к слову, адепт оказался совершенно неинтересным, слишком мелкая душонка, слишком много страха. Я его скормил тьме, и мне до сих пор как-то нехорошо, — скривился он, — но сейчас не об этом. Думаю, Раяру очень не понравилось, что кто-то управлял его силой. В прошлом он просто поглотил бы корабль и отправился по своим делам, которые так нагло прервали, но сейчас он договорился с наярами. Позволил погаснуть стольким искрам, отпустил такое

количество душ...

- Я искренне стараюсь уследить за ходом ваших мыслей, но не могу. Говорите, пожалуйста, проще.

Делмар хмыкнул, странным жестом, совершенно не вяжущимся с его мрачной персоной, дернул себя за хвост:

— Видишь ли, закончить обряд и поместить в сосуд сознание Рассах после первой неудачной попытки теперь можно только на Потухшем острове, где больше всего энергии матери. Но теперь, распробовав напитанное тьмой мясо адептов, наяры легко почувствуют их приближение.

- Я так понимаю, устроить засаду в море уже больше не удастся?

Делмар кивнул.

— Не удастся, — подтвердил он с загадочной улыбкой, — и я, видимо, никогда тебя не получу.

Прозвучало это странно, но обнадеживающе. Хотя, странно, все-таки, больше.

— Что?

- Если бы Раяр просто ловил на тебя адептов, как собирался, он бы не стал усложнять им жизнь. Мне с самого начала показалось странным, что брат не выводил тебя в город, чтобы продемонстрировать адептам...

- Мы были в Фиде, — воинственно напомнила я, неизвестно зачем пытаюсь отстоять свое звание приманки.

— Небольшой городок на окраине, — закатил глаза Делмар, — чудо, что там вообще оказался кто-то из культа.

Я молча ждала, что же он скажет дальше. И огонек не стал разочаровывать:

— Мы измененные, Яна. Мать создала нас такими, какие мы есть, сделала зависимыми от чужих эмоций, — ему было неприятно об этом говорить, рассеянный взгляд скользил по комнате, не задерживаясь надолго ни на одном предмете, — но для того, чтобы ощущать чужие эмоции и не потерять в них себя, наши чувства так же претерпели некоторые изменения.

Я прямо ждала, как он сейчас скажется, что им пришлось отключить свои чувства, и теперь они отличаются от дубового пенька лишь тем, что тот не может тебя убить. Или запугать, а потом убить.

Делмар меня удивил:

— Наши чувства и эмоции в несколько раз сильнее ваших.

- И что бы это значило? — я прямо чувствовала в этом его признании какую-то подставу. Но меня озадачили непонятным:

- Учись радоваться для Раяра, Яна.

Возможно, у меня бы и получилось выбить из Делмара хоть какие-то объяснения, но послышалось очередное «плюх», и я не выдержала:

— Да сколько же можно?

Бося опасливо зажмурился, поджав под себя лапки. Дося тоже вздрогнула, но есть не перестала. Вот сразу видно — девочка, наглая и целеустремленная, а мой кошмар говорит, что они бесполые.

— Дося, я посажу тебя на диету! — угроза так себе, конечно, если учесть, что она-то знает, где здесь находится кухня, а я нет... пока нет.

- Ты живешь в его доме, даешь имена его существам, — Делмар сокрушенно покачал головой, — и на что я рассчитывал?

Резко развернувшись, он в задумчивости покинул мою комнату, уже в коридоре категорично и громко заявив:

— Решено. После визита светлых отправлюсь в резервацию, найду себе человечку.

- Тренд этого сезона, — человек, — вздохнула я под очередное дерзкое «шлеп», — да вы издеваетесь?!

Кто бы знал, насколько легче мне жилось, когда Раяру просто требовалось, чтобы я боялась.

Бояться было несложно, мне даже не приходилось ничего для этого делать, мой кошмар и сам неплохо со всем справлялся, а я просто не пыталась подавить эмоции.

Но... радоваться-то ему как? В гнетущей атмосфере беспросветной мрачности его замка, прекрасно осознавая, что моей радостью будут питаться, как-то совсем не удавалось настроить себя на оптимистичный лад. Я была унылой лужицей и чувствовала себя соответственно.

Обрадовалась, Яночка, один разочек хищнику, совершенно случайно, теперь давай, огребай за свою импульсивность.

Я не верила, что у меня вообще когда-нибудь получится угодить Раяру своими эмоциями, почти не сомневалась в том, что он сам в это не верил, и тем неожиданнее было как-то ближе к вечеру, прогуливаясь по замку мимо библиотеки, случайно застать моего крайне недовольного хищника и подозрительно воодушевленного Делмара.

— Если ты будешь продолжать вести себя с ней так, как ведешь сейчас, — вещал огонек, заложив руки за спину, и кружа вокруг стола, за которым сидел Раяр, непримиримо разглядывающий стопки книг, — будешь питаться страхом и раздражением до конца ее дней. Люди, к слову, живут крайне мало...

Оборвав себя на полуслове, он резко обернулся к двери, каким-то образом ощутив мое присутствие.

- А вы что здесь делаете? — осторожно спросила я, нерешительно переступив порог. Нет, если бы они говорили о чем-нибудь другом, не касающемся человека, я бы прошла мимо, сделав вид, что ничего не слышала и не видела, но обсуждали-то здесь меня...

- Ты как раз вовремя, — обрадовался Делмар, — иди сюда.

Я послушно подошла и даже не сильно удивилась, когда огонек встал позади, опустив тяжелые руки мне на плечи. Я же теплая, мягкая и вообще очень трогательная.

— Посмотри на нее, — раздалось требовательное над моей головой, и Раяр, до этого со скептическим выражением лица следивший за братом, медленно опустил взгляд на меня.

Я молчала, Делмар тоже молчал, мой кошмар выразительно приподнял бровь, но остался непонятым.

— Что я должен увидеть? — наконец спросил он.

- Очевидное, — Делмар совершенно не умел нормально объяснять, это я поняла еще несколько дней назад, когда он, напустив тумана, потребовал учиться радоваться Раяру. Я до сих пор не до конца могла понять смысл всего того, что он мне тогда наговорил. Понятнее его слов мне казались даже записи в одной старой, потрепанной книге, больше всего похожей на блокнот. Кожаная мягкая обложка, пожелтевшие от времени плотные листы бумаги, легко впитавшие почти не выцветшие чернила, которыми и была заполнена книга.

Автор этой... рукописи утверждал, что самым серьезным и необратимым изменениям подверглись далеко не тела, но сознания хейзаров.

Тьма требовала от своих детей безоговорочной преданности и получила все, что хотела. Не учла, правда, одного: их привязанность к матери была сильной, но на порядок слабее привязанности к своим братьям (и сестре, единственной девочке, которая почему-то считалась неудачным, но не уничтоженным экспериментом).

Их было десять, и они держали в страхе все темные земли... тогда еще Темную империю, а потом Рассах избавилась от десятого, самого слабого, по ее мнению, хейзара.

Фатальная ошибка, приведшая к заточению в колыбели. Вечный сон. Не сказать, что я ей сочувствовала. Я немного сочувствовала Раяру, который был первенцем, имел самую крепкую связь с матерью и самый большой резерв сил. И самую сложную работу пришлось проделать моему кошмару.

Он ее усыпил, потом хейзары разделили между собой земли и решили навсегда забыть о том, что когда-то над ними стояла сила несоизмеримо больше их собственной. Темная империя развалилась, но никого это не расстроило, кроме, пожалуй, адептов культа Рассах.

И вот стояла я перед хейзаром, который, по идее, должен был бы править Темной империей вместо матери, но который не стал этого делать, и понимала, что случиться сейчас может что угодно. Мне же было совсем непонятно, чем они руководствуются, совершая те или иные поступки. Да я вообще не знала, чего от них можно ожидать...

— У тебя же были люди, — терпеливо напомнил Делмар, чуть сжав мои плечи.

- Которые меня боялись, — раздраженно напомнил Раяр, не отрывая от меня взгляда.

— А ты пробовал с ними разговаривать?

Хищника очень удивил этот вопрос:

— Делмар, стоило мне только оказаться рядом с кем-то из них, как он тут же начинал плакать и молил его не трогать. Как я мог с ними разговаривать? Мне было противно стоять рядом...

- Но она-то тебя не боится! — меня решительно выставили вперед, гордо продемонстрировав чуть опешившему хищнику, который упрямо не согласился с этим заявлением:

- Боится.

- Но не так сильно, как другие, — не унимался Делмар, — давай, просто поговори с ней. Покажи, что ты умеешь быть милым...

Огонек заткнулся, сраженный нашими недоверчивыми взглядами. Я не поленилась даже шею до хруста вывернуть, лишь бы заглянуть в глаза этому сумасшедшему. Потому что только законченный псих мог хотя бы просто предположить, что Раяр может быть милым.

Передернув плечами, Делмар нахмурился:

— У меня получилось завоевать любовь человеческой женщины, и у тебя получится. Главное, помни — это лучше страха.

Меня подтолкнули к столу еще на шаг, заставив упереться в столешницу и отпустили, а Делмар просто рассыпался по полу быстро тающими искрами, оставив нас наедине.

В очень неловкой тишине.

— Сядь, — устало велел Раяр, и я подчинилась.

Мы помолчали. Мой кошмар собирался с мыслями, я просто пыталась осознать услышанное. Не хотелось верить, что хищник не просто на мою радость замахнулся, что ему нужно кое-что посерьезнее...

Не хотелось, но пришлось.

— Яна? — позвал меня Раяр, когда тишина уж совсем неприлично затянулась.

- Ммм?

- Вы, люди, крайне эмоциональные существа, верно? — спросил хищник, кажется, и правда решивший поговорить со мной.

— Ну, предположим... — подтвердила я, чувствуя, что вот прямо сейчас меня настигнет полный песец и надолго поселится в моей жизни.

- И любовь для вас — чувство вполне естественное, так?

- Так, наверное, — неуверенно подтвердила я, хотя очень хотелось все отрицать. А еще не хотелось верить, что он прямо сейчас, прямо вот так вот сразу собирается последовать совету своего брата, — а зачем вы об этом спрашиваете?

- Я хочу, чтобы ты меня полюбила.

- ...чего? — напрасно я надеялась на его благоразумие. Откуда бы ему взяться, если мой кошмар с людьми раньше нормально не общался, а все его приказы всегда беспрекословно выполнялись.

— Делмар был прав во многом, — продолжил он, не отпуская меня, крепко держа взглядом своих странных желтых глаз. Радужка мерцала, плавилась и перетекала, а зрачок необычно дрожал, — я почувствовал и теперь знаю, что твои эмоции могут быть другими. Весьма... привлекательными.

- Что, привлекательнее страха?

Раяр поморщился:

— В страхе нет ничего привлекательного, это простая эмоция, которую люди, так же как и велари, испытывают при одном виде хейзара. Раньше мне было достаточно и этого, — хищник замаялся, не зная, как подобрать слова.

- А теперь, стало быть, недостаточно, — я раздражалась. Осознавала, что совсем скоро мое раздражение достигнет той границы, за которой его почувствует и хейзар, но успокоиться не могла.

Любви моей он захотел. Ха! Я ему еще просто радоваться не научилась, а тут любовь. Как же сейчас.

- Теперь я хочу большего, — подтвердил он, еще не зная, какая буря набирает силу у меня внутри.

Махровый эгоист просто, а не хейзар.

- Хорошо, предположим, я вас полюблю и что тогда?

- Что?

Я психованная, бешеная человечка, которую озадачили дебильным предложением, конечно, я не смогла смолчать:

- Но ведь если я вас полюблю, то буду страдать. И вы что, собираетесь питаться моими страданиями? Так мне для этого и не надо пытаться вас полюбить. Достаточно пойти и дверью себе палец прижать. Страдания гарантирую.

- Почему ты думаешь, что будешь страдать?

Он не понимал. Он искренне не понимал, насколько же неподходящим кандидатом для всяких нежных чувств является. И моей миссией было открыть ему глаза на правду. Его страшные желтые гляделки.

— Ну вот смотрите, — я загнула палец, — характер у вас поганый, это раз. Куча неблагонадежных родственников — два. Мама ваша, конечно, почти в коме, что плюс, но она же Изначальная Тьма и самое страшное зло в этом мире, что, несомненно, огромный

минус. Безответная любовь всегда приносит страдания. Ну и просто осознавать, что моей любовью тут просто питаются....

Все пальцы на правой руке были сжаты в кулак, и я очень старалась себя сдерживать, чтобы не скрутить фигу и не сунуть ее под нос вот этому вот генератору идиотских идей.

— А если чувства будут взаимны?

Сначала я офигела, потом подняла отвалившуюся челюсть, прочистила уши и на всякий случай переспросила:

— Что?

- Я сказал, что могу обеспечить тебе взаимность, — сдерживая раздражение проговорил он.

Я медленно и очень внимательно его осмотрела. Бледный, хмурый, жуткий очень... а главное, совсем не похож на того, кто может мне какую-то там взаимность обеспечить.

— А может оставим все как есть? — да, я еще на что-то надеялась. Он помрачнел, и я выпалила: — А давайте я вам другую человечку притащу? Делмар все равно в резервацию собирается, я с ним смотаюсь и выберу вам самую смелую. Хотите блондинку? У вас тут с этим дефицит, а среди местных людей светленькие должны встречаться. Экзотика...

- Нет, — сдержанно отказался он от всех моих предложений.

И вот не знаю, как у Делмара тогда вышло как-то превратить безоговорочное «нет» моего кошмара пускай в раздраженное и недовольное, но «да». У меня не получилось.

— Ну я же не могу вот так просто взять и в одно мгновение кого-то полюбить, — возмутилась я.

- Я подожду, — пообещал он с таким выражением лица, что я на мгновение даже засомневалась: о чувствах мы говорим, или о чем-то другом, бытовом и совершенно незначительном.

Как он это себе вообще представляет?

- Для начала, думаю, тебе стоит перестать обращаться ко мне на «вы», — чуть рассеянно заметил Раяр, вызвав у меня непреодолимое желание зверски его отвыкать.

Но я сдержалась... хотя нет, не сдержалась, потому что если бы сдержалась, то не ляпнула бы:

— Да как скажешь, любовь моя... безответная.

И самое ужасное заключалось в том, что мой ответ его устроил.

Глава седьмая. Безлунье

Я никогда не любила розы. Вернее нет, не так — я не могла понять, что именно в них так всех восхищает.

Ну цветы и цветы. Красивые. Так на свете много красивых цветов...

А этим утром, проснувшись на колючем, пахучем и очень неудобном покрывале из черных роз на длинных шипастых стеблях, поняла, что просто ненавижу их. Вот смотреть не могу и все тут, бесят они меня просто не по-детски, до нервного потрясунчика и желания крушить все вокруг.

Например, недоумевающую рожу моего кошмара, который точно не понял, почему на завтрак я явилась в ночнушке, непричесанная, злая и с колючим цветочным венником в руке.

И я планировала с огромным удовольствием ему все объяснить, желательно подкрепляя свои слова ударами по лицу. Вот прямо розами и по его наглой, невозмутимой морде.

Я застыла в дверях, сжимая в исцарапанной руке букет и чувствуя, как жжется спина, бока и почему-то правая грудь. А еще щека, которая точно была исцарапана не меньше рук.

Делмар кашлянул, вынуждая меня оторвать горящий праведным гневом взгляд от моей бесстрастной жертвы.

— Яна, а что с тобой случилось? — осторожно спросил огонек, медленно поднявшись из-за стола. Обычно он вскакивал очень бодро, весь такой галантный и предупредительный, отодвигал мне стул, предлагал сесть и улыбался. Улыбался. Все время улыбался.

Сейчас же Делмар выглядел очень удивленным и даже не думал предложить мне сесть. Вместо этого он подошел ко мне, осторожно взял за подбородок, чуть не получив за это розами по роже вместо своего брата (едва сдержалась, честное слово), и медленно покрутил мою голову, разглядывая лицо, шею, даже попытался за ворот ночнушки заглянуть, но получил по наглым конечностям и передумал. Зато руки мои разглядывал долго, вдумчиво, увлеченно так, а потом спросил, глядя на розы:

— Яна, сладкая моя, не хочешь рассказать, за каким тарготом ты с утра лазила по кустам? Почему не отправила кого-нибудь из нарз, чтобы они принесли тебе букет, если так хотела?

Я все еще не привыкла, что у моих мочалок есть настоящее название, и на секундочку подвисла, соображая, кого он имел в виду.

— Я их не собирала, — встряхнув букетом, медленно, очень значимо посмотрела на Раяра, — я на них спала.

Делмар тоже обернулся на брата, но спросил почему-то у меня, как будто я должна была знать ответ:

— Зачем? — продолжая сжимать в руках мою свободную ладошку, он рассеянно перебирал мои пальцы. — Меня, конечно, очень радует, что ты с самого утра испытываешь такие сильные эмоции, но... они же отрицательные.

— А это у вас нужно спросить. Почему я спала на розах? Откуда они вообще в моей кровати взялись?

Делмар медленно, неверяще что ли, посмотрел на Раяра, а тот совершенно не чувствовал за собой никакой вины.

Откинувшись на спинку стула, хищник нагло заявил:

— Это была твоя романтическая идея.

Огонька передернуло от моего недоброго взгляда... а может и от несправедливых обвинений, которые тут же были опровергнуты.

Но лучше бы он этого не делал, вот правда.

— Во-первых, это должны были быть лепестки роз.

— По-твоему, я должен был сидеть и ощипывать их? — возмутился Раяр.

— Ты мог бы приказать, — Делмар бросил значимый взгляд наверх, туда, где потолок терялся в густой клубящейся тьме, которую не способен был рассеять ни солнечный свет, пробивавшийся в большие, светлые окна, ни сияние магических светильников, установленных, казалось бы, везде.

— Это унижительно, — пробормотал мой кошмар, тоже посмотрев наверх.

Я за компанию подняла голову, любясь этой черной клубящейся мрачностью, с ностальгией вспоминая, как из вот такой же тьмы, только в главном зале, мне на радость вывалилось две мочалки.

— К тому же, — вернулся к важному Делмар, — рассыпать по постели лепестки ты должен был в романтический вечер вашей первой ночи. А ты что натворил?

И с такой непробиваемой уверенностью он это сказал, с такой нерушимой верой в свои слова, что я даже не сразу поняла, что конкретно меня так сильно возмутило.

Дошло до меня быстро, Раяр даже не успел отреагировать на этот наезд:

— Какой еще первой ночи?!

От меня нагло отмахнулись, вырвали веник из рук и, потрясая им в воздухе, спросили:

— Ты мог хотя бы от шипов избавиться?!

— Откуда мне было знать, что люди настолько хрупкие? Женщины любят розы, зачем они любят то, что может их ранить? — глухо огрызнулся Раяр, из-под нахмуренных бровей глядя на нас. Хищник чувствовал себя неловко, кажется, даже осознал, что имел место косяк с его стороны. Такой шикарный косяк эпических масштабов. И его все это очень бесило.

— Мазохистки, — со знанием дела ответила я, почесав бок. Царапины не просто жглись, теперь они еще и чесаться начинали, и это было просто невыносимо, — а я не мазохистка, я нормальная, потому, давайте договоримся, я буду просто очень сильно радоваться, что вы не пытаетесь за мной ухаживать, а вы... а вы не будете пытаться за мной ухаживать!

Ответил за Раяра почему-то Делмар, причем с очень негодовательным видом:

— Нам не подходит!

— Но...

— Завтра, будь так добра, веди себя хорошо и жди в своей комнате завтрак в постель.

Мне поплохело. Сегодня меня всю искололи и исцарапали, а что завтра? Обварят чаем? А столовые приборы? Они же тоже будут. Вилка там... ножик.

— Не надо, — тихо попросила я, прекрасно понимая, что после завтрака в постели могу просто не выжить.

— Не бойся, — снисходительно посоветовал он, с покровительственной улыбкой глядя на меня, — я буду присутствовать, потому ты можешь быть уверена, все пройдет как надо.

Завтрашнее утро обещало стать последним утром моей короткой жизни.

— Да, Яна, — Делмар продолжал теревать мои пальчики и в глаза отчего-то так обеспокоенно взглянул, — у людей, насколько я знаю, крайне низкий болевой порог, почему ты не проснулась?

— Я усилил ее сон, когда приносил цветы, — неохотно признался Раяр, мужественно

выдержав наши взгляды: возмущенно-обвинительный от меня и недоверчивый — огонька.

— Я даже не знаю, что удивляет меня больше, — пробормотал Делмар, странно глядя на своего братца, — то, что ты сделал все сам, или то, как ты умудрился все испортить.

— Знаете, я, наверное, пойду... царапины, заразы, чешутся. Обработать бы. Это вам, — букет я вручила Делмару и сбежала, пока никто не попытался меня остановить и запугать еще больше. Хватит с меня и того, что эту ночь придется провести не в своей постели.

У меня на сегодня было очень много дел: найти подходящее место для ночлега, обезопасить его, обустроить и заставить как-то мочалок остаться в спальне, обеспечивать мне прикрытие.

Разыскивая себе место для ночлега, я как-то позабыла о том, что в этом сумасшедшем мире живу уже второй месяц, а безлунье здесь случалось с той же периодичностью, что и полнолуние.

Этот увечный Излом, несмотря на свою достаточно странную форму, как-то умудрялся придерживаться привычных мне законов. И раньше меня это радовало — было не так уж и невыносимо жить в мире, который пусть и весьма отдаленно, но похож на тот, в котором родилась я. Радовало ровно до этой ночи.

Некому было предупредить меня о том, что гулять по замку сегодня нельзя, а сама я, как показывала практика, оказалась совершенно неспособна чувствовать грядущие неприятности.

Именно поэтому, уютно устроившись в гардеробной одной из спален третьего этажа, находящейся в самом конце коридора, во втором часу ночи я проснулась от ощущения чужого взгляда.

Как не заорала — ума не приложу. Двери, что я предусмотрительно подперла стулом, не было. Стула, кстати, тоже нигде не наблюдалось, а в рассеянном свете светильника, который я выкрутила на минимум, но так и не решилась полностью погасить, занимая собой весь дверной проем (неправдоподобно широкий, в отсутствие двери) стояла печально знакомая мне фигура.

Сейчас, глядя на мой сотканный из тьмы и страха кошмар, я осознала насколько же сильно в такие мгновения он похож на свою мамочку. Вернее на то, что Раяр показал мне в столовой.

Чистейшая тьма и два обжигающих уголька вместо глаз. Янтарные, пылающие, они были устремлены прямо на меня.

— Привет, — голос со сна был хриплым (а может, сиплым от страха).

— Я велел тебе не покидать свои покои в безлунье, — Раяр и так-то был ужасающим, но вот так вот, когда голос знакомый и совсем привычный, а перед глазами жутенькая тьма, утопающая по щиколотку в клубящемся черном и непроглядном тумане, и эти желтые гляделки...

— Я в комнате, — проямлила несмело, невольно натягивая одеяло повыше. Специально же в гардеробной легла, и дверь закрыла, и вообще... как он меня нашел?

— Яна, — первый шаг ко мне хищник сделал медленно, осторожно и совершенно неотвратимо. Тьма лениво всплыла вслед за своим хозяином, расстилаясь по полу, подбираясь все ближе к матрасу, на котором я лежала, — сейчас для тебя в этом замке есть лишь одно безопасное место — покои, в которые тебя заселили.

— Почему это? — я убила полчаса, пытаюсь протаскать этот огромный матрасище сквозь совершенно стандартный дверной проем гардеробной, измучилась, вспомнила все матерные слова, которые только знала, но своего добила. А теперь какая-то наглая тьма, медленно наползая на высокий и неудобно-мягкий матрас, нагло подъедала его, подбираясь к мои ногам. Резко сев, я поджала ноги, подтащив к себе порядком погрызенное одеяло. — Перестань, пожалуйста.

Раяр ничего не сказал, продолжая наступать на меня, но матрас был оставлен в покое. Тьма по прежнему самоуверенно занимала все больше пространства, но уже не пожирала все на своем пути.

— Потому что только там я тебя не чувствую.

— Это какие-то особенные покои, что ли? — прижавшись к полкам пустого стеллажа, я со странным смирением смотрела на приближение моего кошмара.

— Да, — признался он, нависая надо мной. Такая огромная, черная и очень опасная гора, — это мои детские покои.

— А по ним и не скажешь, — пробормотала я, пораженная столь неожиданной информацией. Подумать только, я живу в той же самой комнате, где жил маленький Раяр. В той же самой мрачной обстановке...

Мой кошмар хмыкнул и сделал неожиданное, невероятное, совершенно невозможное: он сел рядом, прямо на погрызенный черный матрас, из которого успела вывалиться приличная кучка черного пуха, основательно меня потеснив, почти заставив сесть на подушку, хотя свободного места было полно.

— Яна, перестань, пожалуйста, бояться. Мне очень тяжело сейчас сдерживаться.

— И что, если я не перестану бояться, ты меня съешь?

— Вполне возможно.

Такой... жизнеутверждающий ответ. Мне прямо сразу захотелось перестать бояться.

— Яна, — с укором протянул он.

— Я стараюсь, — огрызнулась нервно, опасливо поджимая пальчики на правой, виднеющейся из-под одеяла, ноге. Тьма, дрожащая в непосредственной близости от ноги, несколько раздражала.

— Почему ты здесь?

— А почему ты решил, что следовать советам Делмара — хороший план?

Раяр призадумался ненадолго, даже тьма вокруг нас присмирела — лишь вяло вздывалась и опадала, словно дыша, — и вместо ответа задал встречный вопрос:

— Тебе так не понравилась идея с завтраком?

— Она немножечко, самую малость... слишком опасна для моего здоровья.

— Почему?

— Потому что я по достоинству оценила розы в постели и не хочу умереть.

Раяр молчал. Мы недолго посидели в неудобной, тяжелой тишине, которую мне нестерпимо хотелось нарушить.

— Делмар сказал, что скормив сектантов морским ведьмам, ты тем самым серьезно осложнил им жизнь. Это правда?

Меня почти не удивил положительный ответ, но породил новые вопросы:

— Зачем? Я же приманка, ты мне жизнь сохранил только для того, чтобы питаться душами сектантов...

— Адептов культа Изначальной Тьмы, — поправил меня он, — они верные слуги матери.

Можно подумать, я ничего не читала о культе, поклоняющемся Рассах. О сумасшедших фанатиках, желавших ее пробуждения. Да после того, как только узнала, кто именно так жаждет заполучить мое родное тельце, сразу же ознакомилась со всей имеющейся по ним информацией.

И людей они в жертву Тьме приносили, и велари тоже, и сами охотно под нож ложились во имя своей госпожи. Шизики ущербные.

— Говорю же — сектанты. — кивнула я, требовательно повторив: — Зачем?

— Все это было до того, как я ощутил твое восхищение. Это... очень теплое чувство. Мне понравилось.

— То есть, раньше ты правда никакими положительными эмоциями не питался?

— Возможно, — Раяр в некотором сомнении пожал своими черными плечами, отчего по тьме вокруг нас прошлась волна, — иногда мне удавалось ощутить слабый отголосок чего-то светлого, но при моем приближении оно исчезало.

Мы словно плыли на этом увечном матрасе по черному морю, и я очень радовалась, что не страдаю морской болезнью.

А мой кошмар, судя по всему, потянуло на задушевные беседы.

— Делмар был прав, ты меня не боишься...

— Боюсь до чертиков! — горячо заверила его я, чем вызвала легкий смешок.

— Если бы ты только могла ощущать эмоции, я показал бы тебе настоящий страх.

После этих его слов мне почему-то так жалко стало мой ужасный кошмар, что будь он сейчас не такой жуткий, я бы его даже по плечу там, к примеру, погладила. Ободряюще. Но Раяр был страсть какой страшный, а мне было не так уж сильно его жалко, чтобы я рискнула потрогать эту не внушающую доверия тьму, из которой он был соткан.

Заметив, как Раяр косится на меня с легким интересом, я выпалила:

— А черный ты такой почему?

Все что угодно, любой нетактичный вопрос, лишь бы он не почувствовал мою жалость.

— В безлунье сила выходит из-под контроля, — ответил он, покрутив в воздухе рукой, оставляя за собой легкий, быстро тающий, недлинный дымный след.

— Мамины гены, да? А Делмар ходит и искрится?

— Нет. — ответил хищник равнодушно, но в его равнодушии чувствовалась какая-то горечь. — Я первенец, процесс был еще не отлажен, у меня... много отклонений.

Он был такой бедный, ну такой несчастный. Такой бракованный.

— Вернись, пожалуйста, в свои покои, — попросил мой бракованный кошмар, который я уже очень сильно жалела.

— Ладно, — поднявшись, я, затаив дыхание, ступила на пол, ожидая, что сейчас мне отгрызут ноги по колено. Но нет, тьма охотно обхватила ступни, невозмутимая и почти неощутимая, как густой воздух или слишком жидкая вода, и она совершенно не спешила меня есть, — давай так, я постараюсь тебя полюбить, утоплю тебя в положительных эмоциях просто. И никаких попыток ухаживать и завтраков в постель с твоей стороны. Договорились?

— Думаешь, у тебя получится? — кто-то тут очень сильно во мне сомневался, и, несмотря на мою заниженную самооценку, это была не я.

— Получится, — особой уверенности у меня не было, просто жить очень хотелось, — ты главное не забывай о взаимности... книги там, почитай какие-нибудь по этому делу, ага?

— Книги, — задумчиво повторил он, очень меня этим обнадежив. Может, у них тут есть какая-нибудь специальная литература. Может, еще не все потеряно. В любом случае, хуже советов Делмара едва ли можно что-то придумать.

Из гардеробной, а потом и из комнаты, так же затопленной тьмой, я уходила, стараясь

не очень сильно задирает ноги. В свое оправдание хочется заметить, что идти по чему-то, что способно тебя сожрать в считанные секунды, довольно сложное дело.

Только выбравшись в коридор, я смогла с облегчением выдохнуть, недолго погрузиться об удобных тувельках, что доставили для меня незадолго до ужина вместе с очередными готовыми нарядами, и которые я оставила в гардеробной, не решившись искать их во тьме, и уже совершенно спокойно отправиться в свои покои.

Ночная беседа с моим кошмаром оказала на него положительный эффект. Утром, вместо завтрака в постель, меня ждал недовольный Делмар, ничего не знавший о наших ночных посиделках, но что-то подозревавший и желающий знать, как мне удалось переубедить Раяра. Огонек хотел знать, почему его братец отказался мучить меня завтраком в постель. А я хотела спать.

В итоге, мои покои Делмар покидал без ответов, зато с подушкой, которую я бесстрашно в него швырнула. Сонная была, смелая, мало что соображающая.

Зато выпалась, набралась сил и... зажила относительно мирно. Как в первые недели моего появления в этом мире.

Раяр не отменил общие завтраки, но больше никуда меня не таскал и не старался запугать. Странненький он немного был, офигевший какой-то, но на вполне искреннее беспокойство и вопросы о своем здоровье лишь раздраженно отмахивался. Хотя, порой, ловя мою тревогу, удивленно замирал. Нравились ему такие эмоции или нет, я так и не узнала.

Зато очень скоро узнала, чего это он такой странный ходит.

Случилось это поздним вечером, за два дня до прибытия в замок светлой делегации.

Делмар достал меня настолько, что я отправилась требовать убежища у хищника.

Решительная, подгоняемая огоньком, который совсем не хотел оставлять меня в покое и с аппетитом питался моими эмоциями, я ворвалась в кабинет моего кошмара, в котором раньше никогда не была, и застала его за самым постыдным из вообразимых занятий.

В кабинете, очень похожем на тот, в котором я нашла семейный портрет, за заваленным книгами столом сидел Раяр.

Вот только в его кабинете не было пыли, стол, вместо черепа, украшал массивный шар из темного блестящего камня (вероятно, черный агат, если такие камни в этом мире вообще существовали), а картина была большой, занимала всю стену и изображала сцену охоты. Стая волков в туманном лесу настигла могучего оленя. Несмотря на мощные копыта, огромные рога и угрожающий вид животного, почему-то не оставалось сомнений в том, что это последние минуты его жизни.

А мой кошмар просто сидел и самым бесстыдным образом читал любовный роман, пока на столе его ждали десятки книжек того же жанра.

В том, что это женские любовные романчики, я даже не сомневалась. Довелось мне в библиотеке как-то набрести на стеллаж с этими книгами в красной обложке, с розовым корешком, на котором черными, вычурными буквами значились имена авторов и названия книг.

И что-то я так смутилась, будто бы его тут голым застала... хотя, наверное, лучше бы, все же, голым.

— А что... ты делаешь?

— Стучать, — недружелюбно, сквозь зубы, процедил он, — нужно стучать.

Я девочка послушная, особенно когда обескураженная. Взяла и стукнула три раза по открытой двери, бодро поинтересовавшись:

— Чем занимаешься?

Его это не особо обрадовало, но возмущаться он больше не стал.

— Книги изучаю, — небрежно отбросив книгу, которую только что читал, Раяр устало потер свои черные глазищи своими черными пальцами, — как ты и советовала.

— Это очень хорошо, что ты ко мне прислушиваешься, — была вынуждена признать я, — странно и шокирует, но хорошо. Только... я же не любовные романы имела в виду.

— Я начал об этом догадываться, когда в третьей книге подряд все закончилось свадьбой, — сдержанно подтвердил он.

— И сколько ты их прочитал всего? — прекратив топтаться на пороге, я зашла внутрь, плотно прикрыв за собой дверь, и нерешительно подошла к столу. Интересно очень было посмотреть, что за книги он читает, и в то же время боязно.

— Штук двадцать, быть может больше, — откинувшись на спинку кресла, он бездумно уставился в потолок, позволяя мне изучить предложенную литературу.

Первые шесть книг в названиях отличались лишь должностью предлагаемого главному герою тела. Начиная от незамысловатого «Девственница для хейзара» и заканчивая интригующим «Совесть для хейзара».

Если учесть, что хейзаров здесь боялись до жути, мне уже очень хотелось ознакомиться с содержимым этих книг.

Теперь-то мне сразу стало понятно, почему мой несчастный кошмар в последние дни выглядел таким замученным.

Непонятно было другое:

— И зачем ты себя так мучил?

— Пытался найти книгу, в которой главной героиней была бы человечка, — честный и очень удивляющий ответ.

— Зачем?!

— Было любопытно.

Ему любопытно было, а мне пришлось отвисшую челюсть подбирать.

— А ты не думал, что лучше было бы посмотреть в разделе... ну я даже не знаю, по психологии, например?

— Все, что было связано с людьми, я уже давно прочитал, — раздраженно отмахнулся он, не без интереса наблюдая за тем, как я ровняю книжную стопочку, обосновавшуюся на краю его стола, там, где еще было место. Эти книги я планировала забрать с собой, даже если Раяр их еще не читал, но очень хотел бы.

— И что? — я любовно поглаживала обложку «Девственницы» и не сразу заметила нехороший такой взгляд моего кошмара.

— И, если верить тому, что я прочитал, ты не человек.

Если он хотел меня этим смутить, то напрасно старался.

— Конечно, не человек. Попаданка я. Этот... — пощелкав пальцами, значимо проговорила, — сосуд.

— Кстати, об этом, — Раяр посерьезнел. Казалось бы, он и так был серьезный дальше некуда, но нет, оказалось, есть куда. Не удивлюсь, если окажется, что это не последний уровень его серьезности, и в наличии имела еще парочка, — скоро придут светлые, ты будешь встречать их со мной.

— Я?!

Проигнорировав мое удивление, хищник велел не терпящим возражений тоном:

— Найди в своем гардеробе черную одежду, если ее нет, пусть сошьют.

— Но... — я с нежностью погладила цветочную вышивку на груди, нежно-голубые васильки на белом хлопке. Удобно, красиво и уютно так.

— Не спорь, — отрубил Раяр, — я готов мириться с твоими нарядами в обычное время, но не в присутствии светлых.

— Да у вас же тут мрак беспросветный, — возмутилась я, эмоционально обведя рукой его унылый кабинет, — я лучик света в этом царстве тьмы!

— Можешь и дальше оставаться лучиком, — покладисто согласился он, тут же выдвинув свои требования, — но только после того, как светлые уедут. Ты меня поняла?

Если я что-то и поняла, так это то, что мне теперь предстояло несколько дней сливаться с интерьером. Нет, черный цвет в моем гардеробе имел место быть, и вещички были очень даже красивыми. Например, вот эти брючки, очень удобные, очень красивые, идеально подошедшие к рубашке.

Но если я одену эти брючки с черной туникой, которую еще ни разу не надевала, или решусь-таки обрядиться в черное платье (чертовски красивое и такое же мрачное), то буду похожа на скорбящую вдову.

— Ты меня поняла? — с нажимом повторил мой кошмар, заставляя меня понуро кивнуть:

— Поняла.

Надо ли говорить, что теперь приезд светлых меня угнетал еще больше?

Глава восьмая. Светлые

Как же сильно я ошибалась! Да что там я, ошибались все велари! Хейзары не жестокие и очень опасные существа, созданные Рассах с весьма мутными намерениями. Нет! Они очень несчастные жертвы обстоятельств, чуткие, верные и добрые, с тонкой душевной организацией и печальной историей рождения... Ну, по крайней мере, именно так утверждали авторы романов, которые мне удалось-таки отвоевать у Раяра. Моему кошмару очень повезло, что он не успел прочитать ни одной из книг о себе подобных, обходя стороной романы, в названии которых присутствовало слово «хейзар». Сберег свою психику.

А я вот свою не сберегла...

— Яна! — возмущенный голос Делмара потревожил мой покой как раз в тот момент, когда в книге трепетный хейзар с подозрительно знакомым именем Рэйар рыдал над телом возлюбленной, закрывшей его собой от подлой стрелы светлых, прилетевшей непонятно откуда.

Что примечательно, безбашенные авторы подобных шедевров с извращенным удовольствием выпиливали из хейзаров нежные цветочки, но героинь в конце книги, на всякий случай, все равно убивали. То есть, хейзар вроде как мужик со всех сторон положительный, но героиню безопаснее будет убить, чем оставить ему на долго и счастливо.

— Яна, светлые на подъезде, Раяр ждет нас в большом зале.

— Сейчас-сейчас, — подперев ладошкой щеку, я продолжала лежать на кровати, не беспокоясь о том, что мое платье может помяться, и судорожно дочитывала последние строки. Герой рыдал, героиня все никак не могла умереть. Мочалки, пытавшиеся уже пятнадцать минут призвать меня к порядку и отправиться встречать светлых, с надеждой уставились на Делмара.

Героиня так и не умерла...

В смысле, она, может, и скончалась, но я об этом не узнала. Книга просто вспыхнула прямо у меня в руках, обожгла пальцы и пропала под покрывало.

— Эй! — подскочив с кровати, я очень бодренько оказалась вдали от пожара, которого почему-то не было. Книга с прожженными листами и унылое опаленное пятно на покрывале — это были все последствия внезапного возгорания.

На пальцах, еще ощущавших жар огня, темнели разводы золы, которую я рассеянно вытерла о подол платья.

— Ты уже закончила? — строго спросил Делмар, смерив меня ехидным взглядом, совершенно не вяжущимся с серьезным тоном. — Теперь мы можем идти?

Вот и какой он после этого огонек? Пироманьяк он. Контуженный.

Вместе с Делмаром мне идти, конечно же, пришлось, а потом пришлось любоваться знакомым залом, в который Раяр притащил меня прямо с сектантской поляны. В тот самый, что с мраморными полами, резными каменными стенами и люстрой. Вот по всему замку висели светильники, а здесь была люстра. Огромная, красивая, освещающая и сияющая от собственного света.

И трон. Большой, массивный, выбитый прямо из камня, он казался мощным и несокрушимым, совсем таким же, как и темный, восседавший сейчас на нем. Ради приема дорогих гостей Раяр расстарался на славу. Тьма под потолком и в углах стала будто бы гуще, чем обычно, зал сделался гулче, а воздух холоднее. И хейзар на черном троне, сменивший темный камзол на темный матовый доспех и плащ с меховым подбоем, выглядел совершенно недружелюбным. Не то, чтобы раньше он был таким уж лапочкой, но сейчас Раяр выглядел именно так, как и должно выглядеть хейзару. Огромная, опасная жуть с горящим взглядом, который еще долго будет преследовать в кошмарах всякого, кто с ним встретится.

— Вы не спешили, — прогрохотал мой кошмар, и его голос охотно подхватило слабое эхо.

— Пафос, пафос, пафос, — в умилении пробормотала я, прижимая руки к груди. Вот только что же читала, как предположительно не он (хотя он, конечно же) рыдал над недотропом никак не желавшей преставиться веларийки, а теперь уже сидит весь такой суровый и демонстрирует крайнюю степень недовольства.

А для меня он же теперь навечно станет лапочкой с тонкой душевной организацией и тяжелой судьбой. Не любить такое увечное создание просто преступление.

— Ну что, любовь моя безответная, куда мне становиться? Я буду гордо топтаться за твоим левым плечом? Или за правым?

Пока Раяр переваривал мое в крайней степени непочтительное обращение, моим просвещением занялся Делмар:

— Мы будем сидеть на ступенях.

— Они же холодные!

Закатив глаза, огонек молча потащил меня по лестнице, крепко держа за запястье. Конечно, ему-то что, у него мамка — тьма, ему ли бояться холода.

Так же молча он дотащил меня до третьей сверху ступеньки, на которой бросил, поднявшись наверх. Там и сел, привалившись плечом к трону.

— Если вам так нравится на камне сидеть и морозиться, то это ваше личное дело, но я не буду. Я человек, мы, человеки, это... теплолюбивые!

Темные обменялись снисходительными взглядами, и из-под ступени, прямо мне на ноги полилась тьма, отчего я чуть не пересчитала все пятнадцать ступеней своими косточками.

Тьма схлынула раньше, чем я успела облечь свои матерные мысли в относительно вежливые слова, а на ступеньке уже лежала подушка. Стандартно-черная, вышитая золотой нитью.

— Вот, другое дело, — проворчала я, величественно кивнув хищнику, — благодарю.

Делмар фыркнул, но я не обратила на это особого внимания, занятая новой проблемой.

Сидеть одной как-то не хотелось. Огонек сбегал под крылышко моего кошмара, а я, стало быть, должна была страдать тут одна... перед светлыми.

Решение мое было смелым, радикальным и таким неожиданным, что братцы оба сразу офигели. Особенно офигел Раяр, когда я подхватила подушку и, по примеру его огнеопасного родственничка, уселась около трона. Оперлась, правда, не на холодный камень, а на ногу хищника, она теплее. Я мало того что человек, я человек со слабым здоровьем и то, что до сих пор ни разу не заболела — чудо просто. А у всякого чуда, как известно, имеется срок годности...

Наверное, меня бы прогнали, не исключено, что даже пинком по мягкому месту на нужную ступеньку вернули, но именно в тот момент, когда темные братцы пришли в себя и даже готовы были что-то сказать, в зал вплыло что-то отдаленно напоминающее человека. Сотканное из тьмы, чем-то похожее на Рассах, но не такое фигуристое, оно сверкало красными угольками глаз, напоминая моих мочалок, и вело за собой светлых.

Светлые были... светлыми. Три мужчины весьма презентабельного вида, обряженные в белые балахоны, вышитые по рукавам и подолу золотой нитью. Они являлись гордыми обладателями светлых волос: от медово-русого до золотистой блондинистости, и поражали воображение светло-голубыми прозрачными глазами. В правом ухе одного из мужчин, шедшего впереди своих товарищей, красовалась серьга. Символ Мирай, в центр которого был вставлен маленький прозрачный камень.

Сразу за мужчинами, тоже в белом, но простом платье ступала женщина. И вот она мне совсем не понравилась. Если балахонники вызывали враждебные чувства из-за своего

весьма отдаленного, но все же сходства с сектантами, то в женщине было что-то странное. Какая-то смертельная опасность угадывалась в ее пустом взгляде.

Или это была паранойя, или моя интуиция все же начинала работать, но Раяр на женщину никак не отреагировал, все свое внимание уделив заговорившему храмовнику пресветлой Мирай.

Я же не могла отвести от нее глаз, хотя чувствовала, что на меня смотрят. С ней совершенно точно было что-то не так. Она была странной... словно мертвой внутри...

— ...сосуд должен быть уничтожен, — ворвался в мои напряженные мысли сильный голос главного в этой небольшой группе, — и мы готовы помочь...

— Мне странно слышать, что магистрат мог предположить, будто я способен пощадить человека, — перебил храмовника Раяр, и в голосе его слышалась неприкрытая издевка, — так откуда же у вас взялась такая информация? Неужели в Светлой империи появилась зрячая, о которой еще не знают Темные земли?

Мужик смешался, сбитый с мысли внезапным вопросом. И не успел он еще толком собраться с мыслями и ответить, как тишину нарушил огонек:

— Ты полагаешь, хоть одна зрячая решилась бы родиться в их краях? После того, что сделала с ними пресветлая Мирай?

Я затаила дыхание, ожидая ответа храмовника. Пусть знания мои об этом мире были весьма скудны, но вот всю правду о том, как именно были стерты с лица земли зрячие, как-то упомянутые в разговоре огоньком, я выяснить успела.

Проклятие самой богини, что может быть страшней и несправедливей? Чего опасалась или хотела добиться Мирай, уничтожая целый магический вид, никто не знал, но результат был ужасающим по своей жестокости. Зрячие — одаренные милостью бывших богов, способные видеть будущее и понимать суть вещей, перестали существовать. Умерли все. Старые, молодые, еще не вошедшие в силу, живущие в Светлой и тогда еще Темной империи.

Пресветлая добралась до каждой, вытянула жизненные силы сотен своих жриц, но избавилась от тех, кого считала своей угрозой.

— Наши мудрые способны на многое. — сдержанно произнес храмовник, хотя по его лицу было прекрасно видно, как много он хотел бы сказать, но сдерживался. Святой служитель храма, что с него взять? — Мы знаем, что сосуд все еще жив, и готовы помочь в его уничтожении.

— Помочь? Как же? — равнодушно поинтересовался Раяр.

Звон в ушах постепенно стихал, и я могла слышать, хотя, судя по всему, успела пропустить много, пока, оглушенная стуком собственного сердца, напряженно разглядывала незнакомку.

Переведя взгляд на мужчину, упомянувшего сосуд... упомянувшего меня, я недружелюбно сверлила его глазами, очень удивленная внезапной темой разговора.

Впрочем, удивленной была не одна я. Делмар-то считал, что светлые прибыли жаловаться по поводу внезапно поднятых цен, и уж точно не думал увидеть здесь храмовников.

Но вот, вместо ожидаемых представителей торговой гильдии к Раяру заявили официальные представители светлого храма, с требованием уничтожить возможно единственного живого человека на все темные земли. Меня, то есть.

— Для полной безопасности тело необходимо освятить, лишив тем самым темнейшую Рассах любой возможности занять сосуд.

— Зачем бы твоей матери занимать мою убитую, разлагающуюся тушку? — тихо спросила я у Делмара, не решаясь обращаться с такими глупыми вопросами к Раяру. Не учла, правда, что тут акустика хорошая, и шепчи не шепчи — услышат все. А если и не

все, то многие. Например, мужик, которому так хотелось меня убить, а потом еще и над телом надругаться. Я точно не знала, как проводится это их освящение, но совсем не хотела, чтобы со мной это делали.

— Не обращай внимания, — беспечно отмахнулся Делмар, — будь их воля, они освящали бы все на своем пути. Ощутить силу богини в себе — будоражащее чувство.

Мужика перекосило, а два других храмовника зло глянули на огонька, но все сделали вид, что наши перешептывания никто не слышал.

Особенно хорошо это получилось у Раяра, он даже в лице не изменился. Как сидел мрачным, скучающим истуканчиком, так сидеть и остался.

Зато мужик, имени которого я не знала, так как основательно отвлеклась на женщину во время приветственных расшаркиваний, с жаром начал расписывать их незавидное будущее, если Рассак все же пробудится ото сна.

Почему их, а не наше?

Да потому что меня к тому времени в живых уже не будет. Тьма завладеет моим телом и выпьет мою душу на радость своим адептам.

Из всего сказанного храмовником я поняла главное: зря я раньше только адептов культа Изначальной Тьмы недолюбливала. Служители храма Извечного Светоча такие же жестокие сволочи, как и сектанты. Только носят белое и воспевают другую богиню.

И вот этот вот беленький мужик, весь такой внешне располагающий к себе, очень добрый на вид, хотел жестоко и цинично меня убить. Потому что просто свернуть мне шею недостаточно. Нужно воткнуть в сердце костяной нож, который у них как раз с собой, а потом в срочном порядке меня освятить и сжечь.

И с таким воодушевлением он описывал мою кончину, необходимую для блага их Излома, в таких красках и подробностях, что мне стадо не по себе. Настолько сильно не по себе, что это почувствовали даже Делмар с Раяром. Последний даже не поленился податься вперед, чтобы зачем-то потрогать мои волосы. Жест вышел неловким и смущающим, но меня странным образом успокоил. Хотя я была почти уверена, что это он придумал из какой-то книги позаимствовать. Не прошло бесследно чтение любовных романов, ой не прошло.

— Достаточно, — Раяр оборвал веселые рассуждения светлого хмыря о моей бесславной кончине, за что я была ему очень сильно благодарна.

Мне, как барышне нервной и впечатлительной, не хотелось и дальше слушать о моем умерщвлении. Да, у меня была убогая фантазия, но даже она легко рисовала те кровавые картины, которые так талантливо описывал храмовник.

— Мы не можем рисковать безопасностью Излома! — вдохновенный, я бы даже сказала — распаленный мужик даже вперед шагнул, на мгновение забывшись.

— Вы не можете, — легко согласился Раяр, — я могу.

— Она должна умереть! — упрямо настаивал на своем храмовник, и его голос, подхваченный эхом, очень раздражающе разносился по гулкому залу. — Если бы вы уничтожили сосуд еще во время ритуала...

— Если бы вы лучше следили за своими жрицами, — перебил его Раяр, мрачно прищурившись, — мне не пришлось бы прерывать ритуал. Его просто не смогли бы провести.

— Сосуд...

— Вообще-то, меня зовут Яна.

Не выдержала, да. Виновата. Но сил уже просто не было слушать, как меня сосудом называют. Я же не глиняная кубышка, я человек.

Обычный, очень эмоциональный, чертовски вкусенький человек.

— Сосуд, — с нажимом произнес он, глядя прямо на меня, — должен быть уничтожен. Мы не можем допустить пробуждение Рассак.

— Я вас услышал, — произнес Раяр, как мне показалось, угрожающе. И показалось не только мне. Храмовник быстро заморгал, отступил на шаг и невольно обернулся на женщину, тихую и молчаливую, продолжавшую стоять за спинами балахонников.

Справившись с оторопью, мужик опасливо спросил:

— Ваше решение?

Нет, я, конечно, верила, что Раяр меня не убьет. Он же с самого начала знал, зачем меня притащили в их увечный мир, чем я здесь являюсь и для чего нужна. Знал и до сих пор не убил.

Но страшно все равно стало...

— Никто не причинит вред моей человечке. Вам придется довериться мне, — уверенно постановил он, заставив мое сердце сжаться от почти болезненного ликования.

Делмар вздрогнул и невольно подался ко мне, и в зрачках его загорелся красный огонь, Раяр же был куда как сдержаннее и только сипло втянул воздух сквозь сжатые зубы, крепко сжав пальцами подлокотники трона. Я была почти уверена, что услышала хруст крошащегося камня.

Как-то странно темные реагировали на мои эмоции.

— Если вам очень сложно доверить судьбу Излома темному, — хрипло, но с отчетливой издевкой в голосе проговорил Делмар, с трудом оторвав от меня взгляд, — вы всегда можете помолиться пресветлой. Вас же это... успокаивает.

Храмовника всего перекосило от едва сдерживаемых эмоций.

— Она опасна, — дрогнувшим от гнева голосом, повторил он, приласкав меня страстным взглядом. В мечтах мужика я уже валялась у его ног с развороченной грудной клеткой, вся с ног до головы освященная и готовая к сожжению.

А я сидела себе тихонько и боялась даже предположить, что случится с такими впечатлительными темными, если в один ужасный день у мне и правда получится полюбить Раяра.

И если Делмар, просто отвыкший от человеческих чувств, еще, возможно, как-то справится, то вот у моего кошмара вполне может поехать крыша. От такого-то счастья.

— Ее никто не тронет, — Раяр был ну очень убедителен и непреклонен, и это при том, что он еще не отошел от моих неожиданных эмоций.

Вот рожа у него была странная, слишком сосредоточенная, что ли, а голос уверенный и крепкий. То есть, если на него смотреть, то прямо чувствуешь, что что-то не так, а если просто слушать, так вроде и нормально все.

Но меня сейчас даже эта его напряженная физиономия умиляла до такой степени, что мое умиление даже можно было почувствовать. И хейзары чувствовали. Бедный-бедный Раяр.

Кажется, сейчас он готов был меня убить, у него это желание прямо в глазах читалось, и мне бы стоило чуть притушить свое умиление... Но «Ее никто не тронет». Эти его слова просто не давали мне успокоиться.

— Вы не оставляете нам выбора, — скорбно вздохнул храмовник, — Итала.

— Чего? — мне не понравился его тон, его слова и то, с какой отчаянной покорностью женщина вышла вперед, рванув на груди завязки платья.

Раяр чуть заторможено приподнялся на своем троне, когда женщина обнажила грудь и

живот, демонстрируя нам странный рисунок, состоящий из символов мертвого языка. Закручиваясь спиралью, они начинались от солнечного сплетения и полностью оплетали излишне худое белое тело.

Рисунок этот чем-то очень напоминал те каракули, что на мне вырисовывали сектанты. Вот только давно зажившая спираль на моем животе начиналась от пупка и была входом. Почти открытой дверью для Рассах. А то, что было изображено на этой женщине, являлось выходом...

Делмар выругался и в это же время из тьмы потолка на пол свалилось с полдюжины огромных черных капель, спешно принимавших очертания вполне человеческих тел. Раяр, наконец-то, начал действовать.

В руке женщины, выпав из широкого рукава, появился острый тонкий кинжал.

Их даже не обыскали, что возмутило меня особенно сильно. Да, обычное оружие Раяру или Делмару не страшно, едва ли они вообще привыкли проявлять чрезмерную осторожность, но именно сейчас, если судить по напрягшемуся хищнику и совсем побелевшему огоньку, творилось что-то нехорошее и смертельно опасное. Для меня так точно.

Черная человеческая фигура, первой успевшая восстать из расплывшейся по полу лужи, бросилась к женщине, но было слишком поздно.

Короткий замах, кинжал вошел в солнечное сплетение, прямо в центр рисунка, легко, с отвратительным звуком, неправдоподобно громким в этой тяжелой, забивающей уши тишине. Символы на теле женщины вспыхнули, а черная рука, схватившая ее за плечо, просто взорвалась, разлетевшись по воздуху ошметками тьмы.

Глаза ослепил свет. Яркий, белый, колючий и такой холодный, он был везде.

Потерянная и напуганная, я попыталась вскочить на ноги, но смогла лишь едва приподняться, когда прямо передо мной выросла клубящаяся стена тьмы.

Доля секунды, всего одно мгновение, в которое не уместится и удар сердца — и стена была снесена светом, а вместе с ней снесло и меня.

Я почувствовала, как мое тело, неловкое и будто чужое, оторвало от земли, воздух стал густым, как кисель, а я — легкой и совсем невесомой. Потом была рука, попытавшаяся ухватить меня, но лишь беспомощно скользнувшая по плечу, и я полетела спиной вперед.

Тьма и свет перемешались, воздух исчез, и дышать было уже нечем.

Это было последнее, что я запомнила о своем полете.

А в следующее мгновение я уже валялась у стены, не могла пошевелиться от боли, тихонечко скулила и немножко материлась, в то время, как надо мной склонились слегка поджаренные темные братцы.

— Живая, — выдохнул Раяр, поймав мой взгляд.

Я не разделяла его радости. Не имея возможности пошевелиться и глубоко вздохнуть, я почему-то была уверена, что мертвенькой мне бы сейчас было лучше.

— Как они смогли протащить в твой замок столько силы их проклятой богини? — просипел Делмар, не в силах сдержать покашливание. Если мой кошмар отделался парой царапин, сожженным рукавом и опаленной рукой, то огоньку повезло значительно меньше. Прямо из грудной клетки, чуть выше сердца, торчал каменный обломок, который явно доставлял ему большие неудобства. От жуткой и, в общем-то, смертельной для любого человека раны Делмар лишь морщился и кашлял, сплевывая на пол кровавую слюну.

— Откуда мне было знать, что они способны выжечь душу одной из своих жриц лишь для того, чтобы сделать ее ходячим благословением? — огрызнулся мой кошмар. — Она выглядела как очень сильная светлая. Возможно, неиницированная мудрая...

— Мммннм, — мне бы очень хотелось сказать, что я, в отличие от их близорукого темнейшества, сразу просекла, что с женщиной было что-то не так, но язык меня не слушался.

— Ей нужно вызвать врачевателя, — встрепенулся Делмар, потянувшись ко мне.

— Я сам.

Лучше бы он не сам, лучше бы меня оставили лежать у стеночки в оплавленном зале, рядом с срезанным со своего места и наполовину раскрошившимся тронем, не так, чтобы очень далеко от трупа женщины и ритуального ножа — единственного, что осталось от храмовников. Тьма почему-то брезговала предметами, что были когда-то задействованы в ритуалах или обрядах.

Но Раяр не знал, что мне и так сдохнуть хочется, он был уверен, что перед тем, как вызывать этого их врачевателя, меня нужно перенести в покои.

И вот с одной стороны вроде романтика — меня на ручки взял большой и сильный дядя, стараясь по возможности быть аккуратным, а на деле это больше походило на издевательство над умирающей.

Кажется, я пару раз даже вырубалась. Потому что совсем не помнила, как мы покинули разгромленный зал, зато помнила тусклый свет светильников в коридоре первого этажа, потом сразу была вторая лестница, ведущая на мой этаж (точно мой этаж, я на нем одна жила), а потом вдруг в поле зрения появились мочалки, нервно теребившие лапками рукава моего опаленного платья, обеспокоенно курлыкая и тычась мордами мне в шею и плечо.

Следующим, что я увидела, был излишне-бледный (даже для велари он был совсем белым) сосредоточенный дядя с короткой стрижкой, прохладными пальцами и черными глазами, зрачок которых тускло тлел белым огнем, пока проходил осмотр.

Потом огонь в зрачках потух, а вместе с ним потухло и мое сознание. Проще говоря, меня вырубил.

Но я была не в претензии. Сложно было возмущаться, когда только вчера еще я чувствовала себя отваренной сосисочкой, а сегодня уже была бодра и совсем здорова.

Ну как здорова... Постельный режим на ближайшие три дня, жуткий зуд под наложенными на грудь и живот повязками и общая слабость. Зато сдохнуть больше не хотелось.

Теперь постоянно хотелось есть (побочный эффект микстур, что в меня влил очень нервный врачеватель), и чтобы со мной кто-нибудь посидел. Желательно Раяр, а не его невыносимый братец.

Но сидели со мной только сильно перенервничавшие мочалки. Не отходили далеко, курлыкали жалобно и зверски линяли от перенесенного стресса. Оставленные ими то там, то тут клочья тьмы исчезали достаточно быстро, не оставляя после себя и следа, но отделаться от мысли, что мои мочалки скоро совсем облысеют, не получалось.

Два дня я еще как-то вылежала, осаждаемая заботливыми мочалками и позабытая хейзарами. Гадские темные за эти два дня навестили меня лишь раз. Пришли вечером, уже совсем целые, будто бы их и не прожарило вместе со мной, задумчивые очень и куда-то спешащие. Ворвались в покои, ошупали мои руки, выдрали три волоска из растрепанной косы, велели мочалкам за мной присматривать (можно подумать, они этого не делали) и сбежали.

А на третий день сбежала я. Вот просто выждала момента, когда мои мохнатые надсмотрщики отправятся на кухню за обедом и сбежала. Накинула поверх ночнушки новенький, еще совсем ненаошенный пафосный халатик... халат... хотя халатище, конечно, на самом деле, который прибыл ко мне как раз два дня назад.

Исполнительная Алер исправно присылала готовые наряды и вот такие вот уютные приятности, чем меня очень радовала.

Не думая о том, что мочалки могут на меня обидеться, а Раяр разозлиться, я отправилась на прогулку. Просто сил никаких не было больше лежать в постели.

Мне нужно было знать, что творится в замке. Не просто так же меня бросили на произвол судьбы.

Не учла я, конечно, одного: где именно искать темных, я не знала, потому пришлось искать по всему замку. Бродила я долго. Минут тридцать где-то, что для моего порядком побитого и ослабленного организма было равносильно трехчасовому походу по горам.

Разумеется, далеко уйти я не смогла, присев отдохнуть в первой попавшейся комнате второго этажа, больше всего похожей на гостиную. Мрачную такую, темную, очень в духе Раяра.

Кушетка, обитая черным бархатом, на красивых, искусно вырезанных птичьих лапах, приняла меня как родную.

Мягкая, удобная, такая лежательная...

Кажется, я уже нагулялась, и мне требовался отдых. Тишина там, покой, отсутствие всяких желтоглазых кошмаров...

— Будем ее сразу убивать или сначала немного попытаем? — спросил огонек, пока Раяр буравил меня недобрым взглядом.

По ощущениям, я просидела здесь минут пятнадцать, а если верить мрачному виду хищника, меня несколько лет с собаками искали... вернее, с мочалками. Которые, к слову, выглядывали из-за ноги своего хозяина и очень неодобрительно на меня фыркали.

— Я просто хотела немного прогуляться, — храбро вскинулась я, но с каждым новым словом, под тяжелым взглядом моего кошмара, голос становился все тише, а я начинала чувствовать себя виноватой, — косточки... размять.

Под конец проямлила несмело, опустив глаза:

— Простите.

Как на меня смотрели, как смотрели, а как дышали...

Раяр, бедная лапочка, кажется, почти заработал сердечный приступ, пока искал по замку свою внезапно исчезнувшую человечку, подгоняемый напуганным верещанием потерявших меня мочалок. Мочалок, кстати, было особенно жалко. Они еще после предыдущего потрясения не отлиняли, а тут я им новое устроила.

— Прогулялась? — только Делмар был спокоен и как-то неуловимо насмешлив. Вот рожа вроде серьезная, но впечатление такое, будто надо мной бессовестно ржут. — А теперь возвращайся в свои покои.

— Да я бы с удовольствием вернулась, но ноги... не идут. Устала я что-то.

— Хммм?

Темные переглянулись.

— РАЯР!

Отреагировали на этот мелодичный рев темные странно. Делмар скривился, воровато оглянулся и хотел было уже бежать куда глаза глядят, но не успел.

— Вот ты где! — голос был женский, сильный и такой неуловимо очаровывающий, что просто хотелось слушать его и слушать. — Что у тебя случилось? Я до сих пор ощущаю магию светлых в замке.

Обладательница чарующего голоса приближалась и не замолкала ни на секунду.

— Уже давно я не чувствовала благословения такой силы, мы и не надеялись, что твой замок еще стоит.

— Айана, — непривычно мягко отозвался Раяр, ненавязчиво пытаюсь закрыть собой дверной проем, — прошло несколько дней...

— Мы с Велиаром никак не могли решить, кто именно отправится тебя навестить, — небрежно перебила моего кошмара его сестра... если я правильно запомнила ее имя, конечно.

Хотя, если учесть, что эта девица упомянула Велиара, который был вторым после Раяра хейзаром и хозяином Туманного удела, никем иным, кроме как родственницей моего кошмара, эта неутомимая болтушка быть не могла, — у него опять проблемы в горах. Живность матери снова пытается выбраться на поверхность. Велиар немного занят, а мне, как ты знаешь, тяжело покидать свои земли. У тебя в уделе всегда так... жарко.

— Ты могла бы послать вестника, — заметил Делмар, выступив вперед и преграждая дорогу темной, которая была уже совсем близко, настолько близко, что я могла различить тихий стук каблучков. Меня пытались спрятать, хотели сделать так, чтобы их ледяная сестричка не узнала о человечке, которую приютил Раяр, и вот это было странно, — так же, как ты послала его Велиару.

— Я пыталась, и он тоже пытался, вестники рассыпаются на подлете к замку. Говорю же, благословение еще витает в воздухе. Неужели вы его не чувствуете?

Каблучки остановились прямо перед Делмаром.

— И что там? — любопытствовала Айана.

— Там? — переспросил огонек.

— Да, вот там, — я была почти уверена, что она сейчас ткнула пальчиком в моем направлении, словно видела меня сквозь Раяра и Делмара вместе взятых, — неужели у вас остался еще один светлый?

— Айана, — степенно начал было Раяр, но что-то пошло не так, потому что в следующее мгновение в комнату просочились белые, искрящиеся снежинки, а хищник взревел, — Айана, не смей!

Раяр немного опоздал, Айана посмела. Ворвавшись порывом снежного ветра, она ступила на пол невысокой девушкой в трех шагах от меня.

Белая кожа, бледные губы, сейчас удивленно приоткрытые, непроглядно черные, затягивающие глаза, черные брови вразлет и волосы. Длинные, густые, искрящиеся и совершенно белые. Она не была похожа на своих братьев. Слишком хрупкая, слишком нежная и слишком белая. Все родственники хищника мне почему-то виделись жгучими брюнетами, а Айана была... другая. Красивая, похожая на фарфоровую куклу и совсем не такая, как ее себе представляла я.

У нее не было резких, суровых черт лица, не было хмурой морщинки между бровей и высоких скул, и клыков у нее тоже не было.

Это стало очень хорошо видно, когда, перестав меня разглядывать, Айана широко улыбнулась:

— Человек, — восторженно, с томным придыханием прошептала она, качнувшись ко мне, — живая.

— Не смей! — Раяр оказался рядом с сестрой раньше, чем та успела меня коснуться.

— Мне нужно немного тепла, — проныло это волшебное видение, пытаюсь вырвать свою тонкую кисть из костедробильной лапищи моего кошмара, — я уже и не вспомню тот день, когда видела последнего человека.

— И не мечтай, — насмешливо подал голос Делмар. Привалившись плечом к дверному косяку, он с нескрываемым удовольствием любовался обиженной мордашкой своей единственной сестры, — он даже мне не дал с ней поиграть, тебе же и вовсе рассчитывать не на что.

Айяна поджала губы, просительно заглянув Раяру в глаза:

— Я только чуть-чуть погреюсь...

— Вам же и так жарко! — возмутилась я, копчиком чуя, что это ее «чуть-чуть погреюсь» может мне боком выйти.

— Ей всегда холодно, — Делмар наслаждался моментом, — но согреться у костра или чашкой горячего чая она не может. Айане подходит только живое тепло, другое ее обжигает.

— О... — у моего кошмара куча отклонений, у его сестрицы тоже, и у этого Велиара так же, небось, косяки имеются. Одна я тут нормальная, сижу несчастная, от происходящего офигеваю.

— Пойдем-ка, сестренка, я расскажу тебе о своих планах на ближайшее будущее, — с улыбкой предложил Делмар, — как ты смотришь на то, чтобы вместе со мной навестить Светлую империю? Ходят слухи, что человеческая резервация за последние полвека разрослась почти вдвое. Не хочешь проверить насколько они правдивы?

— Я прибыла только чтобы удостовериться, что с Раяром все в порядке, — неуверенно ответила она, бросив на меня жадный взгляд, — я...

— Пойдем-пойдем, — огонек почти мурлыкал, и вот лично мне бы, глядя на его наглую рожу, и в голову не пришло с ним куда-то идти, а Айяна смело пошла, совершенно спокойно вложив свои руки в его протянутую ладонь.

Довольный голос Делмара раздался уже в коридоре:

— И вопрос с моими землями обсудим. Им пора давно превратиться в удел...

Каюсь, но я вздохнула с облегчением, когда они ушли. Меня даже не заботила судьба человек, которые могут попасть в ненадежные ручки родственников моего дорогого, самого замечательного, уже совсем любимого кошмара.

— Яна, постарайся в ближайшие несколько дней не покидать свои покои, — озадачили меня внезапной просьбой, — пока Айяна гостит у нас, тебе небезопасно ходить по замку.

— А разве они сейчас в Светлую империю не отправятся? На охоту? — робко спросила я у задумчивого хищника. Глядя вслед ушедшим человеколюбам, он беспокойно хмурился, чем очень меня нервировал.

— Айяна всегда предпочитала отдохнуть с дороги. Не думаю, что она изменит себе на этот раз, даже несмотря на весьма привлекательное для нее предложение Делмара.

Мочалки, благополучно до этого изображавшие часть интерьера, медленно поползли ко мне, жалобно тренькая. И вот это их треньканье отвлекло меня от грустных дум о семейке хищника, заставив вспомнить о делах насущных.

— Раяр, а, Раяр, а я ведь не дойду до своих покоев.

Его лицо после того, как я объяснила, что ножки меня не держат, что я внезапно ослабла и вообще в ближайшее время не стоячая, максимум сидячая, а в идеале бы вообще лежащая, сделалось просто непередаваемо прекрасным.

Их недовольное темнейшество со скорбным видом согласилось дотащить меня до моей кровати, но сделало это с таким видом, что я не могла не возмутиться:

— Нет, ты хочешь, чтобы я в тебя влюбилась? Или уже не надо?

— Сейчас я пытаюсь решить, не лучше ли будет отдать тебя Айане, а самому отправиться с Делмаром в резервацию...

Но я-то знала, что это не правда, что он меня на местного человека ни за что не променяет, потому что я его неправильно боюсь. Не так, как тут принято. И ни капли не поверила его словам.

— А вот и врешь.

На столь наглое заявление он ничего не ответил, только хорошенечко меня встряхнул, сделав вид, что перехватывает поудобнее, и понес в мои покои. До которых, к слову, было не так уж далеко, я это точно знала, потому что галерея, в которую мы вырулили из темного коридорчика, была мне хорошо знакома.

Я тут не один раз гуляла и прекрасно помнила, что если в конце галереи повернуть налево, в маленький закуток, из которого наверх поднимается вполне удобная лестница, то в кроватке я буду минуты через две... но мы почему-то повернули направо и спустились вниз, увеличив путь почти на десять минут.

Но я промолчала. Я же умная... иногда бываю.

Хочет меня таскать, пусть таскает.

— А Мирай меня теперь проклянет, да? — вопрос Раяра не то чтобы застал врасплох. Он как шел, глядя вперед, так и шел, даже с шага не сбился, но бледнящая его щека весьма красноречиво дернулась. А для меня это был животрепещущий вопрос. Валяясь в постели, я эту мысль обдумала со всех сторон и пришла к выводу, что если у пресветлой (чтоб ей перегореть!) хватило сил всех зрячих извести, то со мной справиться она всяко сможет. И теперь, наконец, смогла задать вопрос, который мучил меня все это время.

— С чего ты взяла? — спокойно спросил мой кошмар.

— Светлые пришли от меня избавляться. Живая я опасна, а сотрудничать ты не захотел. И уж если Мирай не пожалела одну свою жрицу, сделав ее бомбой, — темный удивленно на меня покосился, но уточнять, что такое «бомба», не стал. Он примерно представлял, что я имею в виду, и этого было достаточно, — то почему бы ей не пустить в расход еще парочку, чтобы сжить меня со свету?

Раяр ответил не сразу. Мы успели пройти мрачный зал с большими окнами, всегда укрытыми шторами, и начать подъем по очередной лестнице, когда он таки соизволил заговорить:

— Ты не найдешь этого в книгах, в основном потому, что данная информация считается кошунственной и усиленно замалчивается, но Рассах и Мирай не просто так считаются сестрами. Сила одной множит силу другой. Они нужны друг другу, чтобы не потерять свою власть. Когда мы усыпили мать, Мирай так же лишилась некоторой части своих сил. Сейчас она уже не способна на многие вещи, что были доступны ей во времена правления Изначальной Тьмы.

— Тогда почему она хочет меня убить? Почему бы не пробудить во мне Рассах и не вернуть былую мощь?

— Пусть сейчас Мирай лишена былого могущества, но все еще сильна и считает Излом по праву своим. Теперь она его единоличная властительница.

— Но вы же ей не поклоняетесь.

Раяр усмехнулся.

— Так же, как не поклоняемся матери.

— То есть, убить меня на расстоянии она не может? — дотошно уточнила я, недоверчиво щурясь.

— Да, — уверенно кивнул он. Весь такой суровый, собранный, глядящий прямо перед собой. Ну такая же лапочка!

Он вздрогнул, когда я, обняв его за шею, прижалась щекой к его щеке:

— Живем!

— Яна, ты не могла бы меня отпустить?

— Ты же сам хотел положительных эмоций, — удивилась я. Он вздрагивал от моих

прикосновений и совсем уж ощутимо дернулся, когда я потерлась о его щеку, — вот и приятного тебе аппетита.

— Слишком много, — прошипел он, резко остановившись.

— Это еще немного, — звонкое «чмок» разнеслось по коридору, а мой совсем закаменевший кошмар, бездумно глядя прямо перед собой, пытался как-то примириться с мыслью, что его только что чмокнули.

А мне что? Мне хорошо. Облегчение такое накатило после известия о том, что Мирай мне бояться не стоит. Так сразу хорошо стало, и спокойно, и...

Еще одно «чмок» Раяра просто убило. По крайней мере, он уже не просто шевелиться перестал, но даже дышать.

А у ног его начала сгущаться тьма, волнуясь и странно шевелясь, будто бы дыша за него. Мочалки, покорно бредшие следом за нами, бросились в разные стороны, тихо поскуливая.

Сначала я испугалась. Да и кто бы на моем месте не испугался? Стоит истукан истуканом и не дышит, и не шевелится, и не моргает даже.

— Рааааяр? — позвала я тихо, легонечко похлопав его по щеке, — Рааааяр?

А он не отзывался. И не шевелился. И ладно бы просто не шевелился, но ведь ни вдоха, ни выдоха... только сердце быстро бьется. Надрывно так.

И вот если бы не это «тум-тум-тум», у меня бы уже случилась истерика, а так я была почти спокойна. Только нервничала немного и готова была расплакаться.

— Рааааяр?

Отмер он секунд через тридцать. Сипло вздохнул, проморгался и заторможено посмотрел на меня.

А я уже всё, я уже готова была рыдать и глушить хищника истеричной волной бесконтрольного страха.

— Ты что? — хрипло спросил он.

— Нехило тебя накрыло, — прошептала я, борясь с дрожью в голосе, — точно бракованный. Совсем. Как же ж тебя любить-то, увечного такого? Ты же от моей любви скопытишься.

Медленно покачав головой, он уверенно сообщил, что не собирается «скопычиваться», чтобы это не значило.

— Мне просто нужно привыкнуть.

— Привыкнуть, — проворчала я, пряча лицо у него на плече. Стыдно было признаваться, но я за него действительно испугалась, — если ты вот так собираешься привыкать, то я против. У меня нервов столько нет, чтобы такое терпеть. Что это вообще было?

— Я пытался тебя не съесть, — просто ответил он.

И вот эта вот создание мне предстояло любить...

Глава девятая. Замок

Раяр — лучшее, что только могло случиться со мной в этом мире!

Это я поняла в третьем часу ночи, проснувшись от того, что ко мне кто-то прижимался своим ледяным телом.

— Теплая, — нежно прошептали сзади, — мягкая.

Хищник велел мне сидеть в своих покоех безвылазно, он был уверен, что Айана сюда не сунется. И вот вопрос: мой кошмар свою сестру совсем плохо знает, что ли?!

Она не только сунулась, она еще и в кровать ко мне забралась и даже не постеснялась лезть со своими холодными обнимашками. И плевать ей было на запреты Раяра, на мое недовольное сопение и в принципе совершенно ненормальную ситуацию.

В смысле, в последний раз с посторонней девицей в одной кровати я спала в четырнадцать лет, в летнем лагере, потому что ее бросила любовь всей ее жизни, с которой они были знакомы аж целых десять дней, и спать в печальном одиночестве ранимая барышня категорически отказывалась.

А у этой сосульки какое горе приключилось, раз она решила ко мне нагряться?

Мочалки, приученные спать в ногах и не лезть на подушку, растерянно закурлыкали.

Кто-то, кажется, это был Бося, свалился на пол и припустился прочь, забавно цокая когтями по полу. Дося осталась на кровати, ободряюще сжав через одеяло мою ногу.

Внимания на странное поведение моих мочалок Айана не обратила, продолжая беспечно меня тискать. И очень зря, должна я заметить. Очень зря она не вспомнила, кто создал моих чудищ, и чьи приказы они выполняли.

— Ты не спишь, — прошептала ледышка. Она терлась о мои волосы, жамкала мои бока и вообще вела себя как счастливый наркоман под убойной дозой, а я мерзла и не знала, что делать, — я же чувствую.

— А я чувствую, как могу заработать обморожение. Вы не могли бы отодвинуться?

— Зачем? — наивно удивились сзади. — Мне все нравится.

— А мне нет. И вашему брату тоже очень не понравится, когда утром он найдет мой окоченевший труп.

— Ну поругает немного, — пожала плечами Айана, ткнувшись холодным носом мне в шею и обдавая горячим дыханием кожу. Просто мозгозакручивающий контраст, должна признаться, — я привыкла. Когда мать еще правила нашими землями, он часто меня ругал... чтобы не пришлось ей.

И от последних ее слов повеяло какой-то старой, пыльной, но все равно пробирающей до костей жутью. Я не знала, как именно наказывала своих детей Рассах, но что-то мне подсказывало, что Раяр таким своеобразным образом оберегал свою единственную сестрицу. Та это понимала, ценила и была крайне благодарна за защиту.

— Но я-то жить хочу.

— Не бойся, я тебя не убью. Что бы Раяр обо мне не думал, я умею держать себя в руках. И меньше всего мне хотелось бы его расстраивать. Потому ты будешь жить. — Очень обнадеживающе, ничего не скажешь. — Я просто немного погреюсь и уйду. Пусть это будет нашей маленькой тайной, ладно?

Тайной... да какие тут могут быть тайны, когда меня уже трясет от холода, а внутренние органы, судя по ощущениям, покрывались изморозью. И зубы выбивали дробь, и вообще...

— Я же велел тебе ее не трогать.

Мой кошмар появился в комнате неожиданно. Неслышный, он просочился под дверь клубящейся тьмой, оставив где-то далеко позади ответственного Босю, бросившегося к хозяину докладывать о внезапной гостье.

— Ой-ей, — прошептала Айана мне в шею и попыталась трусливо спрятаться под одеялом. Такой очень логичный порыв, не вяжущийся в моем представлении с холодным, снежным злом, способным заморозить любое живое существо простым прикосновением.

— Айана!

Айана притворилась трупиком и на вопли своего разгневанного братца не реагировала.

— Она обещала меня не убивать, только чуть-чуть погреться, — быстро протараторил нервный, излишне громкий голос в темноте.

Это кто сказал? Это я сказала? Зачем я это сказала? Почему мне вообще пришло в голову защищать эту ледышку?

Раяр молчал, Айана тоже молчала, очень забавно сопя под одеялом. Ей было душно и некомфортно, но выбираться из своего укрытия она не спешила. Так же как мой кошмар не спешил уходить.

— Яна, подойди ко мне, — велел наконец он, притомившись слушать немелодичную дробь, что выбивали мои зубы. Возможно, под одеялом ледышке было жарко, но она не высывалась, продолжая цепляться за меня и морозить.

— 3-зачем?

— Просто сделай то, что я прошу, — а кто-то раздражался.

А я не гордая, я сейчас готова была бы даже к Делмару добровольно подойти, да что там подойти, даже не возражала бы, реши он потискать такую теплую, такую мягкую меня. Все что угодно, лишь бы больше не мерзнуть.

Бося вернулся как раз в тот момент, когда я, выбравшись из-под одеяла, не переставая трястись, побрела к Раяру. Вжимая голову в плечи и обхватив себя руками. И как же мне было холодно.

Дося наблюдала за мной с постели, Бося застыл у дверей.

А руки моего кошмара оказались неожиданно теплыми. Нет, если быть объективной, он как был чуть тепленьким, точнее прохладеньким, так и остался, просто в той звенящей мерзлоте, в которой сейчас надрывалось мое сердце, градус был ниже, чем в Раяре.

И да, я к нему нагло прижалась, уткнувшись холодным носом ему в грудь. Ну сам же виноват. Кто его просил мне руки на плечи опускать и быть таким согревательным? А я, как основательно отмороженная, ответственности за свои действия не несу и ни в чем не виновата. Да, мозг тоже замерз.

— Яна? — и кошмар мой тоже отмороженный. Стоит, напрягся весь, счастьем своему поверить не может.

— Я сейчас немного погреюсь и отпущу, честное слово.

Из моей кровати, в которой кроме мочалок со мной отродясь никто не спал, послышалось сдавленное хихиканье.

А я сейчас так хорошо понимала Айану и даже ей сочувствовала. Потому что тепло — это же так офигенно. Хочется прижаться еще теснее и греться-греться-греться. И чтобы прямо не переставая.

— Хватит, — решил за меня мой тепленький кошмар, отдирая от своего очень обнимательного тела. Ну да, жестковат немного, зато большой, много места для обнимашек.

— Ну еще чуть-чуть, — пронила я, вцепившись в рубаху на его груди. Только сейчас я

заметила, что он был в своей мраченькой пижаме и босиком. И лохматый же.

Кажется, Бося вытащил кое-кого из постели, и этот кое-кто бросился меня спасать прямо так. Помятым и сонным. И это было так умирительно.

— Ого, — силло выдохнули из моей кровати, втянув воздух сквозь сжатые зубы.

Раяр на этот раз ограничился только страшным взглядом, а я прям пожалела, что приучилась оставлять на ночь светильники включенными, чтобы он рассеивал мрак мягким светом — такой выразительный был у хищника взгляд. Лучше бы я его не видела.

Не рассчитала силу эмоций, шокировала несчастных темных своим умилением. Ну что тут скажешь? Упс.

— Отдай ее мне, — тихо попросила Айана, — умоляю, отдай. Она же такая... такая...

— Нет.

Все, я почувствовала себя очень важной и нужной... ну просто коллекционная бутылка вина. Единственная в своем роде. А вокруг меня сплошь ценители и коллекционеры. А я вся такая эксклюзивная.

Тху.

Выгонять Айану Раяр не стал. Хорошо знавший свою сестру, он не надеялся на ее благоразумие и вполне оправданно ожидал повторного проникновения в мою кровать, а потому проблему решил весьма радикально...

— Ненавижу перемещения. Ненавижу.

Когда Раяр велел моим мочалкам оставаться в комнате и странно улыбнулся сестре, я бесстрашно стояла рядом с ним, наивно полагая, что неприятности на сегодня закончились. Но куда там.

Прямо посреди ночи мое озябшее тельце самым наглым образом взяли и переместили. Куда именно переместили, я не знала, вокруг было просто до неприличия темно, что возмущало еще больше.

Смаргивая белые точки, роящиеся перед глазами — печальные последствия почти каждого перемещения, и не доверяя дрожащим коленкам, я цеплялась за хищника, смиренно переживавшего приступ моей слабости.

— А мы... где?

Раяр не ответил, молча подвел меня к кровати, которая на ощупь была совершенно не похожа на мою. Более грубое постельное белье, не такая мягкая перина и более чем скромное количество подушек.

— Переночуешь тут, — велел мой кошмар и сбежал. Любил он от меня сбежать.

Как выяснилось утром, спала я совсем в ужасном месте. Если моя спальня была просто оформленной в темных тонах, то эти покои были совсем беспросветными. Ни одна комната во всем замке еще не казалась мне настолько мрачной.

Просто безнадежное уныние какое-то.

Как выяснилось после небольшого осмотра, уныние это принадлежало Раяру. В ванной куча флакончиков с очень знакомыми запахами, в гардеробной одежда моего кошмара.

Камзолы, жилеты, какие-то сорочки и все это стандартно черное.

— Зачем ему десять одинаковых рубашек? — пробормотала я, в исследовательском азарте сунувшись дальше. Только присмотревшись, удалось выяснить, что рубашки не совсем одинаковые. Вышивка на манжетах и воротничках разная, и оттенки у пуговиц — тоже... а одна рубашка даже совершенно другого кроя.

— Думаю, моя одежда тебе не подойдет, — раздалось спокойное от дверей, когда я нашла самое интересное — нижнее белье, хранимое в выдвижном ящичке. Я честно верила, что где-нибудь там, запрятанные глубоко под черной тканью, ждут, когда я их отыщу, яркие красные труселя.

Ну не мог же Раяр быть и правда настолько безнадежным.

К сожалению, выяснить это мне было не суждено.

Невольно втянув голову в плечи, я медленно задвинула ящичек, крепко, до побелевших пальцев, сжимая ручку. Оборачиваться почему-то было очень стыдно.

— Интересные эмоции, — признался Раяр, хорошо ощущая мое смущение. А я пообещала себе научиться-таки контролировать чувства. В этом мире такое умение было бы как нельзя кстати.

Интересные эмоции ему, ага. Я тут внаглую в его вещах роюсь, и меня застали, что еще я могла бы чувствовать?

— Веселенькие цвета, — пробормотала я, разглядывая ровные ряды непроглядной черноты.

Раяр молчал. Питался, стало быть моими смущением.

А я никак не могла справиться с эмоциями, не получалось почему-то.

Если с тем, что на меня охотятся сектанты, я еще как-то смогла смириться, то внезапное желание светлых избавить их увечный мир от моего досадного присутствия качественно выбило из колеи. Потом еще эти опасения, что Мирай в любое мгновение может украсть мое сердцебиение...

А этой ночью я вообще чуть не замерзла в объятиях сестры хищника.

Мир уверенно толкал меня в сторону помешательства.

Мне нужно было успокоительное и долгие беседы с психологом, а что я имела вместо этого?

Сомнительную честь завтракать в кругу дружелюбных чудищ!

Когда Раяр только вернул меня в мои покои, я обрадовалась, не застав там его сестрицу. Испереживавшиеся за ночь мочалки были мне просто неприлично рады, но в столовую идти со мной наотрез отказались, и уже только это должно было меня насторожить. Но нет, я бесстрашно отправилась на завтрак, воодушевленная тем, что день начался не со встречи с Айаной.

Как бы... зря радовалась.

— Яааночка, — нежности у Айаны были пугающими. Ледышечка любила обниматься и знать ничего не знала ни о каком личном пространстве. Уж если Делмар не стеснялся подвигать свой стул поближе ко мне, то она и вовсе придвинула его вплотную и теперь постоянно меня трогала.

Руки у Айаны были сильными, кожа ледяной, а дыхание обжигающим.

Я терпела и холодные прикосновения Айаны, и насмешливые взгляды Делмара, и невозможность нормально поесть. Пока к ошупыванию мягонькой человечки не решил приобщиться и огонек.

— Прекратите, — наконец, велел Раяр, уловив отголоски набирающей силу бури, что разрасталась во мне.

— Мы же чуть-чуть, — удивилась Айана, перебирая пальчики моей левой руки, пока с правой рукой развлекался Делмар.

— Хватит, — властно повторил мой кошмар, чуть повысив голос.

Руки мои тут же отпустили. Айана даже чуть отодвинулась, уставившись в свою тарелку, но я-то знала, что это ненадолго, и через пару минут ко мне снова начнут приставать.

А рядом с хищником аж два пустых места...

На то, как я, проскрежетав ножками стула, в гробовой тишине поднимаюсь со своего места и топаю поближе к Раяру, смотрели все. Особенно мой кошмар, у которого теперь появился неожиданный сосед.

Он не поднялся, когда я приблизилась, но стул передо мной отъехал сам, влекомый за ножки тьмой.

Делмар со своего места тихо хохотнул, но мне уже было все равно. Теперь, если меня кто и решит пощупать, то это будет исключительно Раяр, а его еще можно терпеть.

И, должна признаться, давно пора было это сделать. С чего я вообще решила, что так нельзя? Кто сказал, что сидеть рядом с неугомонных Делмаром лучше, чем спокойно завтракать под боком у молчаливого Раяра, который в присутствии своих родственничков стал ну совсем уж неразговорчивым. Суровый такой, мрачный дядька. Будто бы и не он вовсе развлекался тем, что весьма негуманными способами выманивал меня из ванной комнаты. Сейчас он был сам на себя не похож, и что-то мне подсказывало, что вот эта вот угрюмая громадина — это и есть тот самый хейзар Мглистого удела, верный сын своей жуткой матери. Ну... условно верный, конечно, если учесть, что он натворил.

Стул был тяжелый, да и неловко мне было рыпаться в той внимательной тишине, что повисла в столовой после моего побега под крылышко хищника, но стул я все равно подтащила поближе к моему унылому кошмару, под заинтересованными взглядами всех присутствующих ободряюще похлопав его по руке:

— Не грусти, ужастик, скоро они свалят, и тебе уже не придется быть старшим братом.

Как Раяр на меня смотрел, как смотрел. Хотя нет, это были еще мелочи. Вот как на меня смотрели его родственнички...

— Я хочу себе человека, — сообщил нам уже давно известное Делмар.

— Я хочу ее, — жалобно протянула Айана, подавшись вперед, — ее уже не надо воспитывать, и она совсем ручная.

А ведь мне даже обидно не было, потому что бессмысленно обижаться на маленьких детей и хейзаров.

И только лишь Раяр очень сурово молчал, с бесконечным терпением глядя на нас. Но на роже его прямо печатными буквами было написано, что свою ручную человечку он никому не отдаст, и это успокаивало.

Хотя и было совершенно ожидаемо. В конце концов, где он еще такое уникальное создание, как я найдет? Готовое, между прочим, любить его жуткую натуру (хотя бы попытаться).

Человеколюбивые родственники Раяра отбыли перед обедом. После моего утреннего выступления, они просто не смогли терпеть дальше и отправились на охоту за человеками, что лично меня полностью устраивало.

Отведя в сторонку, перед самым своим уходом, Делмар протянул мне какую-то странную подвеску. Небольшая сфера из тонкого стекла на изящной цепочке черного серебра. Именно тот металл, который светлым было проще всего освятить, а темным заговорить. Идеальный проводник для их энергии.

И вот стояла я перед огоньком, сжимала в руках подвеску, за стеклянными стенками

которой билась тьма, изредка вспыхивая яркими искрами, и не догоняла.

— Носи всегда, — негромко напутствовал меня Делмар, пока мой кошмар выслушивал эмоциональные прощания своей сестры, — Раяр хотел его доработать, но, мне кажется, лучше отдать его тебе сейчас. Защита замка после выходки светлых ослаблена, и на ее восстановление уйдет еще несколько месяцев. Меня поблизости не будет, а Раяр...

Делмар бросил взгляд на своего брата:

— Не думаю, что он в полной мере осознает всю твою хрупкость.

— Это защита, да? — спросила я почему-то шепот, проникнувшись торжественной важностью момента и не желая, чтобы его нарушили.

— Не совсем, пока это просто амулет вызова, — огонек странно улыбнулся, — он не сможет тебя защитить, собственно, поэтому Раяр и не хотел отдавать тебе его сейчас...

— Ну так, а зачем он мне тогда? — удивилась я несколько громче, чем следовало, и была тут же обшкана.

— Он тебя не защитит, но в случае опасности вызовет кого-нибудь из нас. После происшествия со светлыми Раяр чувствует перед тобой вину, уверенный, что все так сложилось исключительно из-за его требования. Брат отчего-то решил, что с тобой ничего не случилось бы, не пожелай он, чтобы ты встречала светлых с нами. — Делмар невесело хмыкнул. — Впрочем, не думаю, что его решение всему виной. Кажется, у светлых появилась довольно сильная мудрая со склонностью к предвидению.

— О...

К сожалению, столь любопытную тему Делмар развивать не посчитал нужным, вернувшись к более скучным вещам:

— Его просто нужно сжать и позвать того, кто тебе нужен, поняла? Он настроен на меня и Раяра, мы услышим тебя в любое время, где бы ты ни была, — подхватив мою руку своей ладонью, он заставил меня сжать пальцы на амулете. — Береги себя, ладно? Другой такой Раяру уже не найти.

— Ага, то есть, ты все же не обо мне беспокоишься, а о брате, — беззлобно фыркнула я.

— Обижаешься?

— Нет, наверное, — беспечно пожав плечам, я заработала совершенно невозможную и просто невероятную улыбку. Никто еще в этом мире мне так светло не улыбался. Даже мочалки, которые, наверное, хотели бы, но в принципе умели только скалиться.

— Если тебя это утешит, беспокоюсь я не только о брате. Ты хорошая, и мне правда не хотелось бы, чтобы ты умерла.

Казалось бы, какое кошмарное признание, но я все равно была очень тронута, прекрасно осознавая, что для хейзара это чуть ли не признание в любви.

Растрогалась я, правда, не настолько, чтобы не радоваться их отбытию.

Чем меньше темных в этом замке, тем спокойнее одной ручной человечке.

Это же так чудесно, когда тебя никто не достает, не изводит... и уж совершенно некому заморозить тебя ночью в твоей собственной кровати.

Ну, так мне казалось ровно три дня, за которые я успела узнать о хейзарах совершенно все, что можно было узнать о них из любовных романах, и достать своими новыми знаниями Раяра, упрямо отбивавшегося от моих размышлений о его чувствительности и крайней привязчивости.

И если про свою эмоциональность он слушал еще относительно спокойно, то по второму пункту ушел в глухую несознанку.

— Но ты просто подумай! — возмущалась я, наворачивая круги по его кабинету. — Вас

же такими создали. Ты же не будешь отрицать, что привязан к своим родственникам, а ведь вы, по сути, даже не родные. Просто выбранные для своей роли дети, способные принять энергию Рассак и не умереть при этом.

Путь к его кабинету я нашла уже давно. Собственно, мне его еще Дося показала, когда я только начинала обследовать замок. Туда настоятельно запрещалось ходить, что мочалке удалось донести до меня очень хорошо.

И я не ходила. Долго не ходила, хотя было любопытно, а потом меня достал Делмар, я плюнула на запреты, ворвалась в святая святых и все. Не было Раяру теперь от меня спасения.

— Это не значит, что я должен привязываться ко всем без разбора, — огрызнулся он, брезгливо, двумя пальцами держа перед собой книгу, которую я совсем недавно уронила ему на стол. Называлась она «Любовь для хейзара», и я искренне считала, что моему кошмару необходимо с ней ознакомиться. Я знать не знала, кто написал этот шедевр, но Раяру не лишним было бы его зачесть. Может, хоть после этой книги до него дойдет, как нужно правильно за девушками ухаживать. Это же не просто роман, это пособие для совсем уж безнадежного чайника. Да ему даже мучиться не надо было, зазубрил все комплименты, которыми осыпал свою избранницу главный герой и все, мой неромантичный ужастик — мастер пикапа.

Но Раяр упирался и не хотел. Особенно когда узнал, какая нежная душка этот книжный хейзар.

И теперь я усиленно пыталась убедить хищника в том, что он тоже та еще лапочка...

Если бы всего пару недель назад мне кто-то заявил, что я буду на полном серьезе заверять мой кошмар в его умиленности, я бы не поверила. Да я и сейчас не верила, но продолжала настаивать на своем... чертов Делмар, чтоб ему такую же душечку в человеческой резервации найти, очень на его брата характером похожую.

— Яна, чего ты от меня хочешь?! — наконец не выдержал хищник.

— Да разве не понятно? Взаимности!

— О какой взаимности может идти речь, если ты меня не любишь?

Что на это ответить я не знала. Ну не люблю, да, но уже ведь привязалась. Он же мне теперь как родной, я даже согласна для него радоваться. У меня ПОЛУЧАЛОСЬ для него радоваться, а он что?

«Я не милый. Отстань»

Как так можно вообще?

Возмущалась я долго, бурно и безрезультатно. И совершенно недовольная хейзаром, вернулась в свои покои, чтобы уже там от души понегодовать.

А потом переодеться, положить амулет на столик и устроиться спать.

И во сне мне чудилось, будто я совершенно не нежно и ни капельки не романтично душу свой кошмар подушкой. Он, конечно, брыкается, вырывается и душиться отказывается, но главное же не результат, главное же процесс.

А процесс прервали. Зажали рот, попытались прижать руки к телу... Признаться, я сначала не испугалась даже, решила, что это Раяр, начитавшийся любовных романов, примчался меня покорять. Но ночную тишину, разбавленную тихим, решительным сопением, прорезал истошный мочалочный визг, и я как-то сразу осознала, что мужик в комнате не один, что это не Раяр, и что моих мочалок обижают.

Нащупать под подушкой ножик удалось не сразу. Постель перестилалась, подушки кочевали с одной половины кровати на другую, и честно уворованный мной из столовой прибор слегка затерялся среди тканей.

Руку, зажимающую мне рот, пришлось кусать. Кто-то, неразборчиво ругаясь, полез на

кровать, вздумав хватать меня за ноги, но после того, как получил пяткой по носу, резко передумал ко мне лезть. Всем своим новым и внезапно появившимся гардеробом клянусь, я слышала влажный хруст, с которым чей-то нос съехал набок. И так ему и надо.

Рукоять ножа я нащупала как раз в тот момент, как один из мужиков, ухватив меня за плечо, резко перевернул на спину, и обзавестись оружием я просто не успела, оно так несправедливо выскользнуло из моих пальцев.

— Мужик, я тебя запомнила, — прошипела зло, прямо в сосредоточенную морду лысого. Откуда в моей комнате сектанты? Как они сюда попали? Чем Раяр вообще занимается, пока меня тут похищают? Сейчас это было неважно.

Я просто радовалась, что свет на ночь все же не до конца выключаю и могу видеть то, что творится вокруг.

А вокруг творилось сплошное безобразие. Мочалок моих притесняли, меня пытались вытащить из кровати, а у окна, со странной штуковиной в руках, стоял местами обтатурированный и следил за происходящим.

Бося вывернулся, успешно проскочил между двумя сектантами и набросился на того, которого я запомнила.

Мужик взвыл не своим голосом, задержался, свалился на кровать рядом со мной, стараясь сорвать со своей лысой головы взбесившуюся мочалку, а я получила свободу, чем и воспользовалась. Следующий сектант, полезший ко мне с протянутыми руками, получил неловкий, но удачный удар столовым ножом в плечо, взвыл от боли и отшатнулся. Следующим пострадал тот, которому от меня уже досталось пяткой в нос. Ухватив меня за ногу, он чуть не лишился руки. Кисть, по крайней мере, я ему взрезала знатно.

И все бы хорошо, наши, кажется, побеждали, но лысых было семь человек, а я одна.

Бося тоненько взвизгнул. Жалобно так, совсем не воинственно.

А этот хмырь, рожу которому моя мочалка основательно исполосовала, с гадкой ухмылкой отшвырнул обмякшее мохнатое тельце в сторону. Хмырь сжимал в руках тонкий костяной клинок, чем-то очень похожий на тот, которым себя убила жрица светлых, только этот был весь какой-то черный, будто обожженный.

Не сразу до меня дошло, что обожженный он из-за Босеньки, который сейчас валялся на полу и тоненько тренькал.

— Госпожа будет довольна, — оскалился урод со свернутым носом, — сильное тело.

Лучше б он молчал.

С кровати я свалилась, больно ударившись спиной, страшно извернулась, расслышав злорадный хруст суставов, и одним невероятным броском добралась до столика, на котором оставила амулет.

Если кто-то из сектантов и догадался о цели моих акробатических трюков, то помешать уже не успел.

Амулет был зажат в моей руке.

Я не спрашивала у Делмара, почувствует ли мои эмоции тот, кого я позову, будет ли он знать, что произошло и сейчас очень боялась, что Раяр просто отмахнется от меня.

Не отмахнулся. И, судя по всему, амулет все же передавал эмоции, иначе как объяснить столь эпичное появление моего кошмара.

Тьма взорвалась прямо в центре комнаты, разметала свои нити, вспенилась и выпустила на свет, мне на радость и лысым на скорое умерщвление, злого, сверкающего глазами хищника.

Он был уже в знакомой мне пижаме и босиком, и волосы опять были растрепаны, вот только меня это сегодня вообще не умиляло.

Раяр не стал удивляться, не начал задавать вопросы, даже на меня не посмотрел. Первым делом он бросился на недотатуированного сектанта, вырвал из его рук странное приспособление — слишком грубо и резко, отчего внутри тонкостенной коробочки что-то хрустнуло — бросил его на пол, отчего оно разлетелось по всей комнате деревянными панелями и стеклянными трубочками, разбрызгивая вокруг себя шипящую и пенящуюся при соприкосновении с тьмой жидкость.

Сектант не успел среагировать, он даже ничего не понял, когда крепкие черные пальцы сжались на его горле. Тьма, казалось, хлынула прямо из-под ногтей хейзара, поднялась по шее, огладила подбородок и влилась в открытый рот, заползла в нос и в распахнутые от ужаса глаза.

Я зажмурилась и не видела, как вздулись и потемнели вены на лысой голове, как глаза затопила чернота, а из носа потекла темная кровь. Только слышала с каким тяжелым, страшным звуком тело упало на ковер.

Дальше настал черед сектанта со свернутым носом.

Раяр не спешил, он был в бешенстве и отрывался по полной. Ловил одного, пожирал, судя по всему, совершенно негуманным образом, его душу, бросал, переходил к следующему.

Кажется, кто-то пытался сбежать, но дверь была заперта намертво.

А Раяр все никак не успокаивался. Из семерых в живых осталось только трое... двое, когда я отмерла, попыталась подняться, но вляпалась рукой в лужу той странной жидкости, расцарапала ладонь осколком, выругалась и все же встала.

Я встала, а тело второго уже лежало на полу, в то время, как Раяр подбирался к последнему живому сектанту.

— Пстой!

Я успела схватить его поцарапанной рукой, но даже этого не почувствовала. Жидкость была поистине странной, она словно обезболила мои царапины.

Вот только если мне эта гадость никак не вредила, то мой кошмар вздрогнул, дернулся, разрывая прикосновение, и резко обернулся ко мне. Как получилось, что в следующее мгновение я уже была прижата к стене и почти задыхалась, удерживаемая за горло, так и не поняла. Просто моргнула и вот, я уже имею реальный шанс умереть.

— Раяр, — вцепившись в запястье, попыталась оторвать от себя его руку и чуть в голос не заорала, когда под моей влажной ладонью его кожа начала краснеть и покрываться волдырями. Я его обожгла. Совсем так же, как обожгли его когда-то цепи сектантов. Освященные и заговоренные цепи адептов культа Рассах. Отдернув руку, сдавленно прошептала, мечтая, чтобы он меня уже отпустил, — прости.

Рука на горле ослабла, я съехала по стене и с радостью ощутила под ногами холодные плиты пола.

И было бы мне еще радостнее, если бы Раяр на меня не смотрел... так.

Глаза его зияли огромными черными безднами. Вобравшими в себя все золотое сияние, зрачки дрожали, дышали как живые, и каждый их вдох вытягивал что-то из моей души. Что-то теплое и очень нужно.

— Бездна и значит «без дна», — прошептала я непослушными губами, чувствуя, как замирает кровь в жилах. Раяр удивленно моргнул, зрачки чуть уменьшились, позволив мне увидеть тонкую, такую ненадежную золотую нить его радужки, — только сейчас... дошло.

Последний оставшийся в живых сектант истерично дергал ручку двери, Дося курлыкала над Босей, а я не могла ни дышать, ни шевелиться. Только стоять и смотреть.

Пальцы на шее дрогнули, погладили, и хищник жутким, пробирающим до костей голосом так ненавязчиво поинтересовался:

— Зачем тебе живой адепт?

— А ты не хочешь узнать, как они в замок попали?

— Защита ослаблена, — передернул плечами мой кошмар, который после такого представления вполне может мне в каком-нибудь кошмаре присниться, — у них есть хеликер, и, видимо, была капля твоей крови. Это их и привело.

— Зря оставили кинжал на поляне, да, — поморщилась я, невольно косясь на останки хеликера, заполненного под завязочку какой-то местной освященной водой.

— Это все, что ты хотела у него спросить? — поинтересовался Раяр, и тон у него был такой, что даже окажись у меня какие-то вопросы, я бы все равно их не озвучила.

— Ага. П-приятного аппетита.

Пока мой... не, пока всеобщий, кошмар разбирался с последним сектантом, я доковыляла до мочалок, потирая шею. Ухватил так ухватил, ничего не скажешь.

А на полу, около опрокинутого кем-то стола, поскуливая так жалобно, что сжималось сердце, лежал Бося.

— Эй, ты как? — голос дрожал и не слушался, но я упрямо откашлялась, рухнув на пол рядом с ним, и повторила вопрос, дрожащей рукой коснувшись маленькой лапки. Понимала, что ответить он не сможет, да и Дося, уткнувшись мордой мне в плечо, тоже ничего не объяснит, видела, что черная, некогда густая, шерстка истончилась, стала полупрозрачной и будто таяла, а из пропоротого темного бока мочалки неровными толчками на пол выливалась клубящаяся тьма. Разбиваясь о холодный камень, она рассеивалась, не оставляя после себя и следа. Все это я видела, но никак не могла принять простую и, в сущности, прекрасно понятную истину: жить Босе осталось недолго.

Тоненько тренькнув, он сжал лапкой мою руку, беспомощно заглядывая в глаза. Плакать нарзы не умели (да и зачем существам, созданным магией, плакать?), но боль, кажется, чувствовали.

А плакать... плакать могла я.

— Яна? — разделавшись с последним адептом, Раяр подошел, черной тучей нависая над нашей бедой.

— Он..., — размазывая по щекам слезы, я попыталась донести до хищника всю несправедливость произошедшей трагедии, но смогла только рвано выдохнуть и потерянно заткнуться.

— Если хочешь, я могу развеять его. Только перестань плакать, — голос у кошмара был напряженный и тихий, он ощущал мои эмоции и совершенно точно не мог понять, что происходит. Бося для Раяра был обычным нарзом. Магией, получившей форму, не больше. Я это понимала, но после этих его слов мне так сильно захотелось ему врезать, просто сломать об его голову стул, например, чтобы ему тоже стало больно.

— Я создам для тебя нового, — пообещал этот бесчувственный гад, присев передо мной на корточки. Бося тихо курлыкнул и крепче сжал мою руку, — двух, трех. Сколько захочешь, только перестань...

— Да не нужен мне другой! — взорвалась я, чувствуя, как меня накрывает неконтролируемая ярость. Как он мог такое предлагать? Как ему это только в голову пришло?

— Ты мне этого верни! — взревела я, подкрепив свое требование сильным тычком в широкое плечо.

Раяр поморщился, но промолчал, для разнообразия глянув на Босю.

— Проще будет сделать десяток новых, — признался он.

А я... Я разрыдалась в голос, прижимая ладонь к глазам. Дося, цеплявшаяся за мое плечо, тоже горько хныкала.

— Хорошо, — не выдержал Раяр, — я все исправлю, только прекрати плакать!

Я не прекратила. Не поверила ему и разрыдалась в два раза сильнее. Просто в груди что-то больно тянуло, мучительно сжимая сердце все сильнее. И ни вздохнуть толком, ни успокоиться.

Возможно, в книгах все наврали (любовные романы, что с них взять?), вполне вероятно, что хейзары и не привязчивые вовсе, что им совсем на всех плевать, но я-то, как раз, если привяжусь, то уже все, больше не отвяжешь.

И Бося стал мне слишком дорог, чтобы умереть вот так просто.

Только не сейчас и не так.

Колдовал над моей мочалкой Раяр долго. Нет, прошло не больше минуты, но я же вся на взводе, и слезы дурацкие все льются и льются, и в груди от рыданий тесно.

И вообще...

Успокоилась, только когда тьма из Боси перестала выливаться, и он расслабился, прекратив мелко дрожать.

— Он...

— К вечеру будет в полном порядке, — Раяр хмурился и отводил глаза. Не нравились чудищу больше негативные эмоции, но требовать в срочном порядке радоваться он не спешил, почему-то признав мое право на горе.

Впрочем, после его обнадеживающих слов мне и самой страдать больше не хотелось.

Слезы еще не высохли, а я уже готова была смеяться и с восторженным писком сначала придушила в объятиях Досю, потом очень эмоционально, но бережно потрясла лапку Боси, а после и до кошмара добралась.

С каким удовольствием я на него бросилась, с какой радостью и желанием отблагодарить...

И с какой ошалевшей рожей он свалился на пол, сраженный сокрушительной силой моих чувств.

- Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо... — меня конкретно заклинило, но я уже просто не могла остановиться. Сжала его сильно-сильно и бормотала куда-то в шею, полностью дезориентировав несчастного. Просто взяла и утопила его в своей благодарности. И да, опять плакала, но уже от облегчения.

А он и правда, кажется, почти утонул, потому что за меня ухватился как за спасательный круг и сжал так, что даже дышать получалось через раз.

- За...душишь, — прохрипела сдавленно и вместо свободы получила еще более костедробильные объятия.

Не то, чтобы я была против обнимашек, я только за, при условии, что они не такие убийственные.

А Раяр продолжал меня тискать, судя по энтузиазму, принимая мои конвульсивные подрыгивания за радостные подергивания беспредельно счастливого человека.

Кусать или не кусать... вопроса даже не стояло. Тут моя жизнь решалась, и я со всей ответственностью вгрызлась в мой кошмар.

Кошмар офигел, вздрогнул, дернулся и разжал-таки руки. Почувствовав свободу, я тут же его отпустила, потирая свои родные ребрышки.

- Ты меня укусила, — пробормотал он, неверяще глядя на самого зубастого и самого-самого бешеного человека, которого он только когда-либо встречал.

- А ты меня чуть не задушил, — не смолчала я, не оставляя бессмысленных попыток вытереть щеки. Слезы все лились и лились, и я никак не могла этому помешать.

Их было слишком много для одного горя, но вполне достаточно для всех тех потрясений и кошмаров, которые мне пришлось пережить в этом мире.

И Раяру предстояло выдержать их все. И слезы, и сопли, и очередные обнимашки.

Он отшатнулся, когда я потянулась к нему, но вырваться не стал и даже по спине неловко погладил.

- Ты же столько романов прочитал, — проворчала я, шмыгая носом, — и до сих пор не знаешь, как нужно девушек успокаивать?

Хищник промолчал, но поглаживания стали увереннее, ровно до моего следующего вопроса:

— Откуда в твоей библиотеке вообще женские романы?

Поглаживания прекратились, а его рука тяжело опустилась мне на голову, где и замерла.

— Большая часть романов осталась от моей... матери.

— А остальные?

— В свое время, когда она еще жила у меня, Айана очень увлекалась подобной литературой...

— Она жила у тебя? — недоверчиво переспросила я, утратив всякий интерес к предыдущей теме.

— Зимой, — подтвердил Раяр, — сначала я учил ее контролировать силу, а после... она говорила, что моему уделу очень идет снег.

— А потом что случилось?

— Мать уснула, и Айана получила свой собственный удел в полуночных землях.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, где именно у них тут находятся полуночные земли. По всему выходило, что это, все же, обозначение местного севера. Ну и логично, должна признать, ледышечке на севере самое место.

Выдохнув, я подобралась поближе к Раяру, чтобы устроиться поудобнее, и тихо призналась, осторожно обняв его за талию:

— Знаешь, наверное, мы начали не с того.

— Ммм? — кошмар напрягся, хотя явно старался расслабиться, но ничего у него не получалось, а мне было все равно.

Пусть только попробует меня съесть, я ему нос откушу.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, а?

Наверное, довольно странно было задавать этот вопрос в разгромленной комнате, рядом с двумя мочалками — одна из которых чуть не откинулась, а вторая просто сильно испугалась, — невдалеке от трупов, что медленно и лениво подъедала тьма, но я задала.

Потому что пусть рассказывает, какой он со всех сторон положительный, и почему я должна его любить.

А в том, что он — не такой уж и безнадежный кошмар, я уже убедилась. Поломанный в детстве сильно, но не безнадежный.

Глава десятая. Сумеречная зона

Я любопытная.

Любопытная настолько, что отправилась исследовать новые коридоры, стоило только Раяру перетащить меня в свое крыло замка.

Оставаться в тех покоях, в которые так бессовестно нагрянули сектанты, мне было никак нельзя. Это было решено хищником и единогласно поддержано нами. Даже еще слишком слабый и не до конца пришедший в себя Бося одобрил решение моего кошмара.

Но где же мне жить, если не здесь? Вот в чем вопрос. И ответил Раяр на него весьма однозначно.

— Это твои новые покои, — не слишком радостно сообщил он, пока вызванные из-под потолка тени затаскивали мои вещи в гардеробную.

Обстановка в этих покоях не сильно отличалась от той, что была в предыдущих. Единственными отличиями было наличие еще одной двери, незаметной, черной, спрятанной за расшитой занавеской, ну и, пожалуй, непривычными были ненавязчивая, изящная роспись и тонкая вышивка.

— А там что? — бесстрашно сунулась я в дверь, за которой, как оказалось, располагалась очень мрачная и очень знакомая спальня моего кошмара. — О.

— Это покои моей... приемной матери, — счел нужным пояснить Раяр, — она жила здесь.

— А это? — кивнула я на дверь, которую все еще держала полуоткрытой.

— Покои хозяина замка.

Ага, то есть, Раяр занял спальню своего приемного папки, а я буду жить в комнате его приемной мамки.

— Если тебя что-то смущает, то дверь можно запереть, ключ...

— Ты за считанные секунды совершенно спокойно перемещался отсюда, — я снова кивнула на дверь, — в мои старые покои, которые, к слову, находятся довольно далеко. Так что запрем мы дверь или нет, для меня значения не имеет. А вот тебе стоит подумать, сможешь ли ты спать спокойно зная, что за стеной живет ужасная человечка, которая в любое мгновение может нагрянуть в гости.

Раяр некоторое время странно смотрел на меня, а потом просто кивнул. И все.

И непонятно было до чего он там додумался, но дверь так и осталась открытой.

Как знак того, что потомки Изначальной Тьмы не боятся всяких человечек. Типа, бесстрашные они.

Напрасно, кстати не боятся, я бываю очень страшной. Особенно когда, обследуя новые территории, случайно нахожу путь на кухню.

Кухня тут, конечно, была вполне обычная. Такая, какой я видела ее во всяких фэнтезийных фильмах. Большая, заполненная посудой, с огромным, жарко натопленным очагом и очень уютной, я бы даже сказала аппетитной суетой. Гремели крышки на больших кастрюлях, бодро стучали ножи по разделочным доскам, а нос щекотало от одуряющего запаха свежей выпечки... и все это в гробовой тишине.

Здесь не было людей, и не было этих сотканных из тьмы теней, что прислуживали Раяру. Только продукты, мечущийся туда-сюда темный туман, клубящийся и очень энергичный и... мамочка моя родная:

— К-кости?

Дося, в последнее время сопровождавшая меня в гордом одиночестве, пока Бося приходил в себя и все время спал, вопросительно курлыкнула.

Она решительно не понимала, что именно меня так поразило.

И действительно, что ужасного я нашла в костях, прикованных цепями к стене? Расположившись на высоте нечеловеческого роста (метра два над полом, быть может, чуть выше), запутанные в своих сетях, состоявших из некрупных, исцарапанных странными черточками (местный аналог клинописи, отдалено напоминающий мертвый язык) цепей, покоился отполированный, чистенький и вроде как даже довольный своим посмертием скелет.

Скелет!

Я не была уверена, что Раяр знает, кто обитает на его кухне, но точно знала, что скоро ему все станет известно. Уж я-то об этом позабочусь.

Дося, спешившая за мной по совершенно пустым сумрачным коридорам, призывно курлыккала, словно умоляя меня остановиться и подумать. Мочалка была уверена, что Раяр знает обо всем, что творится в его замке... а то, что толпу сектантов проморгал, так это все их освященные штучки виноваты. И моя кровь. Ослабленная защита замка пропустила их, уловив частичку меня, а хеликер довел до моих покоев, скрывая присутствие целой толпы лысых мужиков от Раяра и охранных плетений. Но уж про скелет на кухне он, разумеется, должен знать. Вне всякого сомнения. Точно-точно.

А я в этом очень сильно сомневалась, все еще не сумев до конца понять странное, какое-то чуть вывернутое восприятие действительности темными.

Для меня скелет на кухне был вещью ненужной и даже неприятной, а для Раяра... для Раяра, судя по всему, нет.

По крайней мере, когда я ворвалась в его кабинет, с порога огорошив его невероятной новостью:

— На кухне труп!

Хищник очень удивился. Стоя у окна и любуясь унылым пейзажем — с самого утра за окном шел дождь, что лично меня очень угнетало — он беззастенчиво пользовался моментом и отдыхал. Послания все так же не могли достигнуть адресата, отчего этот самый адресат получал ни с чем несравнимое удовольствие.

— Что? — обернувшись на грохот моего вторжения, он выразительно поднял бровь.

— Скелет на стене висит!

— А, — Раяр равнодушно пожал плечами, будто я сообщила ему о чем-то совершенно незначительном, — это повар.

Руки беспомощно опустились, а Дося позади меня курлыкнула что-то вроде «Ну я же тебе говорила».

— Повар?

— У него был выбор, — словно бы оправдываясь, пояснил Раяр, — либо он работает на меня, либо я поглощаю его душу.

— И...

— Теперь он прикован к кухне. А кости, некогда бывшие его телом — лучшее из возможных хранилищ для души.

И вот с этим вот страхом я нынче соседствую. Он же за стенкой живет, кошмар мой ужасный.

— Ага, ну ладно, — я сделала шаг назад, очень радуясь тому, что не до конца ворвалась в кабинет и сейчас стояла на пороге, крепко сжимая дверную ручку, — я, наверное...

— Яна, — окликнул он меня подозрительно мягко, а мне почему-то подумалось, что все это дело с костями — страшная тайна, что зря я на кухню сунулась и вообще, свидетели долго не живут.

И мне бы, по идее, валить надо было, но я замешкалась, и момент был упущен. Теперь оставалось только недружелюбно поинтересоваться:

— Ну?

— Побудь со мной немного.

И вот вроде трогательный момент, такая милая просьба, но это ж Раяр, а значит все не просто так.

— Только не говори, что у тебя тут поблизости еще один скелет висит, и ты не хочешь, чтобы я его нашла.

Осуждающий взгляд был мне ответом.

— Ну ладно, — ввалившись-таки в кабинет, я уверенно закрыла дверь, чуть не прищемив лапу Досе. Негодующе курлыкнув, она бросила на меня возмущенный взгляд и уползла под стол. А я отчего-то начинала нервничать и искренне считала, что мочалка еще легко отделалась.

Потоптавшись немного у двери, но так ничего и не дождавшись, я решила быть наглой и уверенно потопала к столу. Нет, тут, конечно, был еще небольшой диванчик, притаившийся в углу, но я же наглая, зачем мне какие-то там диванчики, когда я могу занять кресло темного?

А мочалка, все же, зря под стол сбежала, ей нужно было забиться в угол и переждать беспричинный приступ моей нервозности, а не подставляться так бездумно.

В общем, пока в кресло забиралась, я таки отдала ей лапу.

Хотя виноватой себя не считала. Во всем был виноват Раяр, который просил странные вещи и нервировал непонятным взглядом.

А мне приходилось бороться с параноидальным чувством что, что-то не так или со мной, или с ним, или в принципе...

— Я прочитал книгу, — заговорил он, дождавшись, пока я перестану копошиться.

— И ты хочешь ее обсудить?

Нет, ну, а вдруг?

Предположение мое его развеселило, но оказалось в корне неверным.

— Хочу кое-что проверить.

— Иии?

— Ты не могла бы подойти?

Подниматься, конечно, было в лом, да и ожидание какой-нибудь подставы никуда не пропадало, но интересно же, что он там проверить хочет и при чем тут я.

Молча из кресла выбраться, конечно же, было нельзя, и потому, не переставая ворчать, я поплелась к темному:

— Почему проверить что-то хочешь ты, а подходить должна я, а? Нельзя было раньше сказать, до того, как я села? Что это вообще такое? — меня молча, с совершенно непроницаемой и оттого особенно подозрительной рожой подхватили подмышки, чтобы усадить на высокий подоконник. — Э?

Когда он с задумчивым выражением лица обхватил ладонями мое лицо, я осознала, что не зря ждала подставы, но бежать уже было некуда. Разве только выбить головой стекло и вывалиться в окно. С третьего этажа.

А ведь что там под окнами его кабинета я так до сих пор и не выяснила...

Целоваться с трупом мне совсем не хотелось. Нет, Раяр, конечно, был живой, но прохладненький. Остывающий, я бы сказала, и это не вдохновляло.

Ровно три секунды не вдохновляло, пока его губы не накрыли мои. А там уже и про кладбищенские ассоциации можно было забыть, и про все свои нежелания и вообще, мужик — огонь!

И вот мужик-то, может, сам по себе и огонь, но ручки-то у него как были едва тепленькие, так и остались, и когда эти едва тепленькие хваталки полезли под тунику, я пришла в себя.

Дернулась назад, разрывая поцелуй, хорошенечко впечаталась затылком в стекло, отчего оно задрожало, и со всей ответственностью врезалась лбом Раяру в переносицу.

Он отшатнулся, прижав руку к носу и гнусаво заметил:

— Этого в книге не было.

— В какой книге? — Потирая пострадавший затылок левой рукой, правой я спешно одергивала тунику, которую мне успел задрать этот великий соблазнитель, чтоб его...

— Ни в одной!

— Это потому что все ваши веларийки трепетные до одури. Такую если прижмешь, она либо в обморок грохнется от несусветной наглости, либо терпеть будет. Я знаю, мне Делмар рассказывал. Вот и во всех этих романах то же самое, — сочла нужным открыть ему глаза на правду, — а я психованная человечка, я и вдарить могу.

— Я заметил, — неожиданно усмехнулся Раяр, отнимая ладонь от лица и осторожно ощупывая переносицу. Лично мне его совсем не было жалко. Да что там, я была возмущена и планировала праведно негодовать. До следующих его слов:

— Можно я хотя бы просто тебя обниму?

— Зачем?

— Не знаю, — пожав плечами, он предельно честно сообщил, — мне нужно.

Ну, а я что? Я никогда против обнимашек не была... до того, как сюда попала. А потом тут меня начали тискать со всякими мутными намерениями, притушив мой пыл, но Делмар вместе с сестричкой свалили в резервацию, терроризировать человека, обнимашек просил Раяр, и ему прям было «нужно». А мне для родного кошмара ничего не жалко.

— Если не будешь больше дурить, то можно.

Обниматься с Раяром было странно. Я это еще в первый раз поняла, когда в моей старой, разгромленной комнате к нему прижималась. Но тогда я была под завязочку наадреналиненная, конкретно неадекватная и на свои ощущения внимания обращала мало.

А теперь у меня было время не только все прочувствовать, но и как-то это осмыслить.

Кошмар мой был слишком обнимательным для собственно кошмара. Это я еще в прошлый раз поняла, когда после обнимашек с Айаной грелась об него, но сейчас, прижимаясь щекой к широкой груди и отсчитывая размеренные и сильные удары его сердца, до меня, наконец, дошло, насколько же приятно его вот так вот жамкать.

Какой же, все-таки, замечательный мне достался кошмар.

Сколько именно я так сидела, отмораживая себе тылы и прижимаясь к Раяру, не знаю, но прекрасный момент был испорчен истерично мечущимся, едва сохраняющим целостность посланником.

Черное облачко, лишь отдаленно напоминающее птицу, протаранило окно, оставив на стекле полупрозрачный, быстро тающий дымный круг, пролетело у меня над головой и с разгону, не дожидаясь разрешения, врезалось в лицо хищника.

Тот дернулся и эмоционально выругался на незнакомом мне языке. Невероятное открытие — материться можно даже на древнем, многими уже давно забытом, мертвом языке, если есть желание. У Раяра оно было.

— Что-то случилось?

— Шэйн прислал сообщение, — раздраженно цыкнув, хищник обнял меня крепче, — светлые вновь требуют пропуск на Темные земли.

— И что не так? — кто такой Шэйн, я с недавних пор знала. Шэйн Дэавир — Господин Полнолуние или, проще говоря, хозяин сумеречной зоны был третьей и, на мой взгляд, самой положительной силой, выбравшейся из разлома во время гибели этого мира. Информации о нем было мало, вступать в контакт с людьми и нелюдьми он не стремился, расширять свои территории тоже. Просто жил, являясь своеобразной стеной между светлыми и темными. И раньше он представлялся мне чем-то эфемерным, непрочным и не совсем существующим, как Рассах или Мирай. Неясная сила, не имеющая точных очертаний.

А тут он взял и просто прислал Раяру вестника. Обычного... хотя, конечно, необычного. Мне было сложно представить, какой силой нужно обладать, чтобы отправить послание, которое не рассыплется на полете к так подло освященному замку.

— Их слишком много, и... — Раяр нахмурился, неохотно добавив, — Шэйд требует, что я прибыл.

— Все так плохо? — я прямо чувствовала, как обнимашки ослабевают. От меня медленно и как бы между прочим отстранялись, а я зачем-то продолжала хвататься за его рубашку.

— Не думаю.

— А можно мне с тобой? — На меня посмотрели так, что я без всяких слов поняла, насколько невысокого мнения Раяр о моих умственных способностях, но все равно упрямо повторила: — Можно?

Остаться одной в замке, в который уже однажды проникли сектанты, мне совсем не хотелось. Ну да, там, куда вызывали Раяра, была целая куча светлых, которые меня уже однажды чуть не убили, но... адепты-то на меня уже три раза покушались, и выбирая из двух зол, я бы предпочла то, которое можно было встретить с Раяром.

— Ты представляешь, насколько это опасно?

— Остаться под ненадежной защитой не до конца вернувших силу плетений тоже очень опасно.

— У тебя есть амулет...

— И нет уверенности в том, что я успею в случае необходимости им воспользоваться.

— Яна, — меня пытались задавить авторитетом, раскатать по окну взглядом или хотя бы пробудить совесть тяжелым вздохом, а я продолжала преданно тарачиться в ответ, сжав в кулачках ткань его рубашки.

— Эксклюзивный человек, помнишь? Обо мне нужно заботиться, меня необходимо охранять и категорически запрещается оставлять одну.

— Ты будешь не одна, с тобой останутся нарзы и весты.

Я поморщилась, даже не думая скрывать своего возмущения. Весты, эти человекоподобные тени, пугали меня куда больше светлых. У меня же сердце слабое, а весты очень любили просто выходить из всяких темных углов или достаточно плотных теней, чем часто меня пугали.

— Раяр, ну пожалуйста. Я буду вести себя тихо, стоять смирно и даже дышать обещаю через раз, ты только не оставляй меня здесь одну.

— Дыши, как дышится, — сдался он на милость победителя, — но от меня ни на шаг и... молчи, Яна. Даже если кто-то обратится прямо к тебе, ни слова.

— Поняла! — не рассчитав расстояние, я бездумно соскочила с подоконника, собираясь продемонстрировать ему свою полную готовность, но приземлилась Раяру на ногу, боднула его лбом в грудь и предприняла случайную попытку уронить страх и ужас Мглистого удела на каменные плиты. Раяр устоял и даже не поморщился, а я потом еще несколько минут потирала лоб, отбитый о каменную грудь моего кошмара.

К счастью, на это он ничего не сказал и даже не посмотрел на оттопанную мной ногу, нет. Пока я потирала лоб, он разглядывал потолок, пытаясь там найти ответы на мучавшие его вопросы. Например: кто, зачем и почему послал ему меня? Я была почти уверена, что Раяр не задавался вопросом «за какие прегрешения», прекрасно зная ответ. Но вот почему из всех хейзаров именно он был благодетельствован мною... это да, это интересно.

— Руку, — потребовал Раяр, протягивая мне раскрытую ладонь.

Послушно вложив свою руку в его, я уже привычно зажмурилась, ожидая, когда перемещение огреет меня по голове, разберет на части и выбросит уже в другом месте, оставив на прощание белые точки перед глазами и легкую тошноту.

На этот раз все было совсем плохо. Нет, перемещение оставалось стандартно мерзким, но вполне терпимым, зато место нашего прибытия...

Это был лес. Густой, еловый лес, полный тумана и неясных шорохов. В неудобном полумраке, среди темно-зеленых, колючих еловых лап, виднелся зеленоватый, колдовской свет гнилушек. Мох под ногами проминался влажным и очень мягким ковром, надолго сохраняя на себе отпечаток подошвы.

И вот в этой сырой, неудобной обстановке мы и встретились со светлыми. Глядя на толпу спешившихся, но все равно державшихся поближе к коням мужиков, я почему-то подумала, как же хорошо, что здесь хотя бы дождь не идет, как в Мглистом уделе. Иначе наша встреча была бы еще печальнее.

— Раяр, — от толпы светлых отделился высокий мужчина в сером камзоле и черной рубашке, вышитой серебряной нитью. Брюки и высокие сапоги на нем тоже были черными, но мне почему-то казалось, что он весь серый, будто и сам соткан из этого тумана.

И волосы, забранные в хвост, имели такой... очень интересный цвет, который, кажется, зовется «соль и перец». И глаза у него были тоже вроде серые, но очень странные, как затянутое тучами небо. Вот ты смотришь на него и видишь угрюмую серость, но все равно знаешь, что там, за этой пасмурной непроглядностью есть ясное синее небо, сейчас его просто не видно. И сам он был какой-то серый со своим нездоровым цветом лица и бледными губами, — разберись со своими гостями.

— Выпил бы их, и дело с концом, — сдержанно возмутился Раяр, ненавязчиво пытаясь задвинуть меня себе за спину, — или обратно отправил.

Шэйд это заметил и не посчитал нужным проигнорировать:

— Я отвлек тебя от трапезы? — и вот вроде голос у него был красивый. Сильный, раскатистый, пробирающий до костей я бы сказала, но вопрос этот был задан таким мерзким тоном, что меня всю аж передернуло. — Прости, но, думаю, скоро ты сам поймешь, зачем я тебя вызвал. Пойдем.

И меня, как маленькую, за руку, потащили к толпе светлых. При нашем приближении они напряглись, подтянулись и постарались принять как можно более грозный вид. Из всей этой смешной кучки звенящих солдатиков выделялось лишь двое.

Огромный мужик с ухоженной рыжеватой бородой и второй, тоже высокий, но несколько уступающий бородатому в росте, брюнет.

Брюнет!

Сначала я не поверила своим глазам, но после усердного промаргивания вынуждена была признать: мне таки не кажется. Среди блондинов, рыжих и русых затесался один темный.

Хотя, конечно, не совсем темный. Преждевременная седина легкой изморозью белела на его висках, отчего мужчина казался старше, чем это было на самом деле. Впрочем, упрямое, непримиримое какое-то выражение лица, глубокая хмурая складочка между бровей и темный, тяжелый взгляд — все это вполне гармонично смотрелось с сединой.

— Вэйд, — усмехнулся Раяр, когда брюнет выступил вперед, встречая нас, — с каких пор департамент занимается делами храма?

— Это личная инициатива, — ответил мужчина, поглядывая на меня своими черными глазами, — я сам предложил магистрату свою помощь.

— Зачем тебе так усложнять свою жизнь? — Раяр перестал улыбаться и решительно задвинул меня себе за спину, однозначно дав понять, чтобы я не высовывалась.

— Моя невеста — одна из неиницированных жриц, использованных в обряде призыва сосуда, — просто ответил Вэйд, который, судя по всему, какая-то большая шишка.

— Она выжила? — искренне удивился мой кошмар.

— Можно сказать и так, — легкая, очень загадочная улыбка лишь на секунду коснулась жестких губ и тут же исчезла, будто бы ее и не было. Вэйд вновь помрачнел, — пока адепты уверены, что смогут использовать сосуд для пробуждения Рассах, Селина в опасности. Ее уже пытались похитить...

— Зачем? Сосуд здесь, значит обряд был закончен, то, что одна из жриц выжила — чудо, но ничего уже не меняет. Зачем кому-то ее убивать?

— Ты спрашиваешь это у меня? — огрызнулся Вэйд, неосознанно сделав целых два шага к Раяру и сразу же став очень близко. В нем горела какая-то странная безнадежная злость, будто бы он очень хотел злиться, ему это было жизненно необходимо, но... не на кого. Уже заметно спокойнее этот очень важный дядька тихо произнес. — Я не знаю, почему ты до сих пор не убил девочку, но если в тебе нет для этого сил, то отдай ее мне.

Нет, он и раньше мне не нравился, уж слишком мрачным был и почему-то чем-то мне Раяра напоминал, а вот после этих слов стал глубоко неприятен. Я бы даже сказала, противен.

— Тебе? — удивился хищник. — С каких пор ты убиваешь женщин?

— Я не стану ее убивать, — поморщился Вэйд, глядя прямо на меня, так нагло высовывающуюся из-за спины хищника, — отдам на воспитание в храм, там она будет в полной безопасности. Есть достаточно большой шанс, что после освящения она уже не будет пригодна для Рассах.

Раяр молчал. Молчал и думал...

Этот гад натурально размышлял над тем, стоит ли меня отдавать!

— Нет.

— Но...

— Яна не приживется в храме, ей там не понравится, но это еще не самое главное. Ее характер не понравится храмовникам. Не думаю, что ей удастся дожить хотя бы до посвящения в храмовую службу.

— Дядя! — рявкнул Вэйд, и я офигела окончательно.

Раяр же только поморщился:

— Если ты так боишься за свою невесту, то знаешь, что нужно делать. Для обряда пригодны лишь девственницы...

— До свадьбы еще три месяца, — сквозь зубы процедил... еще один родственничек Раяра.

А мой кошмар тяжело вздохнул и выдал страшную тайну, до которой Вэйд почему-то не додумался:

— Для этого не обязательно на ней жениться. Мне казалось, ты знаешь.

У кого-то дернулась щека и ради разнообразия злился сейчас не мой кошмар, а чей-то чужой мерзкий ужас.

— Возвращайся в столицу и передай магистрату, что сосуд под надежной защитой, — посоветовал Раяр. Нашупав мою руку, он крепко сжал запястье, и пока Вэйд собирался что-то ответить, а полуночник просто ехидно улыбался, со странным пониманием глядя на хищника, мы, не прощаясь, покинули сумеречную зону. Вернее, границу сумеречной зоны, дальше-то Шейн светлых не пустил.

Не успела я еще прийти в себя и проморгаться, но уже требовательно спросила:

— Что значит «дядя»?!

Раяр ответил не сразу, и я даже собиралась повторить вопрос. Сразу после того, как приду в себя окончательно, но он отмер раньше:

— Вэйд — потомок Амвена.

— Это хейзар, которого Рассах уничтожила?

Раяр кивнул, задумчиво коснувшись пальцами моей щеки. Погладил:

— Амвен был последним из нас, совершенный хейзар. Но слишком похожий на велари, это его и погубило, — продолжая поглаживать щеку, касаясь подбородка кончиками пальцев, Раяр продолжал рассказывать, как ни в чем не бывало, в то время как я, отчаянно косясь на его руку, честно старалась слушать, но с неудовольствием понимала, что постоянно отвлекаюсь, — о том, что у него появился ребенок, мы узнали слишком поздно. Амвен просил спрятать ребенка, договориться с Шэйном и переправить их в Светлую империю. Он не упоминал об опасности, грозившей ему, лишь просил спрятать то, чего мы не могли понять.

— Ребенка? — спросила я и почувствовала, как его пальцы дрогнула.

— Хейзары неспособны иметь детей, — ответил Раяр, прекращая меня отвлекать. Убрав руку, он устало усмехнулся, — но у Амвена почему-то получилось. Мальчику к тому времени было уже три года, и Рассах нашла его по начавшему проявляться дару...

— И вы переправили его в земли Светлых? — полувопрос, почти утверждение, на которое Раяр лишь рассеянно кивнул.

— По глупости отправились втроем, не предупредив никого, оставив Амвена...

— Но Вэйд же потомок того ребенка, значит у вас все получилось, и женщину вместе с сыном вы все же спасли?

— Спасли, — эхом отозвался Раяр.

— Тогда почему у меня такое ощущение, что закончилось все плохо?

— Когда мы вернулись в Темную империю, Амвен был уже мертв.

Все, что я смогла сделать, так это молча его обнять и не выругаться, услышав чуть растерянное:

— Тебе меня жалко?

Можно подумать, мне раньше его жалко никогда не было.

— Прекращай уже удивляться, пожалуйста, — глухо и очень сдержанно попросила его, честно стараясь хоть немного притушить свои чувства.

Ни в одной книге не было написано, за что Рассах убила младшего хейзара. Просто убила и убила.

Я даже не предполагала, что там все настолько печально. И, наверное, лучше бы и дальше не знала всей правды.

Не предназначена она для таких впечатлительных людей как я, эта их суровая, беспросветная правда.

Глава одиннадцатая. Ой...

За проведенное на Изломе время я успела познакомиться с братом Раяра, с его сестрой, с непонятным мужиком сумеречной масти и даже с его племянником в неизвестном поколении. Казалось бы, ну с кем еще меня могла свести судьба в безлюдном и мрачном замке моего кошмара? Не стоило, наверное, забывать, что судьба у меня та еще гадость с весьма сомнительным чувством юмора и мерзким характером...

Я привыкла к угрюмой мрачности коридоров, полутемных и вечно полных теней. Но когда одним обычным, не предвещающим беды утром навстречу мне, по этажу, на котором располагались покои Раяра, воздушным, прекрасным видением вылетела незнакомая девушка, я конкретно офигела.

Столкнулись мы с ней на повороте, ведущем к лестнице. Она — вся такая утонченная, в платье, с высокой прической, полными красными губами, притягивающими взгляд, и в аромате дорогой кондитерской. И я, в помятой рубашке (а как иначе, если мне ее пришлось отвоевывать у Доси, считавшей, что сегодня я должна надеть платье), штанах, с которых так и не сошло огромное зеленоватое пятно — неудачная попытка Раяра за мной поухаживать (вывернутая на колени чашка со странной зеленоватой жижей, которую тут ели, запомнится мне надолго), и в новеньких, но уже удобно растоптанных туфельках... если добавить сюда расцарапанную щеку (спасибо все той же Досе), растрепанную косу и общий сонный вид, то на фоне этого благоухающего цветочка я была похожа на вечно всем недовольный сорняк. Просто унылый репейник.

— О... — медленно осмотрев меня с ног до головы, прелестница, восторженно выдохнула, — человек.

Это было все, это был конец. Полнейшее поражение. Не дожидаясь, когда она набросится на меня с объятиями или попытается сожрать, я резко развернулась на пятках и припустилась обратно.

Вниз по лестнице, потом по коридору и снова вниз, а там, разогнавшись до скорости зайца, который очень хочет жить и совсем не хочет попасть в лапы лисе, ворвалась в столовую, сильно удивив своим эпичным возвращением Раяра.

Сегодня он был несколько рассеян (пятно на моих штанах — прямое тому доказательство) и все никак не мог закончить завтрак.

И что-то мне подсказывало, что хищник его сегодня так и не закончит. Не просто же так с стеносотрясающим воплем «не убегай, мягкая!» за мной неслось жуткое виденье.

— Раяр, спасай!

Зачем я его вообще одного тут бросила? Ну, посидела бы, ну, посмотрела, как он свой завтрак по тарелке размазывает, ну и что? Ничего бы страшного не произошло.

Мой кошмар со странным выражением лица проследил за тем, как я, влетев в столовую, бросилась к нему, малодушно спрятавшись за его стулом.

— Что... — чуть привстав и обернувшись, чтобы встретиться взглядом с моими круглыми ошалевшими глазами, Раяр был сражен звонким и совершенно невероятным:

— Я тоже хочу себе человека! — видение ворвалось в столовую вслед за мной и сразу перешло к требованиям.

— Прия, — безнадежно выдохнул Раяр, упав на свое место

А я... а я стояла за спинкой его стула и была уверена, что совсем даже не удивлюсь, окажись эта прелесть еще какой-нибудь дальней родственницей моего кошмара.

Ну кто же мог знать, что тут все намного интереснее?

— Дорогой, я тоже хочу себе человека!

Все, меня можно было выносить...

— До-дорогой? — шепотом переспросила я, угрожающе склонившись к Раяру.

— Познакомься, Яна, это Прия, моя...

— Любовница я, — беспечно отозвалось дивное создание, пожав плечиками, — а ты еда?

— А я — Яна, — громко напомнила я и тут же шепотом возмутилась, — ты же говорил, что я одна тебя неправильно боюсь, это что вообще такое?!

— Она меня не боится, — так же негромко подтвердил Раяр, обернувшись ко мне, — Прия ничего не боится. Врожденный...

— Дефект, — раздраженно закончила я за него. Улыбашка, наивно хлопавшая сейчас глазами, непонимающе хмурилась, странно глядя на меня.

А я злилась. Этот гад тут моей любви требовал, а сам вон любовницу имеет. Да какую любовницу! Рядом с этой любовницей во мне такие комплексы просыпались, о которых я вообще раньше никогда не подозревала.

— Прия не испытывает никаких чувств в привычном нам понимании, — попытался объяснить мне что-то Раяр, но я злилась и не хотела ничего слышать, а еще помнила, как эта «бесчувственная» мне обрадовалась:

— Что-то непохоже, чтобы она ничего не испытывала, ты на нее только посмотри!

— Яна, — терпеливо позвали меня, коснувшись руки, которой я вцепилась в спинку стула, — я вижу, но также я чувствую, помнишь? Она совершенно пустая внутри.

— Чего? — руку я отдернула, но злость несколько улеглась: — Может, у тебя просто что-то сломалось? Может, ты поэтому ее не чувствуешь?

— Твою злость я ощущаю отчетливо, — кривовато улыбнулся он, — и она достаточно странная...

— Да не ревную я тебя! — каюсь, не сдержалась, выпалила, не подумавши, а потом уже было поздно затыкаться.

Раяр негромко рассмеялся:

— Разве я говорил что-то о ревности?

Не знаю до чего бы мы договорились, но Прия, что-то напряженно высматривавшая в нас, покорно согласилась:

— Втроем, так втроем. Я согласна.

— Чего?..

У меня было такое странное ощущение, будто я отлучилась куда-то, пропустила половину разговора и вернулась лишь под конец, не зная самого важного, но все равно уже во что-то втянутая. И единственным, с кого я могла требовать подробностей, был Раяр.

От предвкушающего выражения лица Прии меня просто в дрожь бросало и, разумеется, задавать вопросы ей я бы побоялась. Да мне страшно было даже думать о том, что я могу с ней наедине остаться. И когда ее увели куда-то тени, с суровым приказом хищника «помочь гостю с багажом», я подвинула свободный стул поближе к Раяру, села так, чтобы его всего видеть и с намеком протянула:

— А она от твоих покоев шла...

— От кабинета, — уверенно поправили меня. Лично я не разделяла его уверенности.

Ну да, и его кабинет и его спальня находятся на одном этаже, и я точно не видела откуда именно шла эта красавица, так как столкнулись мы у лестницы. Но она же любовница, зачем ей кабинет? Место любовницы в спальне.

— Яна, — сдержанно позвал он, странно на меня поглядывая.

Я осознавала, что мною самым наглým образом питались, но ничего не могла с собой поделать. Злилась, просто-таки бесилась и, наверное, даже немножечко его ревновала. Я-то уже была свято уверена в полной своей исключительности, а тут... любовница.

— Почему я о ней ничего не знала?

— Я не думал, что это может быть важно.

— Не думал?! — сидеть спокойно у меня просто не получалось. Я ерзала, дергалась, с трудом удерживала себя на месте. В груди поселилось просто отвратительное чувство, будто меня обокрали, а я не могу с этим ничего поделать, хотя прекрасно знаю вора. — Ладно, хорошо. Но если у тебя есть любовница, то почему ты не знаешь, как за девушками ухаживать?

— Потому что я за ней не ухаживал, — как маленькой объяснили мне, — она никогда не требовала от меня чувств, ей не нужна взаимность. Наши отношения всегда были предельно простыми.

Слов просто не было...

— Если хочешь, я могу отправить ее обратно. Думаю, ничего непоправимого не случится, если, погостив полгода у родственников, Прия решит вернуться к ним навсегда.

— Где же ты себе другую такую любовницу найдешь? — едко спросила я и тут же получила хороший урок: не стоит задавать вопросы, ответ на которые тебя не обрадует.

— У меня теперь есть ты.

— Не буду я твоей любовницей!

— Я знаю, — только эта его спокойная уверенность позволила мне не подскочить с места и не сделать какую-нибудь глупость. Не впечатать в его наглую харю, к примеру, блюдо с паштетом.

— Знаешь?

— У нас с тобой другие отношения.

Ага, у нас другие отношения... и как я могла забыть? Какая из меня вообще любовница? О чем речь? Я же еда.

— Ты все еще злишься, — с неудовольствием заметил Раяр, когда я, сложив руки на груди, хмуро уставилась прямо перед собой, напряженно размышляя о том, как непросто мне в последнее время живется.

— Ну так и кушай дальше, кто тебе мешает?

— Я не понимаю, почему ты до сих пор злишься, — мой кошмар был просто убийственно серьезен, — я же сказал, что у нас с тобой другие отношения. Я обещал тебе взаимность, и я пытаюсь сдержать обещание.

Еда немного оживилась...

— Что, прямо пытаешься? Прямо вот прикладываешь усилия? Трудисься без отдыха? Днями напролет.

— Яна, — с укором протянул этот... этот...

— Ты не просто гастрономический извращенец, — скорбно заметила я, — ты еще и дурак редкостный.

И на этой пафосной ноте поднялась со стула, чтобы гордо уйти.

Раяр, сраженный внезапным откровением, меня не останавливал. И уже только в

коридоре я услышала его растерянное:

— Но дурак-то почему?

На душе было как-то странно. Вот вроде ничего непоправимого не случилось, да и любовница — это не конец света, но мне так себя несчастную было жалко, такой бесправной я себя чувствовала, такой притесненной и в правах ущемленной. И Делмар, тот еще интриган, ничего мне про любовницу не сказал.

Вот люби давай, Яночка, моего братца ущербного, как хочешь люби, а про полюбовницу его прекрасной наружности я тебе ничего не скажу. Неважно это, потому что девицу в любовницы Раяр выбрал себе под стать. Тоже с отклонениями и... вот вопрос: а я нормальная? Чисто теоретически, конечно, нормальная, но моего кошмара, судя по всему, на убогих тянет.

Размышлять на эту тему и дальше не хотелось. Еще выяснится после такого самоанализа, что я тут самая неполноценная, как мне потом с этим знанием жить?

Страдала недолго, минут сорок, а потом как-то отвлеклась, успокоилась и уже совершенно мирно провела весь день в компании мочалок, нагло проигнорировав попытку Раяра со мной поговорить.

А ночью об этом сильно пожалела.

Может, он хотел посоветовать мне запереться перед сном, во избежание всяких непредвиденных ситуаций.

Вообще, мне не стоило забывать, что в первый и последний раз, когда в замке моего кошмара ночевала девушка, в моей кровати внезапно оказалось неучтенное тело.

В прошлый раз оно было холодное и хотело греться, в этот... Оно было относительно тепленьким, но тоже с удовольствием меня тискало.

Кажется, Раяр слегка приуменьшил проблему Прии, у нее не только с эмоциями была беда, с головой там тоже наблюдались серьезные проблемы. Иначе, как еще можно объяснить то, что она явно не понимала, почему это такая мягкая и приятная на ощупь человечка столь яростно брыкается в ее руках?

— Ну что ты? — нежно шептала она, крепче сжимая объятия: — Успокойся.

— Пусти меня.

Наверное, не было бы совсем уж странным, если бы я сейчас заорала, думаю, Раяр бы даже не удивился... но я не орала.

— Зачем? — удивилась она, легко удерживая меня на месте. — Раяр не разозлится, не бойся.

Я затихла, прекратив сопротивляться, сраженная ее заявлением. Непонятно мне было, к чему она это сказала:

— Причем тут вообще Раяр?

— Ну ты же боишься, что он сейчас к тебе придет и меня тут застанет? — уверенно сообщила она, как бы невзначай обнюхивая мои волосы. — Ты не бойся. Втроем должно быть даже интереснее.

И о чем я только утром беспокоилась? Да насколько бы я не была ненормальной, до этой прелестницы мне еще очень далеко.

— Не придет, — поспешно выпалила я, невольно вжимая голову в плечи. Она меня натурально обнюхивала, и это было как-то совсем стремно.

— Сегодня не придет? — переспросил эта ужасная прелесть, и тут же, не дожидаясь ответа, радостно решила: — Значит завтра, а сегодня мы будем спать. Это даже хорошо, я устала в дороге. Представляешь, три дня в карете, какие-то постоянные дворы, чужие постели. А этой ночью вообще в лесу пришлось останавливаться. Самый ближайший к

замку город находится почти в восемнадцати часах пути, можешь поверить?

Я молчала, пытаюсь осмыслить ее слова... цветочек собиралась спать со мной. Со мной!

Кажется, в скором времени у меня вполне могла появиться одна конкретная фобия. Местные дамочки меня уже начинали пугать.

Прия уснула быстро. Не выпуская из захвата жертву, бормоча что-то даже во сне, она просто вырубилась, подтверждая свои слова про усталость.

А я очень мужественно дождалась, пока прелесть уснет, и попыталась выпутаться из ее объятий. Мочалки, предательницы мохнатые, так и лежали в ногах, пока меня тут лапали, и лишь вопросительно курлыкнули, когда я вывалилась из кровати.

Промычав что-то, Прия обняла мою подушку, очень трогательно прижимаясь к ней щекой.

Меня передернуло.

Не тратя времени на поиски тапочек или халата, я потопала к тайной дверке, ведущей в покой Раяра. Не захотел он ее закрывать и очень зря.

В смысле, для меня-то это было очень хорошо, но кто-то, кажется, сейчас об этом пожалеет...

Раяр спал.

Просто нагло дрых, как человек... нечеловек, которому нечего бояться. Не знал еще несчастный, что его страх и ужас сейчас стоит у кровати и прямо-таки им любит.

Хищник не проснулся ни когда я, споткнувшись обо что-то твердое и тихо матерясь, доковыляла до стены, чтобы подкрутить освещение, ни когда непроглядную темноту прорезал слабый рассеянный свет, ни даже когда, недобро сопя, я застыла над ним, грезя о страшной расправе.

Пока он тут тихонечко сопел, уткнувшись носом в подушку, меня там тискали и склоняли к тройничку всякие странноэмоциональные извращенки.

А он спал. Спал!

И я пришла это исправлять... но отчего-то медлила. Разглядывая виднеющееся из-под одеяла плечо, часть широкой спины и растрепанную косу, черной змеей лежавшую на подушке, я просто не знала, как бы так к нему подступить, чтобы и возмущение свое высказать, и выжить.

В том, что одна я этой ночью страдать не собираюсь, была уверена, как и в том, что это его любовница заняла мою кровать, а значит, я имею все права занять его. А Раяр может и на диванчике поспать, благо, опыт имеется.

Отступить было некуда, возвращаться к Прие не было никакого желания, и я, затаив дыхание, осторожно потянулась к нему, в надежде потормозить за плечо и отскочить раньше, чем случится что-нибудь непоправимое.

Не подозревала, правда, что непоправимое притаилось и само ждало, когда я так необдуманно сунусь в ловушку.

Я не успела даже прикоснуться к Раяру, как была схвачена. Крепкая рука тисками обхватила запястье и резко дернула вперед, вырывая из-под ног опору. Коротко взвизгнув, когда ударилась коленями о край кровати, я неловко перевалилась через хищника, который на самом деле не спал.

Был рывок, головокружительное падение, неожиданная тяжесть чужого тела и возмутительные по своей наглости поцелуи куда придется.

Тихо попискивая от каждого прикосновения, я молотила по воздуху ногами — единственным, что осталось на свободе, и просто не могла в полной мере осознать всю вопиющую наглость творящегося беспредела.

Обычно прохладненький Раяр был горячий как печка и совершенно точно настроенный на веселенькую ночь. Но спонсор его веселых ночей сейчас спокойно посапывал в моей кровати, а мне как-то совсем не хотелось выполнять ее работу.

Даже когда теплая рука забралась под ночнушку и властно прошла по изгибу бедра, вызывая невольную дрожь, я была против. Оформить свой протест связно не получалось, но я точно знала, что не хочу. А то, что у меня заходится дыхание, и сердце, кажется, сейчас, все же пробьет себе путь наружу — это все результат внезапных захватнических действий со стороны моего кошмара.

Все стало только хуже, когда ткань затрещала и плечу, вместе с левой, чертовски ноющей грудью, стало очень свободно. Зато у меня ненадолго прорезался голос:

— Ку-куда?! — вот только сильный протест услышан не был, а мои пересохшие губы просто накрыли быстрым, жарким поцелуем, заглушая все остальное возможное возмущение.

Это было почти поражение. Я не слышала свое собственное срывающееся дыхание, заглушенное стуком крови в ушах, неосознанно пыталась извернуться так, чтобы порванный верх ночной рубашки сполз и с правой груди, которая по закону вселенской несправедливости почти болела. И как-то совсем неосознанно жалела, что не могу пошевелить прижатыми к телу руками.

А потом Раяр замер.

Вжался лбом в простынь над моим плечом и замер, мелко подрагивая всем телом и щекоча основание шеи хриплым дыханием. Длилось это не дольше трех секунд, а потом он застыл. Дыхание оборвалось...

На этот раз я почти не испугалась.

Ну перестал мой кошмар дышать, значит съесть хотел, но не съел. А раз не съел, то неплохо было бы выбираться из-под этой туши и приводить себя в порядок. Нет, первым и самым заманчивым порывом было сбежать и больше никогда не попадаться ему на глаза, но бежать все равно было некуда...

Выползти из-под тяжеленного тела, почти придавившего меня к постели, было делом непростым, но я справилась. Чуть не вывихнула себе что-то крайне важное, но выползла и успела скатиться на пол раньше, чем Раяр пришел в себя.

И уже там, забившись в угол, с ужасом осмотрела измятую и даже покусанную левую грудь, которой правая, судя по ощущениям, просто зверски завидовала, дрожащими пальцами кое-как приделала оторванный край ночнушки на место, закрепив его кривым узелком, и даже немного успокоилась.

Да, сорок секунд я провела крайне продуктивно, и когда Раяр зашевелился, приходя в себя, уже стояла наизготовку с подушкой в руках.

Нет, было жгучее желание вооружиться стулом, но что-то мне подсказывало, что хищник этого не оценит.

Раяр вздохнул, тряхнул головой, удивленно хмыкнул, даже рукой провел по примятой простыни, на которой совсем недавно лежала я. Именно в этот момент, от души размахнувшись, я и опустила подушку на его плечи. Не ожидавший такого, еще совсем дезориентированный, мой кошмар сдавленно охнул и получил еще раз.

— Никогда!

И очередной удар подушкой.

— Больше!

И еще один удар.

— Не смей!

И еще удар.

— Так делать!

Шестого удара не последовало. Перехватив подушку на лету, Раяр дернул ее на себя, и я послушно выпустила свое верное оружие из рук, отскочив от постели подальше.

— Что это значит? — отшвырнув подушку в сторону — та пролетела полкомнаты и была остановлена спинкой кресла, мой кошмар медленно поднялся с постели. Он решительно не догонял, что происходит, и почему я так бешусь.

— Прия в моей комнате, надо тебе ночку скоротать, иди. Я, так уж и быть, тут переночую, — запальчиво выдала я, с неудовольствием отметив, что почти кричу.

— Зачем мне Прия? — удивился Раяр. И у меня почему-то не возникло сомнений в его искренности. Теперь в комнате недогоняющих было двое.

— А зачем ты ко мне со своими мутными намерениями полез?!

Лицо у Раяра удивленно вытянулось:

— Ты сама ко мне пришла, — напомнил несправедливо обвиненный.

— Пришла! — смиренно подтвердила я. — Потому что хотела, чтобы ты со своей любовницей разобрался, а ты ничего даже не выслушав усиленно стал меня любовницей делать!

— Да тебе же понравилось! — прогремело яростное. Просто гимн ущемленной мужской гордости, честное слово.

А я что? Я умная, я опровергать очевидное не стала, как бы стыдно мне за это не было, я просто проигнорировала его слова, продолжая наезд:

— Кто тебя вообще учил так себя вести? С чего ты взял, что всех, кто в твои покои случайно забредет, нужно тащить в постель? Как это вообще... — я оборвала себя на полуслове, сраженная видом потемневшего лицом, просто запредельно раздраженного Раяра и своей внезапной догадкой: — Романы, да? Начитался любовных романов и теперь периодически пытаешься воплощать в жизнь самые дурацкие идеи?

Раяр вдохнул. Раяр выдохнул.

И попросил, устало присев на кровать:

— Уйди.

— Так некуда мне идти, — уже спокойнее ответила я, мотнув головой в сторону двери, за которой находились мои покои, — там Прия спит.

Хищник промолчал, но вид имел до крайности растерянный. Не напоминай я себе постоянно, как он меня тут только что чуть из еды в любовницы не повысил, уже бы сидела рядом с ним и жалела такого бедного и несчастного.

— Раяр? — ноги у меня уже несколько замерзли, все ж таки топтаться босиком на камне — не самая лучшая идея, а с расстеленной на полу шкуры я соскочила, не желая быть слишком близко к не внушающему доверия хищнику.

Заметив, как я зябко переступаю с ноги на ногу, поджимая замерзшие пальчики, он лишь похлопал по кровати рядом с собой, сухо пообещав:

— Не бойся, не трону.

Я не то, чтобы ему прямо так сильно поверила, но стоять уже реально было холодно.

На то, как я по кругу обхожу и его, и кровать, чтобы присесть с другой ее стороны, Раяр смотрел молча, а потом так же молча отвернулся, поглощенный какими-то своими мыслями.

— И о чем ты сейчас так сосредоточенно думаешь? — не выдержала я этой напряженной, тяжелой тишины.

— Прия — идеальная любовница, — невпопад сообщил Раяр, — я никогда еще не чувствовал ее эмоций, и это меня устраивало...

— Ага, чужие эмоции от процесса не отвлекали, — фыркнула я себе под нос, но тут же об этом пожалела. Плечи моего кошмара напряглись, — прости.

— За что? — удивился он, полуобернувшись ко мне. — Ты совершенно права. Я не чувствовал ее, голод не просыпался и... как ты сказала, от процесса меня ничего не отвлекало.

— Но меня же ты тоже не сразу сожрать захотел, значит выдержка есть, — сказала и будто призналась в том, что мне действительно понравилось.

— Нет никакой выдержки, — сокрушенно отмахнулся он от меня, вновь отвернувшись, — просто я не сразу ощутил твои эмоции.

— Это как? — мне не верилось, что такое вообще возможно. Как по ощущениям, так эмоции у меня почти с самого начала так ядрено подскочили вверх, что все границы просто снесло напрочь. И не было уже различия между теми чувствами, что Раяр ощущает, и теми, что для него недостаточно яркие.

Мой кошмар лишь качнул головой, с неудовольствием заметив:

— Я уже говорил, что наши эмоции сильнее веларийских и даже человеческих. Мы чувствуем все намного острее, и я до сих пор не могу понять, как смог уловить тебя...

— Круто, — пробормотала я. Врала, конечно, круто совсем не было. Можно было считать просто подвигом уже то, что он смог не только осознать, что происходит, но и остановиться до кого, как меня поглотит тьма, и я искренне восхищалась его выдержкой. Но восхищение восхищением, а вполне реальная возможность закончить жизнь главным блюдом дня не вдохновляла.

— Раяр, а можно, я тебя не буду... любить?

Ответом мне было тихое и совершенно необнадёживающее:

— Нет.

Вот и поговорили. Во всей этой ситуации положительный момент был только один: свою кровать Раяр, мне, все же, уступил, утопав на диван. Вот только меня, после всех пережитых потрясений, это уже не сильно радовало.

Засыпала я в кровати хищника, чтобы поутру проснуться под внимательным взглядом обиженной Прии.

— Когда он тебя к себе позвал, почему меня не разбудила? — с ходу начала допрос она, стоило мне только открыть глаз. — И как ты уговорила Раяра пускать тебя в свою постель?

Она сидела на одеяле, скрестив ноги, в облегающих брючках, в рубашке с продуманно растянутыми верхними пуговками и даже с прической, простой, но очень красивой. А за окном только занимался рассвет...

Если верить местному календарю, то на подходе была осень, и солнце уже взяло в привычку подниматься чуть позже, чем это было, скажем, две недели назад. Но даже так, сейчас было слишком рано, а цветочек была уже при параде. А я хотела спать.

— Я вчера немного удивилась, когда узнала, что тебя он поселил рядом с собой. Я ведь живу в другом крыле, вчера с трудом твои покои нашла.

У меня было страшное желание спросить, зачем она меня вчера вообще искала, но не было сил говорить. Впрочем, Прия с пользой использовала мое молчание, заполнив тишину собой:

— Представляешь, я здесь впервые. Сколько живу в замке, а тут никогда раньше не была, можешь поверить? Раяр ни разу не вызывал меня к себе, всегда приходил сам...

— А сейчас что ты тут делаешь? — поборов лень и сонливость, натужно просипела я.

— Тебя не было в постели, когда я проснулась, — понимающе улыбнувшись, прелестница пожала плечами, — тогда еще я не знала, что ты здесь, потому просто отправилась в свои покои, чтобы привести себя в порядок, а когда вернулась, тебя все еще не было, и я решила немного подождать. И... ну, нашла дверь.

— Раяр не знает, — поняла я.

— Раяр не знает. — весело подтвердила она. — Я хотела спросить, где ты предпочитаешь завтракать? Здесь есть один замечательный балкончик, с него открывается просто восхитительный вид. Предлагаю позавтракать там...

— До завтрака еще часа три, — простонала я, закрыв глаза ладонями.

— Но тебе же нужно привести себя в порядок, — растерянно проблеяла эта красотка.

Ранний подъем, бессонную ночь и потрясенное «О, как же у вас было весело!» от Прии, когда она увидела, в каком состоянии находится моя шея и часть плеча, которое не скрывал криво привязанный ворот, я компенсировала сполна.

Просто притащила прелестницу в столовую, насильно усадила ее рядом с Раяром, а сама устроилась напротив и весь завтрак любовалась их кислыми рожами. Мой кошмар в восторг от близости своей любовницы не пришел, да и она не спешила ему радоваться. Кажется, ей весело с ним было только в кровати, а ему... Да, эти мрачные взгляды с лихвой окупили и неудобное платье с высоким горлом, в которое мне пришлось обрядиться, и тот шок, который я испытала, увидев в зеркале свое отражение.

Я была похожа на зацелованную жертву маньяка. Вся в засосах и с ужасом в глазах. Ужас, к слову, был вполне оправданный: такую красоту мне просто нечем было замазать.

И вот это вот недовольство, которое испытывали начитавшийся любовных романов вредитель и его не знающая совести любовница, можно было считать незначительной компенсацией моего морального ущерба.

Глава двенадцатая. Светлая империя

Следующим вечером я не ограничилась одной лишь запертой дверью. Немного поругавшись с мочалками, которые наотрез отказались идти в хозяйские покои, я отправилась к Раяру одна, здраво рассудив, что они сами с удовольствием ко мне прибегут, когда хищник отправится спать в мою кровать.

— Раяр! — с порога начала я, заставив мой кошмар выглянуть из гардеробной. Не обращая внимания на его полуодетый вид, я сделала ему предложение, от которого просто нельзя было отказаться: — Давай на эту ночь постельками поменяемся?

Причину моей необычной просьбы он понял сразу и вполне ожидаемо ответил:

— Просто запри дверь.

— Заперла.

— Тогда иди спать.

— Ты не понимаешь!

Сложив руки на груди, Раяр приготовился внимать, а я немножко подвисла от этого его жеста, и не сразу даже вспомнила, по какому именно вопросу притопала. Просто, ну так круто это без рубашки выглядело... Помогло отвиснуть лишь напоминание о том, что он сейчас вот как уловит мои эмоции, и стыдно потом точно только мне будет.

— Она меня обнимает! И трогает постоянно. И нюхает. Я боюсь, что запертая дверь меня не спасет. Как вообще такое возможно? Она же велари, чего ей от меня нужно?

— Ты теплая и очень приятная на ощупь, — как само собой разумеющееся, выдал мой кошмар, привалившись плечом к дверному косяку, — а она действительно велари. Да, твоими эмоциями Прия питаться не может и даже не чувствует их, но тепло очень любит и способна по достоинству оценить твою мягкость...

А я-то гадала, с чего это Алер меня нежной звала и тоже постоянно потрогать норвила. Тактильные маньяки какие-то просто, а не велари.

— Раяр, ну давай, поменяемся покаями, ну пожалуйста, — я была просто за пределами несчастной и очень старалась страдать погромче, чтобы Раяр наверняка уловил мои эмоции.

Закатив глаза к потолку, он небрежно махнул рукой в сторону кровати, разрешая мне ее занять, и вновь скрылся в гардеробной. А я, воодушевленная своей маленькой победой, бросилась обживать новые территории. И подушечку положила как мне нравится, и свет подкрутила до комфортного полумрака и вообще готова была сладко спать, завернувшись в черное одеяло, скрутившись в крайне удобную позу и блаженно выдохнув, а потом из гардеробной вернулся Раяр...

Прошелся по комнате, выключил полностью свет, уже в темноте заперев дверь, ведущую в мои покои — я слышала, как щелкнул замок, и мочалки с той стороны тоже это слышали, и уже совершенно спокойно, нагло и уверенно подошел к кровати, в которой планировала спать я. Одна.

— И как это понимать?

Я ничего не видела и могла лишь беспомощно крутить головой, улавливая звуки. Дыхание, легкое шуршание одежды, шорох шагов.

— Я разрешил тебе переночевать здесь, но не обещал, что уйду, — раздалось насмешливое совсем рядом.

Я тут же повернулась на звук, угрожающе предложив:

— Диван?

— Яна, ты все еще не поняла, да? — скорбно спросил он. И по тону, по тому, как

сокрушенно он вздохнул, я отчетливо поняла, что Раяру сейчас почему-то весело. А раз ему весело, то мне вполне может стать грустно. Но не спросить было нельзя:

— Чего не поняла?

— Мне тоже нравится тебя касаться.

— Э? — я не успела даже рыпнуться, как оказалась зажата в крепких объятиях. Сама тормоз, сама виновата. Стоило бы не забывать, что мягонькая и тепленькая я для всех. — Знаешь, я тут подумала, а давай я к себе вернусь...

Оборвал меня тихий, веселый, но очень тревожащий смех.

— Нет.

— А это уже наглость!

Ткнувшись носом мне в волосы, Раяр не скрываясь, глубоко вдохнул, пригладив одеяло на моем боку:

— Спи.

Нужно ли говорить, что я не спала. Просто всю ночь провалялась, глядя в темноту, слушая тихое, размеренное дыхание и выжидая момент для побега.

Первая попытка оказалась провальной по моей вине: не вытерпела, поспешила и, в итоге, вместо того, чтобы очутиться на свободе, была подмята под мой кошмар:

— Куда? — сонно пробормотал он, наваливаясь сверху и лишая возможности шевелиться. Я зажмурилась, притворилась трупом и на вопрос не ответила.

Сколько так лежала, не знаю, но все тело затекло, висок чесался от щекотного дыхание хищника, в то время, как сам он, удобно на мне развалившись, крепко спал... как мне казалось.

Скинуть его с себя удалось на удивление легко. Стоило только слегка его подтолкнуть, как Раяр сам с охотой перевернулся на спину, выпуская меня на свободу.

Первым делом я глубоко вздохнула, потом пошевелила руками, чувствуя, как по ним колючими иголочками расходятся мурашки, и уже только после этого осторожно откатилась к краю кровати, попутно выпутываясь из одеяла.

На пол спускалась, затаив дыхание, напряженно ожидая, что сейчас на плечо ляжет тяжелая рука и утащит меня под одеяло, как в каком-нибудь фильме ужасов.

Но нет, я без приключений выбралась из кровати, не переставая нервно прислушиваться к тихому дыханию Раяра. Осторожно прокралась к дверце, ведущей в мои покои, где преступно долго шарила руками по прохладному дереву, силясь разыскать замочную скважину вместе со вставленным в нее ключом. Не сразу до меня дошло, что не нахожу я ничего, кроме дверной ручки исключительно потому, что ключа в двери нет. А когда дошло, уже было поздно что-то предпринимать. Увлеченная поисками, я утратила бдительность и перестала прислушиваться.

Зря.

— Замерзнешь ведь, — с укором протянули за спиной, обнимая мои плечи. Я почти не испугалась, подсознательно ожидая, что именно так и будет. От Раяра не сбежать, даже просто в соседнюю комнату.

— Ты же спал.

— Спал, — согласился он, нежно поглаживая большими пальцами мои плечи. Была у него странная тяга к таким жутким нежностям, — пока ты не решила сбежать.

— Обратнo в кровать, да?

Меня просто молча повернули в нужную сторону, толкнув вперед.

Так я и добрела до кровати, ведомая твердой рукой хищника. Уже когда мои колени уперлись в край постели, за спиной послышалось несколько угрожающее:

— Имей в виду, Яна, если, по каким-то причинам, взаимности придется требовать мне, я очень расстроюсь.

— Чего?

— Спать.

А как тут спать, после таких-то непонятных намеков? Вот и не спала я, любуясь темнотой, чтобы утром, совершенно не выспавшейся и крайне злой, со странным удивлением слушать невероятный по своей бредовости разговор.

Раяр собирался отправить Прию домой. Раяр прямым текстом заявил ей об этом за завтраком... Раяр совсем с ума сошел!

О чем я и готовилась ему сообщить, поймав взгляд расстроенной, ничего не понимающей прелестницы, когда у двери в столовую, рассыпая по каменным плитам искры, появился Делмар.

Веселый, очень энергичный, полный улыбок и охотничьего азарта, он, не здороваясь, не потрудившись даже заметить растерянную Прию, сегодня сидящую за столом рядом со мной, сразу перешел к цели своего визита:

— Раяр, мне срочно нужна Яна, буквально на пару часов, мы с Айаной не можем выбрать себе людей. Пусть она посмотрит!

— Нет.

Одно короткое слово, и Делмар потух. Хмуро осмотрел нас всех, улыбнулся при виде Прии, ей же и кивнул, а потом настойчиво посмотрел на меня. Будто бы это я ему только что отказала, и меня тут нужно прессовать.

— Я не отпущу ее в Светлую империю с тобой, — Раяр счел нужным дополнить объяснениями свой категоричный отказ.

— Так в чем проблема? Пойдем с нами!

Мой кошмар не хотел, и огонек это прекрасно видел, но все равно на что-то надеялся.

— Мне нужно вернуть Прию домой и уладить все дела, касающиеся ее семьи...

— Ты от нее отказываешься? — удивился Делмар, но ответа не стал дожидаться, вернувшись к важной, по его мнению, теме: — Но пока ты занят, я могу присмотреть за...

— Нет.

— Раяр, ты же не собираешься оставить ее здесь одну?

— Она будет не одна, с ней останутся нарзы.

И вот тут я напряглась:

— Ты собираешься бросить меня тут одну? В ненадежном замке? Одну?!

— Яна...

— И меня тоже это очень возмущает, — с готовностью подхватил Делмар, — такое вопиющее равнодушие к твоей судьбе просто невыносимо.

И только Прия тихонечко молчала, не в силах отойти от шока. Ее только что выгнали из любовниц, и она еще не смогла осознать всю катастрофичную серьезность приключившихся в ее жизни перемен.

Раяр сегодня был совсем не в духе и молчать не стал, устрашающе рыкнув:

— Будет так, как я решил!

И нам бы, наверное, стоило заткнуться, но и я, и Делмар не одобряли это его решение, а потому продолжили ворчать.

И если для огонька это закончилось лишь злым взглядом, то мне конкретно не повезло.

Хотя, конечно, о чем это я? Больше всех не повезло Прие, которую известие о том, что ее домой возвращают, просто таки повергло в шок. Отправленная сразу после завтрака собираться, она покорно ушла, чтобы спустя час разыскать меня в библиотеке. Зашла, неуверенно улыбнулась мне, несмело приближаясь. Сейчас она казалась непривычно робкой и смущенной, совсем не похожей на веларийку, что так вчера меня потрясла.

— У тебя что-то болит? — спросила я обеспокоенно. Уж очень бледной она была.

— Нет, — вяло покачав головой, Прия присела за стол, рядом со мной, не пытаясь даже прикоснуться, — что читаешь?

— Любовный роман. Не поверишь, но тут их целый отдел...

— Почему не поверю? — улыбнулась она. — Я их тоже читала первое время.

— Первое время?

— Ну да, — потеревив тонкий серебряный браслет на запястье, полный защитных плетений и обережных заговоров, Прия несмело призналась, — когда Раяр меня только забрал себе, я была в ужасе. Мама, конечно, отдавать меня не хотела, но я пятая девочка в семье, о таком содержании, какое мне назначил Раяр, родители для меня не смели бы даже мечтать. Конечно, меня ему отдали. Все было оформлено по закону, я переходила на содержание хейзара нашего удела, и...

— Страшно было, да?

— Было, — призналась она, — хотя никто моего страха не чувствовал. Ни Раяр, ни его братья или сестра.

— Братья? Не только Делмар?

— Велиар тоже. — кивнула Прия, как бы невзначай пододвинувшись по отполированной скамье ближе ко мне. — Что бы я не испытывала, как бы сильны не были мои эмоции, они их не ощущают. Велиар даже пытался меня выкупить, но Раяр не отдал.

Тяжело вздохнув, она с нежностью призналась:

— Он хороший, хоть и пугающий. Но сначала я этого не знала и тоже пряталась в библиотеке, с ужасом ожидая ночи, когда он ко мне придет.

Я не сразу смогла поверить, что в этом мире родители натурально могут продать кому-то своего ребенка. За хорошие деньги, в шикарные условия, но... не понимала я.

А тут это было в порядке вещей. Состоятельные мужчины могли найти себе содержанку, которая не только неплохо зарабатывала, но и по окончании контракта могла совершенно спокойно выйти замуж. И ее бы взяли.

И для Прии это было совершенно нормальным, и для ее родителей, и даже для Раяра, который ее купил. Все принимали эти дикие законы, а у меня просто мозг коротило, и в голове не укладывалось.

Жалобно вздохнув, Прия опустила голову мне на плечо, щекоча щеку волосами:

— Никогда бы не подумала, что не захочу возвращаться домой, — тихо призналась она, — конечно, Раяр сам разорвал контракт, ему теперь придется платить огромную неустойку, но...

— Привыкла к нему, да? — фыркнула я, осторожно прижавшись щекой к ее волосам. Вот так вот, когда она просто сидела рядом, не пыталась меня потрогать и не стремилась поправить что-то в моем внешнем виде, Прия мне очень нравилась. Было в ней какое-то

странное влекущее очарование.

— Он обещал, что Велиар не сможет выкупить меня, если я сама не соглашусь, — невпопад призналась она, не в силах не думать о том, что ее действительно беспокоило.

— Он такой страшный, этот Велиар?

Мой вопрос заставил ее поежиться:

— Наверное нет, но... ты просто не видела, как он на меня смотрит. Я не хочу к нему, я боюсь.

— Хочешь, пойдем сейчас к Раяру, устроим ему скандал, истерику, если понадобится, чтобы он оставил тебя тут? — поддавшись неведомому порыву, горячо предложила я, чем вызвала легкий необидный смешок.

— Зачем мне оставаться здесь? Теперь у него есть ты, а я не хочу чувствовать себя ненужной.

— Но...

— Не надо, — мягко попросила Прия, — давай просто посидим немного так, ладно?

Я не возражала, но не смогла не спросить:

— Ты на меня не злишься?

— А должна? — удивилась она. — Это же был не твой выбор.

С этим спорить было трудно, но моя к ней симпатия с каждой секундой росла просто с чудовищной силой.

А после обеда, когда потерянная, но решительная Прия готова была отбыть к родственникам, меня «осчастливили» новостью, что в Светлую империю я таки попаду.

Но не с огоньком, нет. Верный своей гадской темной натуре, Раяр, вроде как, сделал то, чего мы от него требовали, но все равно умудрился все испортить.

Делмар хотел меня в Светлой империи, Делмар получил меня в Светлой империи. И я тоже получила...

В то время, когда в Мглистом уделе только закончилось обеденное время, у Светлых уже был глубокий вечер. Именно тогда Раяр и притащил меня в чей-то дом, спеша сдать с рук на руки и улететь обратно, чтобы разобраться с Прией.

А сейчас мы стояли перед лестницей, ведущей на второй этаж, в прихожей, в интерьере которой преобладали темные цвета, и в больших окнах, за которыми расстилалась ночь, как в зеркалах отражался мягкий свет большой, красивой люстры.

— ВЭЙД! — рев моего кошмара сотряс весь дом, не оставив меня равнодушной. Я вздрогнула, хватаясь за сердце и зло глядя на Раяра. Тот моего взгляда не почувствовал, выжидающе уставившись на лестницу.

И Вэйд не заставил себя ждать. Взъерошенный и в расстегнутой рубашке, он появился на верхней ступени спустя несколько секунд, встретив нас диким взглядом и до крайности недружелюбным выражением своей кислой рожи.

— Я решил воспользоваться твоим предложением, — издали начал Раяр, не дав несчастному прийти в себя, — пусть Яна побудет у тебя пару дней. Только никаких храмов, я уверен, что ты и сам в силах обеспечить ей защиту.

— Что?..

Бросив сумку с моими вещами, которую все это время держал в руке, Раяр обратился уже ко мне, проигнорировав совершенно шокированного племянника:

— Будь умницей и веди себя хорошо. Поняла?

— Раяр...

— Амулет у тебя? — меня он не слушал, увлеченным какими-то своими мыслями.

— Да, но...

— Я заберу тебя так быстро, как смогу. Не думаю, что благоустройство Прии займет много времени.

А я топталась перед ним, не в силах озвучить свои нервные мысли, с ужасом осозная, что он сейчас действительно уйдет. На несколько дней. А завтраки как же?

Нет, даже не так, а как же я?

Раяр только усмехнулся, покачав головой, уловив, видимо, отголоски моих эмоций и поддавшись какому-то необъяснимому порыву, крепко меня обнял, прижав к груди:

— Не доставляй Вэйду проблем. Веди себя хорошо и не выходи из дома одна, поняла меня? А лучше вообще не выходи из дома.

Я смогла только согласно булькнуть, нервно вцепившись в его камзол:

— А, может, я лучше с тобой?

— Яна, ты уверена, что готова к встрече с веларийской семьей? — снисходительно спросил он: — Прия своей непосредственностью пошла в мать, у которой, к слову, еще четыре дочери...

— Заобнимают, да? — беспомощно предположила я,

— Я постараюсь забрать тебя как можно быстрее. — тихо, с неожиданной нежностью пообещали мне, разжимая объятия. Вэйду же было сказано совсем не нежное:

— Отвечаешь за нее головой.

— Раяр! — ошалело возмутился тот, но вокруг моего кошмара уже закружилась тьма. А за спиной у племянника, с любопытством поглядывая на нас, придерживая на груди расшитое белое платье, показалась хорошенькая и крайне любопытная блондиночка. Прическа, некогда высокая и, вероятно, очень красивая, развалилась, осев на плечи крутыми локонами и топорщась шпильками.

— А говорил, до свадьбы еще три месяца, — усмехнулся Раяр, крепко сжимая на прощание мою ладонь.

— Ой... — прошептала незнакомка, прижимая пальцы к губам. Она во все глаза разглядывала хищника, но вместо страха в них светилось странное, я бы даже сказала, нездоровое любопытство: — Ганэш бы за такой образец убил.

Девушка тут же была задвинута за спину напряженным Вэйдом, которого высказывание своей, кажется, уже жены совершенно не обрадовало.

— Вижу, мы не вовремя, — усмехнулся Раяр, ничуть не обидевшись на ее слова, рассеянно поднеся мою ладонь к губам, одарил мимолетным поцелуем, — Яна, постарайся этой ночью их не отвлекать, будь хорошей девочкой.

И все, меня отпустили, а тьма, до этого сонно кружившая по полу, поглотила высокую фигуру и быстро растаяла, оставив меня здесь одну.

С совершенно незнакомыми людьми, которым наше внезапное вторжение, кажется, испортило романтический вечер.

— Я-яна? — неуверенно позвала девушка, пристально разглядывая меня. — Оболенская?

И вот тут я осознала, что совсем ничего не понимаю, но...

— Да.

Дальше было совершенно нелогическое и конкретно шокирующее сошествие искрящейся, шуршащей лавины.

Подобрав юбки, это блондинистое видение бросилось ко мне, каким-то невероятным образом не кувыркнувшись с лестницы, в считанные минуты преодолело разделяющее нас расстояние и с оглушительным ревом повисло на моей шее:

— Яночкаа, — выла она, душа меня в объятиях.

А я, как бы да, Яночка, но ее точно не знаю. Пока я приходила в себя, а Вэйд спускался к нам, это чудо успело меня придушить, попутно чуть не выколов глаз шпилькой, потрясти за плечи и даже обидеться, пугая неадекватным взглядом полных слез глаз:

— Ты меня не узнаешь, да? А я вот тебя узнала, изменилась ты, конечно, очень, но я все равно узнала! — я не спорила и не рыпалась, напряженно ожидая, что она скажет дальше: — Ну, это же я. Снежана. Снежа, помнишь? Ты же мне весь год с древнерусским помогала. Конспектами старыми делилась. Мы же в общежитии в соседних комнатах жили. Ну?!

— Снежа, — заторможено повторила я, неверяще ее разглядывая. Снежану я прекрасно помнила. Но девушка, стоявшая сейчас передо мной, совсем не была похожа на ту первокурсницу, которую я знала, — а где...

Облечь в слова свою растерянность не получалось. Я просто не могла спросить, где ее темные волосы, где глаза и едва заметный шрам на подбородке. Как она так изменилась?

— Долгая история, — беспечно дернув плечиком, Снежана еще раз крепко меня обняла. И неизвестно, сколько бы мы так стояли обнявшись, не реши Вэйд это прекратить.

— Сэл,пусти ее, — велел он, несильно потянув на себя длинную светлую прядь, выбившуюся из прически.

Ей пришлось подчиниться. И с полчаса просто топтаться рядом, кусая губы и заламывая руки, пока меня заселяли в комнату.

А потом... Вэйда, осознавшего, что брачной ночи ему не светит, мне было искренне жаль, но Снежа, которую теперь звали Селина, хотела знать все и просто не обращала внимание на недовольство своего супруга.

Я, конечно, мужику искренне сочувствовала, но поделаться ничего не могла. Самой было интересно узнать, как она тут очутилась.

А потому, не обращая внимания на его недовольство, мы устроились в отведенной мне комнате, где Селина тут же приступила к допросу.

Мы сидели на кровати, которую мне предстояло временно считать своей. Друг напротив друга. Она в своем не до конца расстегнутом или не полностью застегнутом — тут как посмотреть — платье. И я в привычных брюках и синей тунике. Блондинка и брюнетка, совершенно разные сейчас, хотя когда-то очень похожие... Даже судьба у нас оказалась в чем-то до смешного схожей, хотя и очень разной.

Слушала Селина мой рассказ внимательно, не перебивая, лишь раз прервав меня недоверчивым оханьем. Просто не смогла спокойно принять тот факт, что оказались мы с ней в этом мире по одной и той же причине.

Я сосуд, а она... а она случайная душа, которой посчастливилось занять едва живое тело принесенной в жертву неинициированной жрицы.

— Они же были уверены, что сосуд в момент вызова рядом со мной находился, — в нервном возбуждении Селина ерзала на постели, пугая меня горящим полубезумным взглядом, — но я-то помнила, что в своей комнате в общежитии одна была. А, выходит, все дело в том, что за стеной ты спала.

— Они? — переспросила несмело, невольно разглаживая складочку, появившуюся на покрывале из-за ее шевелений.

— Вэйд и... его друг, — отмахнулась она, с кривой улыбкой признавшись, — Они говорили, что меня могло зацепить призывом и вытянуть сюда вместе с сосудом, но из-за того, что я оказалась недостаточно близко к центру силы, во время обряда зацепило только душу, оставив пустое тело в том мире.

Поймав мой недоверчивый взгляд, Селина смущенно улыбнулась, чуть заметно пожав плечами.

— Это как?

Настала ее очередь рассказывать...

Как оказалось, в то время, когда я встретила свое первое безлунье, бегая по замку и спасаясь от жутко-ужасного Раяра, она только пришла в сознание после проведенного ритуала. В чужом мире. В чужом теле... с чужим женихом на руках и кучкой сектантов на горизонте, страстно желавших ее смерти из своих сектантских соображений.

И пока меня пытались убить в Темных землях, она спасалась, как могла, в Светлой империи.

— Ритуал был проведен правильно, все жертвы принесены, — рассеянно указав на меня раскрытой ладонью, она с невеселой улыбкой заметила, — твое появление в этом мире — прямое тому подтверждение. Душа настоящей Селины покинула свое тело, а мне просто посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте. Конечно, было сложно здесь обжиться, но...

Окинув комнату странным взглядом, она сморщилась и шмыгнула носом, сдерживая подступившие слезы:

— Тут очень хорошо.

Спорить с ней я не стала. Как бы сильно меня не напрягал тот факт, что на все темные земли я сейчас единственный человек, что Излом сам по себе оказался крайне мрачным местом, и вообще... я живу в одном доме с чудищем, питающимся людьми. Как бы ужасны не были объективные факты, мне здесь нравилось.

Глава тринадцатая. Обряд

— Яаана, — шепотом выли над ухом, легко поглаживая мое плечо, — Яаана, вставай.

С трудом разлепив веки, я увидела прямо перед собой красноглазую рожу Делмара. Не заорала только потому, что сил не было. Заговорившись с Селиной, вспоминая прошлую жизнь, в которой мы были беспечными студентками, и даже пару раз всплакнув, уснули незаметно и не так, чтобы очень давно. Часа два назад, когда как раз начало светать. А тут приперся огонек и самым наглым образом взялся меня будить.

— Сильна же ты спать, — опустившись на колени перед кроватью, он уложил голову на сложенные руки и с улыбкой меня разглядывал.

— Ты что здесь делаешь? — хриплым со сна голосом, осведомилась я, сонно потирая глаза левой рукой. Правая, конкретно отлежанная, утратила всякую чувствительность и только начинала щипаться колючими иголочками, возвращая себе работоспособность.

— За тобой пришел. Людей себе мы с Айаной так и не выбрали, собирайся, поможешь.

— Раяр убьет нас всех...

— Раяра не разозлит то, о чем он не узнает, — с намеком произнес Делмар, с благожелательной улыбкой кивнув закопотившейся за моей спиной Селине.

— Если Вэйд узнает, что тут был посторонний мужик, он нас убьет, — просипела она, вяло пытаюсь выпутать из волос шпильку. Ночью мне казалось, что мы их все выбрали, полностью развалив остатки прически, но нет, как минимум одной шпильке удалось скрыться.

Делмар хохотнул и торжественно пообещал:

— Ему мы тоже ничего не расскажем.

— Я не пойду...

— Яна, эмоциональная ты моя радость, как ты думаешь, выпадет ли тебе еще один шанс наведаться в резервацию? Думаешь, Раяр рискнет устроить тебе экскурсию по людским землям?

— А ты устроишь мне экскурсию? — усомнилась я в его словах. И не зря, к слову усомнилась. Делмар замялся, бросил еще один взгляд на Селину и уклончиво признался:

— Может быть.

— Угу-угу. А почему Раяр не рискнет сводить меня к людям?

— Чтобы ты захотела остаться среди своих? И потом всю свою короткую человеческую жизнь изводила бы его тоской по месту, которое могло бы стать твоим настоящим домом?

— Почему изводила бы?

— Потому что он отослал Прию, отправил тебя к Вэйду и сейчас в срочном порядке принимает все условия семьи Вар, лишь бы поскорее отделаться от их дочери. А если учесть, что убить никого из них он не может из-за одного маленького пункта в договоре, который не счел нужным убирать, условий будет много. И, просто поверь, пойдя на такие жертвы, он не сможет оставить тебя в резервации, даже если ты сама его об этом попросишь.

Мне было странно это слышать, ведь я была полностью уверена в одном:

— Я не захочу там остаться.

— Конечно, не захочешь, — легко согласился Делмар, зачем-то противореча самому себе, — человеческая резервация — скучнейшее место, что я когда-либо видел. Ты не протянешь там и дня.

— Ну вот...

— НО, — с нажимом произнес он, не обратив внимания на мою попытку высказаться, — Раяр об этом не знает и, даже если ты сама ему об этом скажешь, не поверит.

— Почему не поверит?

— Потому что он — хейзар, а ты — человек, знакомство с которым у него вышло не совсем красивым.

Селина за спиной притихла, с любопытством слушая рассуждения Делмара о наших с Раяром непростых отношениях. Ночью я старалась не касаться темы хейзаров, что, в общем-то, было не так уж сложно, у нас и без того было о чем поговорить.

— Он тебя запугивал, протащил по самым ужасным местам Излома, не скрываясь, пытался тебя запугать...

— И у него это даже получилось, и не один раз, но...

— Никаких «но», — передернул плечами Делмар, — ты хочешь посмотреть на местных людей или нет? С Раяром ты в резервации не побываешь...

— А если я сейчас скажу «нет»?

— Я заверну тебя в плед и заберу силой. Яна, ты же человек, вроде даже добрая, так пожалей девушек. Они уже сутки сидят в подвале. Им очень страшно.

— В подвале? — потрясенно ахнули за спиной.

— А где еще их держать? Из комнат они пытались сбежать. — пожаловался Делмар, искренне не понимая, почему у нас после этих его слов ошеломленно вытянулись лица. — Что?

— Вы похитили и насильно удерживаете где-то девушек? — тихо переспросила я. Хотелось орать и пару раз огреть этого идиота чем-нибудь тяжелым. Раяра он пытался научить за девушками ухаживать, а сам что делает? Что он творит вообще?!

— Ну да, и их уже начали разыскивать, так что, нам бы поторопиться...

— Надо спасать, — решила Селина, толкнув меня в плечо, — поднимайся, нас ждут великие дела.

— Нас? — то ли я от недосыпа чего-то недопонимала, то ли просто показалось, что она планировала...

— Я иду с тобой!

...нет, мне, все же, не показалось, Селина действительно собиралась совершить самую фееричную в своей новой жизни глупость.

В прошлой жизни это была татуировка в каком-то подозрительном салоне, из-за которой ей потом почти два месяца пришлось жить на обезболивающих. А теперь она вообще планировала в компании двух хейзаров и одной меня (которая не очень хотела, но, кажется, уже была по самые уши втянута в какую-то неприятность) отправляться к человеку, чтобы выбрать жертв для парочки заскучавших чудищ.

И самое ужасное заключалось, пожалуй, в том, что раздавшаяся в предвкушающей тишине фраза: «Раяр никогда не должен об этом узнать», принадлежала мне.

Собрались мы за двадцать минут. Селина, которой было никак нельзя возвращаться в свою комнату, чтобы не нарваться на злого, лишеного первой брачной ночи Вэйда, не смущаясь, сунула нос в мою сумку, пытаясь выбрать себе что-нибудь для себя. Если учесть, что в своем новом теле она была ниже меня на полголовы и размера на два меньше, это было сложным делом. Но она не отчаивалась и, в итоге я обеднела на брюки (которые ей пришлось не просто подвернуть, но и подвязать на талии) и на черную тунику (единственная вещь с коротким рукавом, что была у меня с собой). Все остальное было торжественно вручено мне.

Посмотрев на открытую сумку, на выглядывающий из ее бокового кармана чулок, и общую помятость оставшихся внутри вещей, я гордо пригладила ткань туники на груди и пошла умываться.

Делмар не поторапливал нас и даже не смущал своим вниманием, деликатно отойдя к окну, где и замер, делая вид, что любит природой. А мы собирались...

— Ну что, пойдём, что ли? — нервно спросила я, нарушая царившую в комнате тишину.

Огонек молча кивнул.

Я уже успела попривыкнуть к перемещениям Раяра, оптимистично веря, что когда-нибудь перестану совсем их ощущать, и была уверена, что и на этот раз все будет хорошо.

А хорошо не было. Было жарко и страшно.

Воздуха не было, вместо него был дым, земли не было, ее заменили раскаленные угли, а внутри меня горел пожар, выжигая все дотла...

На белый ковер с высоким ворсом я в прямом смысле рухнула, заходясь кашлем и мелко дрожа. Рядом, судорожно всхлипывая, упала Селина, сжавшись в комочек и спрятав лицо в коленях.

— Ты же отправлялся за Яной, зачем привел еще одну человечку? — возмутились слева знакомым женским голосом. Повернуть голову я не могла, было слишком страшно. Казалось, что стоит мне только пошевелиться, как я рассыплюсь пеплом, запачкав ковер.

— Это не человечка, — отозвался Делмар, крепко ухватив меня за плечо и потянув вверх.

Вздвогнув, но так и не рассыпавшись, я медленно поднялась на ноги. Меня шатало, и стоять самостоятельно, не цепляясь за Делмара, я просто не могла.

— Мий-асэ? — удивилась Айана, сделав два шага в сторону Селины. — Где ты нашел одаренную искрой?

— Она подруга Яны, и мы не будем ее есть.

— Почему? — тут же поскучнела ледышечка.

— Потому что также она является женой Вэйда.

— А ты откуда знаешь? — удивилась я, нерешительно отпустив его руку.

— Кольцо видел, — коротко ответил он, склонившись над Селиной, которой досталось больше моего. Я-то уже была знакома с их выворачивающими наизнанку перемещениями и постаралась подготовиться, ее же... ее никто не предупредил. И я себя почему-то чувствовала очень виноватой из-за этого.

— Женился-таки, — фыркнула Айана, подойдя ко мне. Внутри все еще что-то тлело, и ее холодные объятия пришлись как нельзя кстати.

Селина приходила в себя трудно. Она просто сидела на ковре и все время просила воды, жадно выпивая один стакан за другим.

До подземелья мы добрались только через полчаса. Спустились по каменной лестнице, освещенной одним тусклым светильником и почти сразу уперлись в решетку, пройдя каких-то четыре шага. А за ней, в относительно чистеньком каменном мешке, на матрасах сидели девушки. Блондинки, русые, было даже несколько брюнеток и одна кудрявая, яркая, как огонь, рыжая. Штук пятнадцать девиц, кутаясь в добротные теплые одеяла, сбились в кучку и только изредка сдавленно всхлипывали. Устало и безнадежно.

— Посмотри и скажи, какие лучше, — велел Делмар. Уперев руки в бока, он с гордостью осматривал этот... цветник.

Осмотрев девушек, я на всякий случай, осторожно уточнила:

— Тебя интересует мое субъективное мнение по поводу их красоты?

— Нет, конечно, с чего ты взяла? — удивился Делмар. — Они все очень красивые. Любая подойдет, но мне нужна такая, чтобы как ты.

— Как я?

— Легко приручилась и не очень сильно боялась, — пояснила Айана, припав к прутьям лицом. Ей было очень сложно сдержаться, когда рядом, в непосредственной близости от нее, находилось столько тепла.

— А тебе... тоже девушку?

Селина старалась держаться поближе ко мне и подальше от Айаны, в которой интуитивно ощущала явную опасность, и мой вопрос лишь подтвердил ее опасения.

— Мне все равно, лишь бы горячий. Но Делмар говорит, что человеческие женщины проще принимают изменение своего статуса...

— Поняла, вам нужно две девушки, которые не свихнутся от того счастья в вашем лице, которым их одарит судьба, так?

Хейзары дружно кивнули. Селина же, присвистнув, с сочувствием посмотрела на девушек:

— Не повезло...

Я была согласна с ней на все сто... нет, но девятью восемью процентами. Раяр, все-таки, был не так уж невыносимо ужасен, вполне возможно, и эти двое не совсем уж потерянные. А вдруг девушкам даже повезет?

— И как я вам на глазок определяю их характер? Я на филолога училась. Не на психолога, что бы вы знали.

— Ты же человек. — Прозвучало, если честно, как диагноз, но Айана так и не поняла, почему я возмущенно на нее покосилась. — Что?

— Это не значит, что я могу по внешнему виду определить, которая из них загнетса от ужаса, стоит только кому-нибудь из вас к ней приблизиться.

— Ни одна, — обрадовал меня Делмар, — все, кто падал в обморок после снятия морока с меня или Айаны, уже давно дома. Эти самые стойкие.

— Совсем не повезло, — пробормотала Селина, чем привлекла к себе взгляд Делмара.

— А ты Вэйду очень нужна? — спросил он задумчиво.

Селина напряглась и пододвинулась поближе ко мне, будто бы я могла защитить ее от ненужного внимания хейзара.

— Я его жена.

— Другую найдет, — беспечно улыбнулся огонек.

— В нем наша кровь, — одернула его Айана, казавшаяся сейчас непривычно серьезной, — не найдет.

И Делмар как-то сразу присмирел, больше не нервирова Селину заинтересованными взглядами, вместо этого вернулся к своим странным, совершенно нелогическим заключениям:

— Так что тебе нужно? Ты же тоже человек, должна их понимать.

— Мне бы с ними хотя бы поговорить для начала...

— Да легко! — с пугающим энтузиазмом отозвался Делмар, а в следующее мгновение решетчатая дверь резко открылась, и нас с Селиной без церемоний запихнули внутрь. —

Разговаривай. Мы через пару часов придем.

— Какие пару часов? — всполошилась Сэл. — Вэйд нас раньше хватится!

— Об этом не беспокойся, я его займу, — пообещал Делмар, уже поднимаясь по ступеням. Не знал огонек, что этим своим заявлением никого совсем не успокоил.

— А как он займет Вэйда? — она с тревогой посмотрела на меня.

— Главное, что не убьет, — философски заметила я. Нине самая удачная попытка морально поддержать, конечно...

Девушки со мной разговаривать отказались, предпочитая бездумно пялиться в стену или в спину соседки по несчастью. Но я не сильно расстроилась, мстительно выбрав двух особенно злобных. Одна в меня плюнула, другая обругала. Была еще и третья, но она просто очень злобно посмотрела и потому спаслась.

Дверь наверху открылась не через обещанные пару часов, а значительно раньше. По ощущениям прошло не больше часа, когда по каменным ступеням, стуча сапогами, спустился... кто-то. Это был не Делмар, и не Айана, и даже не разъяренный Вэйд, узнавший о нашем исчезновении. Это был высокий темноволосый мужчина со страшным шрамом, пересекающим правую щеку и уходящим под ворот белой рубашки. Этот шрам привлекал взгляд, и я не сразу даже осознала, что именно меня в незнакомце так сильно напрягает. То, что не шрам, знала наверняка и не ошиблась. Оказалось — все дело во взгляде. Светлые, будто выцветшие глаза смотрели холодно и равнодушно.

Спустившись на застеленный соломой каменный пол, он в последний раз посмотрел на странный прибор, что держал в руках — плоская шкатулка со вделанными в деревянную поверхность камнями. Сейчас в полумраке сиял самый большой, центральный, молочно-белый. И, судя по выражению лица мужчины, это было совсем не хорошо.

Нет, он, конечно, улыбался и всем был доволен, но что-то мне подсказывало, что мы не сможем разделить эту радость.

В груди разгоралась злость на Делмара.

Сняли они себе домик на окраине одного из человеческих городков. Самый большой, самый обособленный, очень удобный для того, чтобы пленниц содержать... а нормальную защиту на дом поставить не додумались!

Заговор на отвод глаз, которым так гордилась Айана и о котором без устали рассказывала мне, пока Делмар откачивал Селину от первого в ее жизни перемещения с хейзаром, быть может, и было достаточно действенным, как защита от людей, но... мужик, что стоял сейчас перед нами, точно человеком не был.

Темные не хотели, чтобы их засекли храмовники и силой пользовались по минимуму. Вот и дошухерились... конспираторы, блин.

— Кто из неверных посмеет теперь сказать, что приход Темной Звезды невозможен, — восторженно проговорил он, жадно вглядываясь в мое лицо.

— Темной Звезды? — шепотом переспросила Селина, вцепившись руками в мою руку.

— Рассах, — коротко ответила я, сжав подрагивающие пальцы в кулак. Так Тьму Изначальную звали только совсем уж отмороженные фанатики, составляющие основную верхушку культа. Но этот мужик был не бритый и не обтатуированный и серьезно выбивался из сектантской иерархии.

— А вы кто такой будете?

— Тебе нужен мой имя? — с улыбкой спросил он, и меня передернуло от этой его улыбки. По сравнению с ней, все оскалы моего кошмара были умильными до одури улыбочками. — У меня нет имени.

— Мужик, ты мне не нравишься, — нагло заявила Сэл, оглядываясь по сторонам. Мы единственные здесь стояли, и я уже, признаться, об этом жалела. Лучше бы сидели где-

нибудь у стеночки, чтобы от решетки нас и видно не было.

— Я и не должен тебе нравиться, — спокойно ответил он, придавив ее взглядом с полу, — я отведу тебя на смерть.

— Ну, предположим, это вряд ли, — отмерла наконец я, потянувшись к медальону, спрятанному сейчас под рубашкой. Последнее нападение меня многому научило. Например, тому, что единственная защита, которая у меня есть, всегда должна быть под рукой.

Мужик исчез из поля зрения, просто схлопнулся, будто его и не было, а в следующее мгновение уже стоял рядом, крепко сжимая кисть так и не дотянувшейся до амулета руки.

Кто-то вскрикнул, девушки бросились врассыпную, прижимаясь к стенам.

— Не стоит, — мягко сказал он, не обращая внимания на вызванную его выходкой панику, и я почувствовала, как меня сжимает и вдавливают в саму себя. Селина за спиной тихонечко охнула. Не успевшая еще прийти в себя после предыдущего перемещения, она вынуждена была перетерпеть новое.

Первым делом мне связали руки. Руки связали мне. Эти лысые гады связали мне руки.

Снять амулет не смогли, зато руки связали. Выкрутились, блин.

Селине руки тоже связали, видимо, чтобы я не чувствовала себя совсем уж одинокой. Потому что сбежать одной слабой девушке с корабля, затерявшегося где-то в море, было просто некуда, но ее вся равно обездвигили.

Мы уверенно плыли к Потухшему острову и я, если честно, со злорадным нетерпением ждала встречи с морскими ведьмами. Адептов кругом было много, я даже трех зататуированных видела, а это значит, пир русалочек ждал знатный.

— Закатный охотник, — дрогнувшим голосом прошептала Сэл, — ты представляешь? За тобой пустили Охотника.

— И что? — удивилась я, не сразу поняв, чего это она так взволнованна. — А, подожди, это же те, которые за работу в уплату не деньги, а души берут?

— Хотят сравняться в могуществе с хейзарами темных земель, — кивнула она.

Я приуныла. Охотник — это серьезно и совсем не весело. Пока у него есть моя кровь, он найдет меня везде, а крови на ритуальном клинке, что остался там, на поляне, в кругу потухших свечей, было не так уж и мало...

Странно было понимать, что по трагическому стечению обстоятельств, оказавшись в неудачное время в неудачном месте, я попала в смертельно опасную ловушку. И сама попала, и Селину втянула.

А Делмар еще целый час будет отвлекать Вэйда...

Спокойно, в мрачных раздумьях и тихих разговорах мы просидели часа два. Периодически проходившие мимо сектанты строго велели:

— Не разговаривать!

Мы опасливо замолкали, но через некоторое время вновь возобновляли свой тревожный разговор. Нам было страшно и неудобно, и мы не могли молчать.

Потом сектантам просто надоело нас одергивать, решив, что нет человека — нет разговоров, Селину куда-то утащили.

Она кричала, брыкалась, извивалась, пару раз заехала одному лысому затылком по носу, когда тот пытался ее поднять, другого покусала я, но ничего, кроме сдавленных ругательств, мы не добились. Бить нас не стали. Я, как сосуд Рассах, была неприкосновенна, а Сэл просто пообещали долгую, мучительную смерть и утащили в неизвестном направлении.

Дальше русалок я ждала уже в мрачном нетерпении.

Час ждала. Второй ждала.

Руки, болевшие последние несколько часов, утратили всякую чувствительность, зато спина страшно ныла, было даже такое чувство, будто позвонки медленно и мучительно перетираются в пыль под треск лопающихся спинных мышц.

Время для меня растянулось в одну длинную, мучительную вечность, в которую порывом робкой надежды ворвался неожиданный голодный клекот за кормой.

Сектантам не удалось-таки проскочить незамеченными. Даже на быстроходном корабле, даже в отсутствии Раяра, морские ведьмы их настигли... нас настигли.

И меня это отчего-то очень радовало. Не думая о том, что меня тоже могут съесть за компанию с сектантами, или о том, что где-то там, вдали от меня, но тоже на корабле, сидит Селина, которой теперь тоже угрожает опасность попасть в зубы русалок.

Я ни о чем не думала, просто радостно засмеялась, когда через борт, под ноги к мечущимся по палубе адептам, свалилась первая морская ведьма.

Хвостом сбив с ног одного из сектантов, она бесстрашно прыгнула на другого и даже успела вгрызться ему в горло до того, как в ее спине, основательно оплавив плавник, появилась обугленная, тлеющая по краям, дыра.

Но это еще не была победа. Если верить шуму за бортом, русалок было просто до неприличия много. Из-за высокой скорости, на которой шел корабль, немногим удавалось на него забраться, но тех, кому все же удалось, было вполне достаточно, чтобы спустя каких-то десять минут, бегающие по палубе сектанты начали поскальзываться на кровавых лужах, спотыкаясь о трупы своих убитых и тела еще не выброшенных за борт русалок.

Огненный шар, страшно стрекоча, врезался в борт над моей головой, заставляя меня с визгом неловко пригнуться.

Одна из русалок, до этого с аппетитом хрустевшая косточками шейных позвонков одного из сектантов, совсем рядом со мной, за стеной из трех бочек, оторвалась от своего занятия и резко выглянула из-за этой своеобразной перегородки, найдя меня взглядом своих черных жутких глаз. Зрачок в этой черноте мерно пульсировал белым светом, и это выглядело просто до одури жутко.

Она не стала обползать бочки, нет. К чему такие сложности, когда можно перебраться через них, шлепнувшись прямо к моим ногам.

Сдавленно охнув, я попыталась сильнее прижаться к борту, как-то подобрать ноги, но смогла лишь неловко дернуться. Тело не слушалось, было словно деревянным и будто бы даже чужим.

Узкие прохладные ладошки легли на мои коленки, погладили ткань брюк, круглое личико, измазанное кровью, приобрело забавное наивно-любопытное выражение, совершенно не вязавшееся, собственно, с кровавыми разводами на бледных щеках и полных губах.

Она подтянулась ко мне одним резким рывком, несильно нажав на колени, упав чешуйчатymi, холодными бедрами мне на ноги и как-то по-звериному ткнулась носом в грудь, туда, где спрятанный под тканью, все еще висел амулет Раяра.

Оставив на тунике кровавые разводы, русалка оторвалась от меня, прекратив обнюхивание, прострекотала что-то непонятное и быстро уползла, на прощание скользнув хвостовым плавником по моей ноге.

Минут пять я просто пыталась вспомнить, как правильно дышать, попутно стараясь унять расшалившееся сердце, и как-то не заметила тот момент, когда мы пробили русалочью линию и вышли в тихие воды.

Столь близкое знакомство с одной из морских ведьм не смогло оставить меня

равнодушной, вот только поделиться своими впечатлениями мне было не с кем...

Остров неумолимо приближался, сектанты носились по палубе, сбрасывая тела русалок в воду и перетаскивая своих убитых на корму корабля.

Замывать кровавые разводы никто не спешил, равнодушно глядя на то, как кровь засыхает, намертво въедается в дерево и пахнет. От густого медного запаха у меня в горле встал ком, который никак не получалось сглотнуть. А сектанты бегали мимо, что-то обсуждали, с надеждой поглядывая на Потухший остров, уже так хорошо различимый на горизонте.

Охотник, который, Закатный и та еще скотина, нашел меня почти перед самым прибытием. Принес воды.

— С чего бы такая щедрость? — сипло спросила я. Пить хотелось просто зверски, но молча принять подачку просто не получилось.

— Ты привела мне в руки жрицу, — с пробирающей до самого нутра улыбкой проговорил он, поднося горлышко фляги к моим губам, — если бы не ты, я не смог бы выполнить этот заказ. Считай это моей благодарностью.

— Это еще почему? — спросила я, не спеша пить.

Охотник уже собирался что-то сказать, возможно, даже объяснить, но я его перебила:

— Хотя нет, мне не интересно.

— Не интересно? — удивился он, настойчиво тыкая флягой мне под нос. — Пей, ты же хочешь, я вижу.

И я сдалась, прижалась губами к горлышку, жадно глотая прохладную, такую сладкую воду, и утвердительно фыркнула.

Почему мне должно быть интересно, если я помню разговор Раяра и Вэйда в Сумеречной зоне? Этой ночью Селина должна была стать женщиной, тем самым обезопасив себя от сектантов, но в ее жизни появилась я. И вот, плывем мы теперь вместе с ней на корабле, среди упорных адептов, на верную гибель.

Шикарное завершение жизни, ничего не скажешь.

Хотя, был у меня один вопрос, который нужно было прояснить:

— А с чего вы взяли, что задание выполнено? Может жрица уже того, не жрица давно.

Видимо, я действительно сделала ему просто огромное одолжение, раз он послушно показал мне тонкий плетеный браслет с вделанным в него прозрачным камнем:

— Жрицы — благословленные Мирай носительницы искры. Вступая в брак, жрица теряет свое благословение, и искра гаснет, — коснувшись пальцем камня, Охотник дважды по нему стукнул, — он показывает горит ли еще искра. У той девочки она просто удивительно яркая.

— Вот же... черт.

— Еще? — предложил он, качнув флягой.

— Нет.

Посидев еще немного, возможно даже в ожидании благодарности, мужик все же ушел.

А я осталась одна дожидаться, когда мы причалим, и меня перетащат с корабля на землю, чтобы впоследствии убить.

Ждать, к сожалению, пришлось недолго.

Шлюпка, в которую меня спустили с корабля, за считанные минуты добралась до берега, ткнулась носом в черный песок и остановилась, мягко покачиваясь на волнах.

А корабль, небольшой, покатый, черный, с опущенными парусами, на котором осталась сидеть Селина, хорошо просматривался с берега. И я могла любоваться им все время, что меня тащили с сыпучего, ненадежного берега вглубь острова.

В десяти минутах ходьбы, на почти неотличимом от всей другой равнины вычищенном пустыре уже был вырисован круг и расставлены свечи. Тут ждали только меня.

Ждали и дождались.

— Опять рисовать на мне будете? — уныло поинтересовалась я. Это же просто запредельный уровень великого неудачника. Повторно попасть под один и тот же лобзик.

Мне не ответили, свалили на землю в круг мгновенно зажегшихся свечей, но хоть руки развязали. Шевелить ими я, правда, еще не могла, но Охотника поблизости не было, он на корабле остался, а эти болванчики не знали о моей крайней опасности.

Вот сейчас... сейчас. Только руками шевелить смогу, сразу им устрою.

В смысле, конечно, я просто Раяра вызову, это он им уже устроит.

Не учла, правда, я одного: чувствительность к рукам возвращалась медленно и болезненно, а сектанты действовали быстро.

Меня разложили, оседлали, тунику на животе разрезали и все. Выписывал свои каракули лысый быстро и умело, но по живому, безо всяких прошлых обезболиваний, не обращая внимания на то, что я заглушаю его бормотание своими повизгиваниями.

Я пыталась дергаться, дрыгала ногами, но все, чего смогла добиться — это болезненных судорог, оглушивших меня на некоторое время. Задохнувшись от боли, не имея возможности дышать, я запрокинула голову, хватая ртом воздух.

Мужик, не отвлекаясь на мелочи, продолжал бормотать и вырезать.

А у меня просто в глазах потемнело, правда, потемнело как-то неправильно. Будто бы не свет выключили, а медленно опустили занавес.

Окружившие нас сектанты возбужденно зашептались, и мне это что-то так не понравилось, так напугало... короче, лучше бы они молча стояли. Потому что рука к амулету дернулась сама. Я ее не чувствовала, и амулета, зажатого в пальцах, тоже не чувствовала, но очень громко и крайне истерично рывкнула, кажется, даже вслух:

— Раяр!

Лысый сбился с мысли, на мгновение заткнулся, сраженный всколыхнувшимся в душе ужасом при звуке знакомого имени, но быстро взял себя в руки и вернулся к вырезанию.

И очень даже зря.

Перед глазами у меня прояснилось как раз в мгновение, когда Раяр появился, как всегда внезапно и очень эффектно.

Вывался из всклубившейся тьмы, весь такой смертоносный и злой до чертиков, осмотрелся...

Я ему сначала очень обрадовалась, со всей щедростью вдарив по нему просто запредельной дозой счастья. Могла бы — зацеловала его прямо при всех, прямо в эту его страшную, потемневшую от злости рожу чмокнула бы.

Тут-то, совсем некстати, я и осознала, что он уж слишком злой, причем на всех без разбору. Даже на меня.

Да так зол, что даже моей радости не почувствовал, не смогла она пробиться сквозь стену его гнева. Раяр сделал шаг к нам. Всего один шаг, но я прямо почувствовала, как замечательно было бы оказаться подальше отсюда.

Подозреваю, замершие в ужасе сектанты тоже об этом думали, но им было не сбежать, а

у меня, кажется, имелся шанс.

По крайней мере, когда я подумала о том, что не хочу находиться так близко к хейзару, который в бешенстве, перед глазами потемнело, а меня будто бы дернуло в сторону. Головой вперед.

Выскользнув из-под сектанта, я на одно короткое мгновение задохнулась, утонув во тьме, и меня тут же выбросило. В нескольких сантиметрах над землей, на приличной скорости и прямо об землю. Об черную твердую землю. Разодрав в кровь локоть и коленки, серьезно отбив бок и плечо, я прокатилась по инерции метра два и, вместо того, чтобы остаться лежать, подскочила. Меня будто бы подбросила в воздух и поставила на ноги неведомая сила.

Резко крутанувшись, я нервно, заполошно огляделась, истерично смаргивая с глаз наплывающую черную пелену. Заметила ошалевших сектантов и белого как мел Раяра, смотревшего сейчас исключительно на меня, и замерла.

В одно мгновение я оказалась метров на тридцать дальше от круга, в котором только что лежала и, соответственно, от моего кошмара.

— Яна, — хрипло позвал он, и в его голосе мне чудилась... мольба?

И я бы отозвалась, честное слово отозвалась бы, но не могла. Голос просто не слушался, и дыхание перехватило от невероятных, невозможных, просто непостижимых и таких волшебных ощущений.

Я не могла говорить, не могла стоять на месте, не могла толком вздохнуть от переполнявшей меня силы.

Мертвая земля щедро делилась со мной своей мощью, что успела накопить за долгие годы соседства с охранной завесой. И вся эта невероятная сила, колкая, холодная до онемения и в то же время жгуче-горячая, она вся была во мне. Казалось, я заполнена ею до краев, но каждый раз, как появлялось ощущение, будто места больше нет, новая волна, проходящая по ногам и затихающая в груди, на уровне сердца, находила для себя уголок.

Мне хотелось прыгать, сорваться в бег, взлететь... сделать хоть что-нибудь, лишь бы убедиться, что чувства меня обманывают, и я не врастаю в землю, что ноги мои не стали корнями, способными тянуть из земли силу.

Жидкий огонь, яростный и разрушительный, теперь тек по жилам, и мне хотелось выпустить этот сжигающий жар на свободу.

Над серой, мертвой землей, похожей на старую окаменелую золу, разнесся тихий, отдающий безумьем, торжествующий смех... Не сразу я смогла понять, что смех этот принадлежал мне.

Сектанты отшатнулись, опасливо глядя на дело рук своих.

А мне было весело, и веселье требовало немедленного выхода. Я должна была избавиться от бури, набирающей силу внутри меня. Под сердцем, обжигая острыми краями, разгорелась совершенно новая черная искра.

— Яна! — Раяр не был похож сам на себя. Напуганный, до смешного взволнованный мальчик...

Мальчик?

Эта мысль меня и саму напугала, отрезвила, напомнила кто я и почему сейчас здесь. Жар в груди усилился, искра разгорелась ярче, стремясь превратиться в звезду раньше, чем ее затушат. Саднящее бедро перестало болеть, ранки быстро затягивались под моим ошалелым взглядом. И лишь порезы на животе не хотели так же легко заживать.

Девять секунд, ровно столько я разглядывала свою руку, на которой очень быстро зарастали царапины, и дольше я не хотела смотреть на это.

Раяр стоял там, где и был, когда я провернула этот фокус с перемещением, сектанты топтались рядом с успевшим потухнуть кругом.

И все смотрели на меня. Смотрели и ждали.

Я знала, чего они ждут, и боялась, что дождутся.

И когда в очередной раз перестала видеть, в ужасе качнулась в сторону Раяра. Казалось, я сделала всего шаг, а в следующее мгновение уже со всего размаха влетела в него, врезавшись всем телом и лишь чудом не свалившись на землю.

Хищник поддержал... если это можно назвать поддержкой.

Он не пошатнулся, когда я в него впечаталась, лишь сильнее вдавил меня в себя, крепко обнимая.

— Маамочки... мамочки-мамочки-мамочки.

Волос коснулась широкая ладонь. Погладила, перебирая пальцами пряди на затылке, странным образом успокаивая меня.

— Яна? — тихо позвал Раяр, и я прямо почувствовала, как напряглись сектанты в ожидании чуда.

В смысле, стояли гады лысые и ждали, что я сейчас вырвусь, оттолкну мой кошмар и, быть может, даже поглочу его без остаточка, а им всем выпишу благодарности.

А я не могла его оттолкнуть, рядом с ним искра жглась не так сильно и совсем не росла, наоборот, она будто бы гасла, и чем теснее я к прижималась Раяру, тем меньше становился этот странный жар. И по венам вместо огня вновь бежала простая кровь, и земля больше не питала меня.

Прижавшись щекой к широкой груди, я до боли сжала руки, обхватив его за талию и зажмурилась.

С каждым новым ударом его сердца мне становилось легче дышать. Свободнее что ли.

— Куда собрались? — сухо спросил у кого-то Раяр, не прекращая гладить меня по волосам.

Кажется, сектанты под шумок попытались сбежать, вот только их порыв был замечен и не одобрен.

— И приятного аппетита, — прохрипела я, вытирая об рубашку моего кошмара неизвестно откуда взявшиеся слезы. Я плакала и не могла остановиться.

Кто бы знал, что слезы облегчения могут быть такими горячими.

Он не ответил, но я все равно знала, что вот сейчас, после сдавленного, полного ужаса всхлипа, раздавшегося за спиной, мы остались на острове одни...

Остальные сектанты ждали на корабле. Черт.

— Селина! Она у них! — я вздрогнула, попыталась вырваться, но только зря дернулась. Отпустить меня Раяр не планировал.

— Она уже у нас, — ответил он, насильно прижимая мою голову к своей груди, — и раз ты пришла в себя, думаю, мне стоит потребовать объяснений.

— Что... прямо здесь?

Раяра полностью устраивала обстановка, о чем он мне и сообщил. Но меня-то — нет. Меня не устраивало то, что мы сейчас находимся на этом мертвом острове, всего в нескольких шагах от круга, в котором меня чуть не убили. И совсем не устраивало то, что глубокие царапины на животе начинали болеть тем сильнее, чем слабее горела искра внутри меня, а Раяр, вместо того, чтобы озаботиться моим самочувствием, собирается устроить мне допрос.

Да и вообще...

— А как Селина у вас оказалась?

— Вэйд сумел уловить ее местоположение по кольцу, — неохотно ответил мой кошмар, недовольный тем, что я так нагло, по его мнению, пытаюсь сменить тему, — так мы попали на корабль, и почти сразу меня позвала ты.

— А как... вы вообще узнали, что нас нужно искать?

— Делмар признался, — в его глухом, севшем от бешенства голосе чувствовалась злобная угроза. Только поэтому я опасно спросила:

— Он... жив?

— Жив, сейчас разносит девушек.

— О.

— Яна, я же велел тебе оставаться в доме Вэйда и никуда не ходить...

— Одной, — перебила я, очень радуясь, что не вижу его злой взгляд, — но я же была не одна. Я была с Сэл и Делмаром. И Айаной. И там еще целая толпа девушек была.

Раяр молчал, и это его молчание заставляло меня сильно нервничать:

— Кто же знал, что адепты расщедрятся на парочку душ и наймут Охотника? Вы его, кстати, поймали?

— Он сбежал.

Мы помолчали. Пока я с робкой верой в чудо надеялась, что хищник все же не примется выяснять отношения со мной вот прямо сейчас, Раяр рассеянно гладил меня по волосам, по плечам и по спине. И ничего не говорил.

Обнадеженная его молчанием, я предложила:

— А может, свалим уже отсюда? Местечко совсем неудобное. И мне бы к врачу, или хотя бы той волшебной мази раздобыть. И я, кажется, тебе рубашку своей кровью испачкала.

Раяр отмер, будто бы только сейчас вспомнил, что я раненая, и утащил меня в портал, который после обжигающего перемещения Делмара, уже совсем не казался ужасным.

Глава четырнадцатая. Благословение

Вот только переместились мы не в замок, а в дом Вэйда, и отдали меня не мочалкам, а хмурой и молчаливой девушке. Она быстро и очень профессионально обработала мои раны и перебинтовала их, после чего просто ушла.

Потом было десять минут покоя, за которые я успела надеть целую, чистую рубашку и облегченно выдохнуть.

Странное ощущение, что самое страшное позади, было необъяснимым и, если честно, не очень-то соответствовало действительности.

Самое страшное, как раз-таки, ждало меня внизу, в гостиной.

Злой Раяр, злой Вэйд, скромненько сидящая на краю дивана перед этими разъяренными чудищами Селина... и побитый Делмар, привалившийся здоровым плечом к окну.

Огонек был встрепан, помят и ужасен. Фингал под глазом и на скуле, разбитая губа, переломанная левая рука, покоящаяся сейчас на перевязи, и правая, просто туго перебинтованная, как бы намекали, что Делмар после серьезного разговора с моим кошмаром может быть и остался жив, но уж точно не невредим.

— Ужасно... выглядишь, — призналась я, замерев в дверном проеме и стараясь глядеть исключительно на жертву своих собственных дурацких идей. Смотреть на Раяра было страшно.

— Это еще что, — усмехнулся Делмар и тут же скривился, прижав ладонь к ребрам, — видела бы ты меня полчаса назад.

— Иди сюда, — сурово велел хищник, взглядом указав на диван. Бежать и прятаться, а если догонят и поймают, то ни в чем не сознаваться — вот это, пожалуй, был мой план на будущее, а никак не выполнение его требований. Но подойти и сесть туда, куда Раяр указывал, все равно пришлось.

Сэл, рядом с которой я присела, сочувственно мне улыбнулась и снова вернулась к разглядыванию своих рук, сложенных на коленях.

И мне бы, наверное, тоже стоило сидеть молча и изображать раскаяние, но в крови до сих пор вспыхивали редкие горячие искры, а внутри, под сердцем, где разгоралась звезда, поселился странный тугой сгусток чего-то черного и не имеющего названия, даривший обманчивое чувство всесия. Он-то и толкал меня на безрассудную наглость.

— Ну и чего сидим? — поинтересовалась я у сапог хищника. Какой бы сильной я себя сейчас не ощущала, смотреть в его злое потемневшее лицо было страшно.

Сейчас, стоя в этой темной гостиной, расцвеченной закатными красками, Раяр выглядел по-настоящему грозно.

— Ты хотя бы осознаешь, что могла погибнуть? — глухо спросил мой кошмар.

Покосившись на Селину, которая очень профессионально изображала раскаянье, полувопросительно подтвердила:

— Осознаю?

Едва слышный смешок от окна прозвучал совершенно неуместно и лишь сильнее разозлил Раяра. Щека у него дернулась, и, вместо того, чтобы отчитать меня или хотя бы наорать, хищник порывисто качнулся вперед, заставив вжаться в спинку дивана и резко, за руку, вздернул меня вверх. Селина вздрогнула и невольно подскочила вместе со мной, но тут же упала обратно, придавленная к месту тяжелым взглядом Вэйда.

Взгляд у Раяра был нехороший, убийственный был у него взгляд, но мне-то что? У меня совсем недавно чуть тело не украли, я еще в себя пришла, и царапины на животе без черной чудодейственной мази подленько болели, я имела все права слегка тормозить. Хотя Раяр, кажется, моих прав не признавал.

— Мы уходим, — произнес он, обращаясь к Вэйдю. В голосе его было столько угрозы, и вся она предназначалась мне. Ну и кто бы на моем месте согласился бы уйти с ним? Конечно никто, вот и я не хотела. Так сильно не хотела, что даже дернулась, наплевав на то, что хищника это может только сильнее разозлить.

— Делмара заведи, — хмуро велел племянничек, даже не глядя на своего огнеопасного дядю.

— Да брось, — всполошился огонек, — разве я тебе мешаю? Как ты можешь?

— Делмар, — позвал Раяр ровно, и огонек заткнулся. Печально глянув на меня, он понуро кивнул, в одно мгновение рассыпавшись искрами по полу.

— А можно... мне с вами? — шепотом спросила Сэл, вцепившись пальцами в край моей незаправленной рубахи. — Пожалуйста.

Напряженные взгляды, которые она бросала на Вэйда, были красноречивее любых слов. Но мой кошмар в положение несчастной входить не хотел и жестоко оставил ее своему племяннику, который помрачнел еще больше после этой тихой просьбы.

Переместились мы резко, стремительно, оставив Селину с натуральным монстром на последней стадии озверения. Видела я его взгляд, когда она с нами просилась, кранты моей соотечественнице.

Впрочем, в сложившейся ситуации и мне мог прийти конец. Яночка под таким грозным взглядом рисковала очень быстро кончиться.

— Ну чего ты? — спросила я тихо, пряча глаза и все равно чувствуя, как его взгляд жжет кожу. Еще раз дернувшись, я попыталась вырваться из крепких рук, отступить на шаг, а лучше на три, назад. Безрезультатно.

— Ты даже не представляешь, как сильно мне сейчас хочется просто избавиться от тебя. Сколько бы проблем я этим решил.

— Ч-чего?! — признаться, сначала мне показалось, что я ослышалась. Ну не мог он такое сказать. Не мог же... да? — Зачем сразу избавиться? Я же единственная в своем роде! Да я же тебе нужна!

— Нужна, — просто согласился он, одним коротким словом выбив землю из-под ног.

Люстра, ярко сверкающая над нами, бросала странные, зловещие тени на его лицо, да и сам главный зал, не так давно разрушенный, но уже полностью восстановленный, создавал мрачную, тревожную атмосферу. Мне было не по себе, и уж точно я была не готова к таким неожиданностям.

А Раяр, решил совсем меня добить:

— Я слишком поспешил, так легко пообещав тебе взаимность, — пальцы на плече сжались крепче, — не нужно было слушать Делмара.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно меня сейчас пугаешь, — я была сама искренность.

Раяр усмехнулся, чуть притушив негодовательный градус взгляда:

— Думаешь, я не чувствую?

— А если чувствуешь, то зачем пугаешь?

— Потому что я зол. Потому что ты человек. Потому что тебя слишком легко убить! — с каждым словом его голос становился все громче, все сильнее, и «убить» он прогремел почти оглушительно. Я зажмурилась, вжала голову в плечи и без смущения транслировала ему свои крайне негативные эмоции. Вся эта каша из непонятной вины, страха и подкатывающей бессмысленной истерики, сдобренная ядреным градусом неуверенности в себе, в нем, в завтрашнем дне... пусть, гад, подавится.

Но подавиться мне пришлось самой.

— Я испугался за тебя. — почти неслышно, на фоне недавнего рева, проговорил он. — Так не должно было быть.

— Типа хейзары настолько круты, что не ведают страха? — едко спросила я, стараясь скрыть нервозность за наглостью.

Раяра не проняло.

Поймав, наконец, мой взгляд, он отказался его отпустить:

— Потому что ты еда, бояться за еду глупо. Делмар со своими ненормальными идеями заставил меня на время забыть об этом.

А вот это уже было совсем нехорошо.

— Раяр, я понимаю, что ты злишься на меня за то, что я ослушалась, но это не повод меня съедать, я же...

— Ты обеспечишь мне взаимность в течении трех дней, иначе я решу эту проблему сам. И больше никогда не посмеешь меня ослушаться, — перебил меня хищник, неохотно разжимая пальцы, — иначе я решу эту проблему так же, как решаю другие.

— Сейчас угадаю. Если я тебя сейчас внезапно не полюблю, после того, как ты меня так основательно запугал, ты меня сожрешь? Нет человека — нет проблемы?

Переубеждать меня никто не стал. Раяр даже не попрощался, опав тьмой на каменные плиты.

У этой тьмы я и спросила:

— Подожди, что значит «обеспечу тебе взаимность»?

Мне ожидаемо никто не ответил, оставив одну, в мрачной зале, размышлять о странности бытия.

Может ли так случиться, что у Раяра откуда-то взялась любовь ко мне несчастной? И если это так, то насколько неадекватным психом нужно быть, чтобы так качественно запугивать предмет своих нежных чувств?

Любовь за три дня... кажется, мне пора было готовиться к смерти.

Умирательный настрой продержался несколько часов.

А потом я, отмытая, обмазанная чудодейственной мазью и сытая, лежала под одеялом и сквозь дрему размышляла над тем, как лучше завтра Раяру в любви признаться. Утром в его спальню ворваться или безопаснее будет дожидаться завтрака. Все же, один раз он меня уже в кровать затащил, и это я его еще даже не любила, а что будет, если я завтра со своим признанием нагряну? Вдруг он доказательств потребует?

— Лучше на завтраке, — вслух решила я, получив одобрительное, бодрое курлыкание мочалок, которым в два часа дня спать совсем не хотелось.

Но я-то была измученная, не спавшая всю ночь и полностью обессиленная, и после вкусного обеда просто вырубалась.

И вырубилась, и судя по всему, проспала часов десять, чтобы в полночь проснуться от прикосновения.

Нет, на самом деле я проснулась от того, что хотелось в туалет, а едва ощутимые прикосновения к волосам ощутила уже после.

За моей спиной, поверх одеяла, кто-то нагло лежал и трогал меня. Уже в который раз я просыпалась от того, что в мою постель забиралась какая-то посторонняя личность. И вот вопрос: ну за что мне все это?

— Ты проснулась, я же чувствую, — раздалось сзади знакомым голосом одного печально известного мне охотника.

— Ра...

— Плохая идея, — сокрушенно вздохнул он, накрыв мне рот ладонью, — зачем кричать? Я пришел поговорить.

— Ммм! — я не знала, как он сюда забрался, но была уверена, что, если выживу, устрою Раяру такой скандал, такой! Ух, он у меня получит.

— Ну же, давай поможем друг другу, — мягко предложил охотник, просто прижав меня рукой к кровати, чем и лишил возможности двигаться. Я брыкалась, извивалась, пыталась как-то выбраться из-под его руки и одеяла, но не могла. А он ждал, пока я успокоюсь.

— Давай так, я тебя сейчас отпущу, а ты поведешь себя как взрослая девочка, не станешь кричать и драться. Договорились? — его дыхание шевелило волосы на затылке, и это отчего-то была так неприятно, что хотелось выть. — Мы просто поговорим, и я уйду.

Я затихла, впечатленная его обещанием.

— Молодец.

Меня отпустили и даже не препятствовали, когда я села, сбросив с себя одеяло.

— Мочалки мои где? — это было первое, что я спросила у мужика, нагло развалившегося на моей постели.

— Что? — опешил он. — Разве ты не должна меня сейчас спросить, как я попал в твои покои?

— Это второй вопрос в списке, — грозно призналась я, обеспокоенно рассматривая постель. В ногах никто не лежал, — что ты сделал с мочалками?

Охотник молчал, непонимающе глядя на меня. Пришлось пояснить:

— С нарзами что?

— На полу, — с заминкой ответил он, странно глядя на меня. Я без препятствий выбралась из кровати, чтобы увидеть, как мои дорогие зубастики, обмотанные тонкими нитями, лежат на полу в изножье кровати и не могут даже курлыкнуть.

— Ну ты...

В рассеянном свете светильников его улыбка показалась мне просто возмутительно насмешливой:

— Тебя действительно заботит их судьба? Можешь быть спокойна, они целы, просто лишены возможности двигаться. С рассветом заклинание спадет само.

— Тогда второй вопрос: как ты сюда попал?

— Ты не зашториваешь окна на ночь, — с самой отвратительной улыбкой произнес Охотник, кивнув на окно, сквозь которое на пол косыми полосами падал лунный свет, — сегодня полнолуние, в такие ночи тот, кто умеет путешествовать по лунному лучу, способен пройти незамеченным сквозь любую защиту. Я умею.

— А если бы я зашторила окно?

— Меня бы тут не было, — подтвердил он мои самые страшные опасения.

— Не везет мне просто зверски...

— Напрасно расстраиваешься, — Охотник плавно поднялся с постели, и мне пришлось бороться с жгучим желанием броситься вот прямо сейчас к Раяру. Про его амулет я благополучно забыла, хотя тот висел у меня на шее, согревая грудь своей призрачной защитой.

Просто, зачем вызывать его сюда и подвергать мою комнату риску разрушения во время сражения, когда можно нагряться к нему?

Но Охотник обещал уйти, как только я его выслушаю, и я пока не спешила знакомить его с моим кошмаром.

А этот наступал, плавно, медленно, словно крадучись:

— Мне нужно кое-то уточнить, и, просто поверь, это так же в твоих интересах.

— Уже поверила, — соврала я, разумеется, не спеша ему верить, — чего тебе надо от меня?

— Проверить, как далеко адепты успели завести обряд.

Вот тут я невольно отступила, растеряв всю свою нервную смелость.

— Что?

Он не ответил, просто в одно мгновение оказался рядом со мной и крепко схватив за запястье, бросил два непонятных слова, ненадолго повисших в тишине.

А потом у меня перед глазами снова потемнело. Да еще зловеще так, медленно, словно издеваясь, и я не выдержала:

— Раяр!

Охотник выругался, но руку мою отпустил не сразу. Замешкался, и в первое мгновение мне даже показалось, что тьма, бросившаяся от двери в покои хищника, попросту сожрала его. Но нет, не успела тьма схлынуть, как охотник оказался у окна, купаясь в лунном свете, с укором глядя на меня.

— Несмотря на твою неблагодарность девочка, я готов поделиться с тобой важной информацией.

Мне на плечи опустились широкие ладони, а вокруг ног за клубилась тьма, и на провокационный вопрос Охотника:

— У меня есть две новости хорошая и плохая с какой начать?

Я бесстрашно ответила:

— С хорошей, конечно.

— Адепты больше не потревожат тебя. Я увидел, что сосуд испорчен и расскажу им об этом, — говоря это, он с намеком глянул на Раяра, безмолвно стоявшего за моей спиной. Тот никак на эту новость не отреагировал, но заметно расслабился. Руки на моих плечах дрогнули и сжались чуть крепче, но этот жест был каким-то... облегченным, что ли. Словно хищник выдохнул.

— А плохая?

— С силой, что они успели в тебя влить, разбираться придется самой.

— Что?

Но ответить мне уже никто не мог. Охотник просто растаял в лунном свете, оставив меня наедине с Раяром и скованными мочалками. Две тени, скользя по полу, метнулись за охотником и так же растаяли, спеша по следу своей жертвы.

А я стояла, смотрела на окно и поворачиваться к хищнику категорически не хотела. Не то, чтобы он вел себя странно или пугающе, он просто стоял за спиной и молчал.

Ждал, видимо, когда во мне сознательность проснется... или совесть. А во мне пока только инстинкт самосохранения проснулся, он же и толкнул на глупость.

— Раяр, я тебя прямо очень-очень люблю, ты меня только не убивай, пожалуйста.

Не поверил, но отмер и медленно меня к себе развернул, собираясь заглянуть мне в глаза. В этом наши с ним желания расходились, просто я на него смотреть совсем не хотела. И не смотрела.

— Яна, посмотри на меня, — у кого-то было очень плохое настроение. И вот по идее, это я должна сейчас тут беситься, это же ко мне в комнату посреди ночи по какому-то дебильному лунному лучу совершенно посторонний мужик нагрязнул, так почему злитесь Раяр, а не я?

— Ззачем?

— Нужно проверить слова Охотника.

— О том, что сектанты в меня какую-то силу влили? — с ходу догадалась я, но глаз все равно не подняла. — А давай не будем ничего проверять? Давай просто ему не поверим?

Раздраженно цыкнув, хищник меня отпустил.

— Хорошо... тебе нужно успокоиться, я понял.

Удивленная, я уже было наивно решила, что он мою просьбу собирается выполнить, но нет. Раяр просто задернул шторы, отрезая лунному свету дорогу в мою спальню, после чего он уж слишком угрожающе посмотрел на моих мочалок, и, покорные его взгляду, к ним потекли тонкие черные щупальца, выползшие, казалось, прямо из-под босых ног моего кошмара.

И это было не к добру. Совсем-совсем не к добру.

— Ты что делаешь? — всполошилась я, бесстрашно бросившись наперерез тьме, стараясь загородить моих мочалок.

— Они не в состоянии справиться со своей работой, — сухо заметил Раяр, который, в общем-то, прекрасно знал, как именно в мою комнату попал Охотник, и винил в этом почему-то моих мочалок, — эти нарзы не могут тебя защитить, значит, я создам новых.

— Не надо новых!

— Ты понимаешь, что он мог тебя убить? Ты не успела бы меня позвать, даже понять ничего не успела бы. Понимаешь? И все из-за того, что эти нарзы забыли, для чего были созданы!

Раяр почти орал, весь такой грозный и злой, а щупальца эти мерзкие продолжали тянуться по полу, по черному меху шкуры какой-то огромной зверюги, которая при жизни скорее всего была чертовски опасной, и уже почти подобралась к моим ногам.

И мне бы отступить. Честно, очень хотелось, но за спиной мочалки, которые и двинуться не могут. И это так бесило...

— Все из-за того, что у тебя не замок, а проходной двор какой-то. Защиты нет вообще, заходи кто хочет, делай что душе угодно! — рявкнула я, от полноты чувств топнув ногой. И тут же с визгом отшатнулась, потому что из-под моей ноги во все стороны брызнули черные искры.

Но сзади-то были мочалки, и одной из них серьезно не повезло. Кажется, это был Бося, и я отдала ему все, что только смогла, а попытавшись исправить ситуацию, неловко отпрянула и чуть не свалилась сразу на обеих мочалок, так обидно потеряв равновесие.

Раяр оказался рядом в считанные мгновения и, больно схватив за кисть, рывком поставил на ноги, не дав мне никого раздавить.

— Спа...

— Тэс гелар, — перебил он, не приняв мою искреннюю благодарность и слишком крепко сжимая запястье.

Я даже не сильно удивилась, когда зрение вновь отключилось, прекрасно помня, какими именно словами меня совсем недавно Охотник напугал. Так вот, это была совсем та же

самая фраза.

Дурацкий мертвый язык, дурацкие хейзары, дурацкий Излом... и бедная, несчастная я.

Хотя, если судить по выражению лица Раяра, которое я увидела сразу после того, как тьма схлынула, бедным и несчастным здесь считал себя как раз таки он.

— И что это значит? — угрюмо поинтересовалась я, впечатленная его обреченным взглядом: — Что ты только что сказал?

Признаться, я думала, он не ответит, но нет, отмер после недолгого молчания, моргнул и глухо пояснил, продолжая сжимать мое запястье. И пальцы у него чуть заметно подрагивали:

— Приветствие тьмы.

— И что бы это значило? — робко спросила я, ожидая услышать, что это полный трывец, и я скоро умру.

Ну... услышала почти то, что и ожидала:

— Мы сейчас же отправляемся в Светлую империю!

— Зачем?

Вопрос мой остался где-то там, в мрачной спальне, вместе со связанными мочалками, в то время как мы вывалились в уже знакомой мне прихожей.

Я в ночнушке и Раяр... тоже не по случаю одетый.

— Вэйд!

Кажется, на этот раз мы никого от важных дел не отвлекли. По крайней мере, здесь было позднее утро. Достаточно позднее, чтобы на рев Раяра, помимо Вэйда, выскочила еще Селина и несколько слуг. Слуги сбежали тут же, Сэл бросилась ко мне с радостным возгласом:

— Живая!

— Ты тоже, — фыркнула я, отвечая на крепкие объятия.

— Что на этот раз? — устало спросил племянничек, с бесконечным терпением глядя на нас.

И я его даже понимала, не успел несчастный от нас отдохнуть, как мы вновь вернулись.

Непричесанные, помятые и очень деловые. Я бы нас выставила, вот честно, а этот стоял, грустил, но Раяра выслушал. И даже маршрут указал.

Но не в какие-нибудь смущающие дали, а в храм с самыми талантливыми, по его мнению, жрицами и сильной мудрой. Собственно, именно туда, куда Раяру и требовалось.

А мой кошмар даже спасибо не сказал, просто кивнул, не факт, что даже благодарно, отцепил от меня очень эмоциональную Селину и утянул за собой в темноту, крепко держа за руку.

Следующим местом нашего появления стал храм.

Огромное, светлое помещение, полное мрамора, белых, мощных колонн и гулкого эха.

А за колоннами, прыснувшие в разные стороны при нашем появлении, прятались еще не инициированные, но уже забранные из семей в храм послушницы. Им еще только предстояло стать жрицами и утратить свою суть, а пока они были живыми, могли чувствовать и бояться.

И они нас совершенно точно боялись. Темных, странных, совершенно чуждых этому

месту.

Вот только Раяра интересовали не они, и мой кошмар даже не стал отвлекаться на их пресные эмоции, уверенно таща меня по гулкому помещению к арке, ведущей в следующий зал.

Три храмовника, вознамерившиеся преградить нам путь, были попросту снесены черной волной.

И вот тогда-то недожрицы завизжали.

А Раяр пер напролом, казалось, вовсе не слыша этот оглушающий, жуткий визг. Даже не поморщился и уши зажимать даже не подумал, и мне не дал, не выпуская мою руку из захвата. А я бы с удовольствием заткнула уши, акустика здесь была шикарная, а голоса у девиц сильные и до неприличия звонкие.

В следующей зале было куда как уютнее и тише, что особенно ценно. Мрамор согревал солнечный свет, льющийся из врезанного в потолок стеклянного полукруга. Смещенный к дальней стене, журчал небольшой, но очень красивый белый фонтан, а там, за фонтаном, во всю стену имелась огромная мозаичная картина. Светлая, будто бы сияющая женщина на ярком лазурном фоне.

— Раяр, — я попыталась тормознуть, остановить его, заставить хотя бы сбавить шаг, но хищник не обратил на это никакого внимания, и только его холодненькие пальцы сильнее сжали мою ладонь.

А от фонтана, поднявшись с бортика, нам на встречу шагнула суровая женщина. Поверх белого ее платья, расшитого золотой нитью, висел привлекающий взгляд большой сияющий круг на тонкой цепочке — отличительный знак мудрой.

— Вы-то нам и нужны, — обрадовался Раяр, выставя меня перед собой, — мне нужно благословить эту человечку.

Мудрая как поднялась, так и села обратно, схватившись за свою подвеску.

— Что?

— Благословите ее, только несильно. И поскорее, пожалуйста, — нетерпеливо потребовал мой кошмар, который с сегодняшнего дня, кажется, станет всеобщим кошмаром этого храма.

— Вы...

— Я, — подтвердил Раяр, коротко рубанув, — прошу.

— А, может, не надо? — пробормотала я, прижимаясь спиной к его груди, так как помнила еще, что было в прошлый раз, когда я под благословение попала.

— Нужно изгнать из тебя все, что адепты успели влить во время обряда, — тихо, сквозь зубы, процедил Раяр, напряженно глядя на опешившую женщину.

А та не могла прийти в себя, круглыми глазами вглядываясь в нас, и не в силах даже моргнуть.

— Мне долго ждать? — раздраженно поинтересовался хищник, и Мудрая отмерла.

Поднялась, вокруг как-то совсем внезапно засуетились жрицы. Инициированные, впустившие в себя свет и совершенно безэмоциональные. Одна сплошная благожелательность и не единого просвета сознания в глазах. Послушные куклы, которыми управляет эта немолодая и уже совсем неприятная женщина. Кукловод, что б ее.

— Раяр, я не хочу...

— Самому неприятно, — признался он, следя за приготовлениями, — неделю потом придется терпеть на тебе их благословение.

Девушки принесли большую золотую чашу, в которую прямо из фонтана набрали воды, кинули несколько мутно-белых камней... Я попыталась сильнее вжаться в хищника, ощущая, как меня накрывает неконтролируемая паника.

Я не хотела благословляться, просто до крика не хотела, а этот держал. И там все уже заканчивали приготовления, а я тут... тут... в тревоге ждала неизбежного, подсознательно понимая, что не переживу этого их благословления.

Дальше все произошло как-то само. Мудрая просто повернулась ко мне, и я в страхе, зажмурившись, провалилась в Раяра. Вернее, мне так показалось сначала, и только спустя несколько мгновений я поняла, что провалилась на самом деле во тьму и сейчас неизвестно где, и совсем не понимаю, как отсюда выбираться. И Раяра рядом не было.

Короткое мгновение полнейшего ужаса сменилось таким же полнейшим шоком. Из темноты я вывалилась в лес, прямо на сырой мох.

Лес был мне несколько знаком, все эти ели, туман, запутавшийся в их колющихся зеленых лапах. Мох и странные шорохи. И я, вся такая красивая, в одной ночнушке и босиком.

Сначала я встала, чувствуя, как мягко проминается под пятками мох, такой мягкий и очень приятный, но просто до безобразия влажный. Потом выругалась, громко и от души. Вспомнила все матерные слова, которые знала и которые подошли бы к данной ситуации. Собственно, на этом мой запал и угас. Как здесь оказалась, я не знала, как отсюда выбираться — также не имела понятия, найдет ли меня здесь Раяр?.. Ну, конечно, хотелось в это верить, но робкий оптимизм был безжалостно забит логикой и трезвым взглядом на жизнь.

— Мне кранты...

— Признаться, я думал, человечка Раяра будет более оптимистичной барышней, — раздалось насмешливое, и ко мне, прямо из тумана, шагнул Шэйн. Собственной персоной.

А тучи-то над моей головой сгущались все сильнее, ну, а я что? Хочет он оптимистичную барышню? Да пожалуйста.

— Здрости, — радостно пропела я, спрятав подрагивающие руки за спину и крепко сцепив их в замок. Было у меня такое странное ощущение, что крыша моя конкретно съехала и держится уже просто на честном слове.

Жаль, конечно, что тут психотерапевтов нету, мне бы не помешало записаться на пару-тройку десятков приемов.

— Девочка, — мягко позвал этот сумеречный, благосклонно глядя на меня.

— Яна.

— Девочка Яна, — усмехнулся он, — и что же ты делаешь здесь одна?

Выразительно оглядевшись, он миролюбиво поинтересовался:

— Раяр где?

Зачем он о хищнике вспомнил? У меня же так хорошо получалось держать себя в руках. А после этого вопроса руки просто безвольно опустились.

— Эээ... девочка, — удивленно позвал Шэйн, сделав ко мне один маааленький, неуверенный шаг, — Яна?

А Яна плакала, обессиленно опустив руки, не имея сил даже вытереть слезы.

— И что случилось? — хмуро поинтересовался этот сумеречный, убедившись, что все это взаправду, и у меня действительно вялая истерика, что я не притворяюсь.

— Меня сектанты того... — голос сорвался, а меня затрясло, — испооортили.

Лицо у Шэйда забавно вытянулось, но он быстро взял себя в руки. И меня тоже в руки взял, чтобы вместе со мной ступить в туман, смешавшись с ним и полностью в нем растворившись.

Вышли мы уже около двухэтажного, весьма миленького домика, в котором очень уютно горел свет на первом этаже. Туда-то меня и потащили, чтобы я с приятным удивлением осознала, что Шэйн — шикарный мужик.

Чай, по крайней мере он заваривал просто мастерски, и булочки в его доме были свежие и очень вкусные, и кухня такая уютная, очень обычная... безо всяких скелетов и цепей.

— Успокоилась? — поинтересовался этот замечательный нечеловек, подливая мне чаю и с умилением глядя на то, как я с аппетитом доедаю вторую булочку. Первую жевала с трудом, рыдая и икая, а сейчас вот успокоилась, вкус распробовала и очень голодной себя почувствовала.

— Уфпокоилафь, — подтвердила, с интересом разглядывая кухню. Любовь местного населения меня уже даже не удивляла, Шэйна можно было считать оригиналом хотя бы потому, что черный камень он заменил на насыщенное, очень темное, но с явным кофейным оттенком, дерево.

— Тогда рассказывай.

— А что тут рассказывать? — печально вздохнула я, протягивая ему руку над столом. — Поприветствуйте тьму, и вы сами все поймете.

Шэйн не поверил. Несколько секунд он в смятении всматривался в мое лицо, все больше поражаясь той уверенности, которую я испытывала.

— Да быть такого не может, — пробормотал он, ухватив меня за руку. Ладонь у него была теплая и такая... человеческая что ли. Широкая, шершавая, крепкая, успокаивающая такая.

— Тэс гелар.

Тьме я уже даже не удивилась, зато Шэйн подскочил, опрокинув стул, на котором сидел, но не выпустив мою руку, и витиевато выругался на мертвом языке.

— Кто с тобой это сделал? — спросил он сразу же, как сумел изъясниться понятными мне словами.

— Сектанты.

Море непонимания в серых глазах.

— Адепты.

И снова непередаваемый мертвый матерный язык и совершенно невероятное:

— Тебя нужно срочно благословить...

— И вы туда же?! — я грохнула чашкой об стол, не обратив внимания на расплескавшийся чай. — Зачем благословлять-то сразу?

— Чтобы выжечь из тебя эту дрянь, — ничуть не впечатленный моим возмущением, он протянул мне салфетку. Белую, что удивительно. Я так привыкла к черному, что несколько секунд просто разглядывала совершенно белоснежную ткань.

— А с ней жить я что, не смогу? Приспособилась бы как-нибудь.

— Твое тело может не выдержать, и Таргот знает, что случится, если сила выйдет из-под контроля...

— Так вы не обо мне беспокоитесь, да? Вы боитесь, что я вам катастрофу тут устрою и ваш увечный Излом окончательно крякнется. — самое забавное, что мне даже обидно не было. Чего еще я могла ожидать от незнакомого мужика, самой что ни на есть подозрительной наружности? — А что за Таргот такой? И почему он все знает? Раяр вот

его тоже упоминал несколько раз.

Он собирался объяснить, я прямо чувствовала это, но, внимательнее ко мне присмотревшись, почему-то передумал.

— У Раяра спроси, пусть он тебя и просвещает, а я не нанимался детей плохому учить.

— Я, вообще-то, не ребенок.

Шэйн закатил глаза, но, вместо того, чтобы сказать какую-нибудь гадость, вернулся к важному:

— Допивай чай, мы отправляемся в Светлую империю.

— Ннне самая лучшая идея, — была вынуждена признаться я.

— Почему?

— Видите ли в чем дело, Раяр тоже считал, что нам нужно к светлым, и даже до храма меня дотащил, там и приготовления к благословению начали, и...

Я замаялась, не зная, как ему объяснить, что я из храма сюда сбежала, и если он меня опять туда потащит, есть все шансы, что сбегу еще раз в какое-нибудь совсем неизвестное место.

— И? — поторопил он меня.

— И, собственно, именно поэтому я тут оказалась. Благословляться не хотела очень... вот.

Признание мое произвело фурор. Шэйн медленно поднял опрокинутый стул, так же медленно с совершенно ошалевшим видом сел на него и только после этого выдохнул:

— Ты не могла переместиться самостоятельно. Сила не должна тебя слушать.

Смущенная его видом, я развела руками, чувствуя за собой какую-то вину:

— Ну вот она я, здесь. Сама пришла.

— Человек никогда...

— Слушайте, я же не просто человек, — возмутилась я, на короткое мгновение засомневавшись. А можно ли ему рассказать? Ну, а с другой стороны, Охотник сказал, что я теперь для сектантов непригодна, и мне очень хотелось ему верить, — я бракованный сосуд Рассах, вот.

— И что это значит? — нахмурился Шэйн.

- Понятия не имею, мне так Охотник сказал. Я теперь бракованный сосуд Рассах, и сектантам... адептам больше не подхожу.

Недолго попрессовав меня тяжелым взглядом, но так ничего и не добившись, несколько угрожающе процедил:

- Ясно.

Лично мне совсем ничего не было ясно, но я скромненько молчала, а Шэйн времени зря не терял. Нашептав что-то себе в кулак, он запустил в воздух вестника. Черная птичка, пару раз взмахнув крылышками, зависла на одном месте, будто бы разыскивая в пространстве адресата, а потом резко взмыла вверх, протаранив потолок и скрывшись с глаз.

— Ого... — несколько мгновений я просто очень внимательно разглядывала потолок, силясь разглядеть такой же дымный круг, что остался на стекле в замке моего кошмара после вот такого же сумеречного вестника, но Шэйн очень быстро меня отвлек.

- А пока мы ждем Раяра, может, еще по чашечке чая?

- Ааа мы ждем Раяра? — глупо переспросила я, чувствуя, что это чаепитие может оказаться последним в моей жизни. Еще неизвестно, что сделает со мной хищник после того, как я сбежала. Зная его гадскую натуру, почти даже и не сомневаюсь, что оправданий моих он слушать не будет... — А ничего покрепче у вас нет?

Шэйн удивленно на меня посмотрел, но туман уже тащил к нам бутылку темного стекла, в которой что-то очень привлекательно булькало. Следом за бутылкой летели два бокала.

Сами долетели, сами наполнились, сами влетели в протянутые руки. Я честно старалась делать все так, как это делал Шэйн, но от неожиданности дернулась и оставила на столе несколько капель, которые тут же впитал туман, по ходу дела убрав и разлитый чай. А мне достался осуждающий взгляд сумеречного.

— Простите...

Глава пятнадцатая. Первая

К тому моменту, как Раяр все же заявился в домик к хозяину Сумеречной зоны, мы успели выпить полбутылки, а размякший Шэйн — даже пожаловаться на жизнь.

— Представляешь, ни одной живой души, — уже в третий раз за последние пятнадцать минут повторил он, щелчком пальцев подзывая бутылку. Окутанная туманом, та покорно подлетела, наполняя сначала мой, а потом и его бокал, — даже обычные животные не хотят селиться на моих землях, здесь выживают только монстры.

Я была очень благодарным слушателем. Сидела, молчала, сочувственно вздыхала и понимающе кивала, цедя вино.

И на задумчивое:

— Может, мне тоже стоит человека завести?

Отреагировала лишь тяжелым вздохом.

Приехали. И этот туда же. Плохо на местных монстров влияет знакомство со мной.

Появление третьего в нашей теплой компании я даже не заметила. Просто на кухне вдруг стало чуточку темнее, а Шэйн грустно вздохнул.

— Уже пришел, — смерив взглядом хищника, он кисло поинтересовался, — почему такой помятый?

Ответа на вопрос, разумеется, не получил.

Я, если честно, тоже была не очень рада видеть Раяра... дура я, что ли, радоваться такому злющему чудищу?

— Я разыскивал Яну по всему Излому, — глухой от злости голос чуть заметно подрагивал, кого-то прямо разрывало от гнева, — в то время, как ты ее здесь спаивал?

— Справедливости ради, стоит заметить, что это она меня спаивала. — флегматично заметил Шэйн, поманив к себе бутылку. Не умел он хранить секретов и не посчитал нужным утаивать от моего кошмара кто именно был инициатором попойки. — Но раз ты тут, может, объяснишь, почему Яна считает себя испорченным сосудом Рассах?

Не знаю, чего я ожидала, но когда Раяр пододвинул свободный стул поближе ко мне, сел и отнял бокал, очень удивилась.

Я-то настраивалась на грандиозный скандал, а что получила?

— Иии, ты больше не злишься? — несмело уточнила я, невольно сжавшись, когда его рука опустилась на спинку моего стула.

— Дома поговорим.

— А я тебя люблю, — три бокала вина (два с половиной на самом деле), страстное желание жить и как-то отменить это «дома поговорим», как выяснилось, творят чудеса. И пробуждают любовь.

— Не чувствую, — хмуро отозвался Раяр, перехватывая контроль над бутылкой. Серый туман сменился беспросветной тьмой, и бутылка очень резво поплыла к моему кошмару.

Мне же оставалось проводить ее грустным взглядом, прекрасно осознавая, что мне больше не нальют, и очень печально вздохнуть:

— Это потому что ты бесчувственный.

Шэйн весело фыркнул, и нагло прервал наши вялые разборки.

— Это все очень забавно, и я определенно хочу завести себе человечку, но давайте вернемся к нашей проблеме?

— Зачем возвращаться к проблемам? — приуныла я. — Давайте о них просто забудем.

Но меня уже не слушали.

— Что значит «испорченный сосуд Рассах»?

— Яна участвовала в обряде, — нехотя ответил мой кошмар, искоса глянув на меня, зачем-то уточнив, — повторном. Первое пробуждение я успел прервать в самом начале, но во второй раз опоздал. Мать не успела услышать зов, но ее сила уже начала заполнять сосуд.

— Обряд был прерван, и вся сила, что успела влиться в Яну, потеряла связь с Рассах, — задумчиво перебил хищника Шэйи, помрачнев.

Теперь за столом сидели две угрюмые тучки и я.

— И почему тогда я больше не подхожу для Рассах? Ее же сила во мне уже есть, — задала я животрепещущий вопрос. В смысле, понятно, что не подхожу, потому что в этом уже все вокруг уверены, но... почему?

— Это больше не ее сила, — Раяр в упор посмотрел на меня, и Шэйи тоже смотрел, обвинительно так, будто бы это я тут в чем-то виновата. Оказалось, что, по мнению этих ужасиков, я и правда виновата, — ты ее впитала. Теперь это твоя сила.

— Ты больше не человек в полном понимании этого слова. После незавершенного обряда эта сила лишила тебя возможности принять в себя Изначальную Тьму, — подтвердил Шэйи.

— И вы решили меня благословить, чтобы я снова стала сосудом? — да, в моем голосе прорывалось неподдельное возмущение, которое было задушено ровным:

— Ты уже никогда не сможешь принять Рассах, но благословение выжжет из тебя лишнюю тьму, — Раяр был запредельно серьезен и прочно верил в то, что говорил, — в противном случае она просто уничтожит тебя.

— Ага, и весь ваш Излом...

Раяр непонимающе посмотрел на меня, за разъяснениями повернулся к Шэйи.

— А ты не знаешь? — удивился тот, но тут же сам себе ответил. — Конечно, не знаешь, о чем это я. Едва ли Рассах стала бы распространяться об этом. В начале правления света и тьмы Излом был почти в два раза больше, но...

С сомнением посмотрев на меня, а потом на Раяра, Шэйи весело спросил:

— Надеюсь, ты не очень расстроишься, если узнаешь, что был не первым ребенком Рассах? Первым она изменила человеческого мальчика, наполнив его тьмой. И, скажем так, это оказалось самой глупой ее идеей за все время существования Излома. Итогом был очередной раскол, мы лишились одного материка и довольно ощутимой части населения.

— Но об этом нигде не написано! — воинственно заметила я, чуть подавшись вперед.

— Конечно, не написано, — усмехнулся Шэйи, — это секрет Рассах, о котором, кроме меня и Мирай, не знал никто.

— Просто поразительно, — пробормотала я, откинувшись обратно на спинку стула. Рука Раяра никуда не исчезла, продолжая касаться моей спины.

А меня накрыло неожиданное озарение:

— Погодите-ка! Но если Раяр об этом не знал, — я медленно подняла на него глаза, до глубины души пораженная неожиданным открытием, — это ты чего, это ты меня в храм потащил, потому что за меня боялся, а не за ваш этот Излом?

Раяр нахмурился. Роба кирпичом, сидит, ни в чем не признается и смотрит куда угодно, но только не на меня.

А я же, я же прямо все!

— Яна, перестань, пожалуйста, — сдержанно попросил мой кошмар, которого, кажется, основательно долбануло умилением.

— Не могу, — призналась с улыбкой. Спинка моего стула едва слышно затрещала под ладонью хищника, заставив всполошиться Шэйна:

— Этому стулу почти сотня лет, не смей его ломать! Яна, что бы ты не делала, прекрати!

— Да как же я прекращу? — удивилась я, смело придвинувшись к хищнику. А потому что не надо сидеть в зоне поражения. Вот если бы он рядом с Шэйном расположился, то сейчас бы не страдал. Хотя, страдал бы, конечно, но не застыл бы каменным изваянием, ошалев от внезапной порции обнимашек. Я просто не утерпела, не смогла держать в руках себя и решила немного подержать его.

Спинка стула треснула, но на это я беспечно не обратила внимания, а потом крикнулся бокал в судорожно сжатой ладони, вот это и заставило меня подскочить:

— Да как же ты так-то? — возмутилась я, схватив его руку и с силой разжимая влажные от вина черные пальцы.

Несколько осколков врезалось в ладонь, один пропорол указательный палец у основания, остальные легко ссыпались на стол.

Кровь смешалась с вином.

Шэйн не возмущался, напряженно следя за мной, пока я, ругаясь себе под нос, осторожно вынимала осколки, периодически с ругательств срываясь на утешения.

— Это унижительное сомнение в твоей неуязвимости — человеческая забота? — задумчиво спросил у хищника сумеречный, когда я прижала белую салфетку к ладони Раяра.

Тот не ответил, пришибленный моими эмоциями, не до конца понимающий, что происходит, безропотно позволяя мне хозяйничать.

Через неполную минуту от ранок на его руке не осталось и следа, осколки и разлитое вино, вместе с измазанной кровью салфеткой исчезли во тьме, а я была усажена обратно на стул и прижата к хищнику.

Таким странным образом он отреагировал на совершенно безобидное на первый взгляд предложение Шэйна:

— Не хочешь оставить ее у меня? Я сам позабочусь о том, чтобы Яну благословили.

— У нас взаимность, — нагло заявила я, не очень прояснив ситуацию. Зато Раяр расслабился, весело хмыкнув.

Но от обряда меня эта его веселость, к сожалению, не спасла...

Повторное явление помятых, мрачных и неодетых нас в храме было встречено с молчаливой покорностью.

Уже подготовленная чаша стояла на краю фонтана, перед которым мне было велено встать на колени.

Вода успокаивающе журчала, искрясь и сияя под солнечными лучами, и вся атмосфера, такая умиротворенная и светлая, призывала расслабиться, подчиниться нежным девичьим рукам и позволить Мудрой меня благословить.

Я в какой-то мере подчинилась. Позволила увести меня от хмурого Раяра, оставшегося стоять в шаге от арочного свода и покорно опустила на неожиданно теплый мрамор, с безнадежным смирением следя за тем, как Мудрая, подняв чашу, обошла меня кругом.

Тихий шепот велел сидеть смиренно и смотреть строго вперед, не крутя головой. Я подчинилась.

Вытерпела три обхода и даже не вздрогнула, когда один из камней, выловленный из чаши иссохшей тонкой рукой, коснулся лба. Несколько капелек тут же щекотно скатились по коже, но я терпела.

А потом жрица заговорила.

Мягкие, какие-то круглые слова, напевный, нежный голос, эхом отдающийся от белых стен...

Не по себе мне сделалось сразу же. Внутри недовольно заворочалось что-то темное и страшное, поднялось, вспенилось, занимая меня полностью. Влажный след на лице начало едва ощутимо покалывать. Замычали что-то жрицы, поддерживая Мудрую.

Я могла гордиться, для меня расстарались на славу. Благословение самого высшего уровня.

Но солнечный свет жег кожу, и я не могла по достоинству оценить оказанную мне честь.

Камешек, прижатый к моему лбу, будто раскалился, но Мудрая держала его все так же спокойно и легко, а я едва держалась, чтобы не отшатнуться.

Стерпеть до конца благословения я просто не смогла. Острая, колющая боль, вцепившаяся в сердце, вырвалась из меня тихим, сдавленным стоном. Мудрая сбилась с ритма, я отшатнулась, разрывая контакт с камнем, упала на спину и уже не смогла подняться, все вокруг затопила тьма.

Кто-то в ужасе завизжал, заставив меня отстраненно подумать о том, что напрасно они для меня так расстарались.

Вполне возможно, обойдись светлые простым благословением, все прошло бы без неожиданностей.

Но нет, Мудрая решила не идти простым путем, и теперь я лежала на полу, чувствуя, как в судорогах бьется мое тело, а вокруг меня бушевала тьма и, возможно, даже кого-то сейчас с аппетитом поедала.

Это длилось недолго, не больше секунды, но для меня эта секунда растянулась в вечность, оборвать которую удалось лишь Раяру. Рядом со мной он оказался внезапно, поднял с пола и куда-то потащил. И пока он уносил меня из храма, я чувствовала, как его тьма теснит мою. Не видела, потому что кругом была одна сплошная чернота, и оттенков она не имела, но ощущала, как мои жадные щупальца загоняют обратно. Они огрызались, пытались прорваться, но Раяр не сдавался, и им приходилось отступать, возвращаясь ко мне, скручиваясь тугим узлом прямо под сердцем.

Обессиленно опустив отяжелевшую голову на плечо моего кошмара, я беспомощно ждала, когда пустота в груди заполнится.

Выйдя в просторное помещение с колоннами, где мы уже успели один раз напугать послушниц, Раяр переместился.

Из комнаты с фонтаном он этого сделать почему-то не мог, и на солнце, сияющее сквозь стеклянный потолок, выходил с неохотой, и вообще непонятно было, то ли это своеобразная дань уважения пресветлой, то ли ему действительно тяжело было находиться в месте, полном силы Мирай.

Вышли мы уже в знакомом зале с люстрой, с тронem, с черным, холодным мраморным полом, пронизанным сероватыми жилами, на который меня не пустили.

Продолжая держать на руках, Раяр уверенно направился к открытым двустворчатым дверям, изредка, чтобы сократить путь, перетекая из начала одного коридора в начало другого. Зачем такие сложности, когда можно было сразу переместиться в нужное место, я поняла не сразу. Только после четвертого такого перемещения осознала, что ком в груди больше не шевелится, убаюканный маневрами хищника. Ему нравилось перемещаться и нравилось чувствовать тьму рядом с собой. Пускай чужую, которая совсем недавно заставила его вернуться на свое законное место, не позволив съесть кого-нибудь, но все равно отчаянно близкую.

После шестого перемещения я даже смогла тихо спросить, не обращая внимания на колючую боль, с которой слова прокатывались по пересохшему горлу:

— А мы куда? — странно я себя очень чувствовала. Состояние было такое, будто я сорвала голос от крика... но я не кричала.

— Сейчас все увидишь, — хмуро ответил Раяр, не удостоив меня даже взгляда.

— Ты на меня злишься, да? А за что?

Откашлялась, несколько раз с трудом сглотнув, и это помогло. Горло больше не разрывалось от каждого слова, но сипеть я не перестала.

— Не на тебя.

Меня ответ не устроил, но это было сущей мелочью по сравнению с тем, что я увидела, когда мы все же дошли.

Раяр притащил меня в подвал. К камере, в которой уже вовсю шел процесс обустройства. В отличие от соседних, в этой уже был чистый пол, удобная кровать, стол и даже стул.

И именно на стул хищник меня и сгрузил.

— И как это понимать?

— Ближайшие несколько дней тебе придется побыть здесь.

— Ззачем?

— Я бы не хотел, чтобы ты навредила себе и разнесла мой замок. Благословения светлых, сломавших защиту изнутри, было достаточно.

— Что? Но почему? — я крутила головой, отмечая, как прямо из воздуха в черном облачке появляются все новые и новые вещи. Несколько моих платьев, тапочки, шкура у кровати... мои все еще обездвиженные мочалки. — За что?

— Благословение уже не поможет, — Раяр был напряжен и раздосадован и даже не пытался этого скрыть, что меня очень беспокоило, — сила прижилась.

Прозвучало как приговор...

— И меня теперь разорвет от собственной крутости? — тихо спросила я, чувствуя, как от страха холодеют руки.

— Нет.

— Это ты меня успокоить пытаешься? Обманываешь, да?

— Зачем мне? — удивился он, продолжая возвышаться надо мной хмурым, задумчивым изваянием. — Тебя сила от благословения защитить пыталась, опасность почувствовала, значит, приняла тебя. Теперь осталось ее подчинить.

Он молчал и смотрел, будто ждал вопросов. И я молчала, не потому, что все поняла, и спросить было нечего, просто в голове вдруг стало совершенно пусто.

Хотя нет, одни вопрос там все же остался:

— И что я теперь?

Раяр неопределенно хмыкнул, устало присев на корточки, взяв мои ледяные руки в свои:

— Самому хотелось бы знать.

— Но я точно не человек, так?

Он кивнул, рассеянно перебирая мои пальцы. Я не возражала, это странным образом успокаивало, позволяя держаться за ускользающие остатки самообладания.

— И не хейзар?

— Определенно, нет, — усмехнулся он.

— Новый, блин, вид что ли?

Раяр тихо рассмеялся, глядя на мое недовольное лицо, чем только подтвердил это неприятное предположение.

Яночка теперь не человек, Яночка теперь мутант непонятного происхождения. Тайнственная монстряка...

— И как теперь жить?

Мой кошмар на этот животрепещущий вопрос ответил странным:

— Теперь я тебя уж точно не съем. Сила не позволит, — прозвучало очень предвкушающе. Я сразу напряглась и попыталась отнять свои руки, но хищник не пустил.

— И что бы это значило? — прямо спросила я, но Раяру очень понравилось не отвечать на мои вопросы. Вот и на этот он не ответил.

— Я тебя на сегодня запроу, нарз пришлю, — не обращая внимания на то, как меня всю перекосило от возмущения, пообещал, — вечером приду, а сейчас у меня дела.

— Ка-какие у тебя могут быть дела?

— Делмар с Айаной свое еще не получили, сейчас же у меня подходящее настроение для наказаний.

Кранты родственничкам, поняла я. Сочувствовала ли я этим неудачникам? Данисколько!

По сравнению со мной они еще легко отделались. Лучше быть побитым, но нормальным, чем... мной.

Раяр вон первый в своем роде, весь бракованный насквозь, а уж о том, сколько во мне косяков может оказаться, и думать-то страшно. Я ведь тоже... первая. Только меня вообще никто не планировал, я сама получилась.

Глава шестнадцатая. Как умеет

Я не пряталась, я отдыхала.

А то, что отдыхала в нише, выбитой в стене, на высоте, превышающей мой рост почти в два раза, так это мелочи. Главное, что нашла укрытие, сумела до него добраться и даже поместилась в нем, удобно схоронившись в ожидании, когда мой кошмар пройдет мимо, держа путь вниз, в подземелья, к клетке, ставшей моей комнатой на ближайшее время. А там уже можно будет выбирать и бежать куда глаза глядят, в поисках нового, более надежного укрытия.

Уж слишком ответственно Раяр подошел к процессу подчинения моей новообретенной силы, отчего я очень сильно страдала.

Вчера вот, например, спровоцировав нервную тьму, привычно дремавшую у меня под сердцем, он заставил меня переместиться, отчего я заработала несколько новых синяков и легкое сотрясение мозга. Просто вывалилась из тьмы во время перемещения у самой стены и по инерции в нее впечаталась. С размаху. Перемещение можно было считать успешно состоявшимся, но радоваться почему-то не получалось. Не способствовали этому головокружение и тошнота.

А за день до этого мы учились призывать ту самую тьму, после чего я полчаса не могла остановить кровотечение, как ни зажимала нос... и весь вечер мучилась от головной боли.

И ведь нельзя сказать, что Раяр был плохим учителем. Он старался все подробно объяснить и не прибить меня за тупость, даже когда очень хотелось. Я это просто по глазам видела, когда он велел расслабиться и просто почувствовать силу внутри, а я шмыгала носом и утирала первые капли крови.

Вот только я была никудышной ученицей, которой совершенно не хотелось осваивать новые возможности.

Было... страшно.

Пока я ничего не знала и не понимала, как это работает, можно было притвориться, что со мной все в порядке. Что я нормальная.

Конечно, амулет вызова перегорел после первого перемещения, еще там, на Потухшем острове, внутри меня жила тьма, и я стала четче чувствовать мочалок.

Уже не просто догадываясь, что они пытаются мне сообщить, но зная наверняка. Жутковато, если честно.

Хотя на это еще как-то удавалось закрыть глаза, чем я и планировала заниматься дальше.

Но спать я послушно продолжала в подземелье, прекрасно осознавая, что пока моя сила только привыкает ко мне, и по ночам я крайне опасна — хватило одного вида развороченной камеры после первой моей ночи после обряда, чтобы это осознать. Но днем я старательно обо всем забывала.

Ведь Раяр обещал, что со временем сила успокоится, и я смогу перебраться обратно в свои покои. Даже похвалил меня, сообщив, что беспокоился, как бы я не начала терять контроль и среди бела дня, когда бодрствую, но я его опасений не оправдала.

И как же иначе? Ведь я была мирным чудищем и безобразничала только в бессознательном состоянии.

А в сознательном вот, пряталась. От разыскивающего меня по всему замку кошмара пряталась и никакой вины за собой не чувствовала.

Просто старалась не испытывать очень сильных эмоций... как, например, нетерпения и жгучего желания, чтобы Раяр прошел поскорее. Очень надеясь, что если я буду спокойна, то хищник меня не засечет. И я была уверена, что справлюсь с этим.

Наивная и в себе уверенная пробыла недолго. Поза, в которой я забилась в эту нишу, даже не успела стать мучительно неудобной, когда совсем рядом раздалось насмешливое:

— Сама вылезешь или помочь?

Я молчала, старательно изображая из себя часть стены. Не моргаю, не дышу, ничего не вижу, ничего не слышу...

— Значит, помочь, — решил Раяр, неправильно поняв мое молчание.

Оно же не значило, что я тут застряла и сама выбраться не могу, оно ясно давало понять, что меня здесь нет, и всем мимо проходящим лучше и дальше проходить мимо.

Но кошмар у меня был крайне недогадливым обладателем дурацкого чувства юмора. Ну это он считал, что у него есть чувство юмора, но на самом деле его не было, зато была тьма, которая охотно меня из ниши и выдавила, заняв собой все пространство.

Вывалившись прямо в руки к веселому хищнику, я загрустила.

— Опять пойдем учиться, да?

— Сначала проверим, как сильно пострадала камера после этой ночи.

Затихнув в его руках, я ждала, когда мы спустимся по лестнице, пройдем мимо нескольких мрачных камер и остановимся у моей.

Поставить меня на ноги не попросилась, и даже не возражала, когда меня сжали чуть крепче. Просто... комнату я успела немного прибрать, затолкав разодранное в клочья одеяло под кровать и кое-как приделав ножку к развороченному стулу, по которому после моих стараний еще было видно, что его обо все стены приложило, но теперь создавалось впечатление, что приложило с нежностью и без серьезных последствий. Столик понадобилось только перевернуть на ножки, разбитое зеркало, правда, не трогала, но даже так, усеянная осколками, камера сегодня выглядела куда как аккуратнее, чем это было раньше.

В первый раз после моей здесь ночевки вообще пришлось заменять всю мебель и даже кровать.

— Неплохо, — задумчиво признался Раяр, рассматривая мои временные покои. Камерой он их называть упрямо не хотел, делая акцент на том, что все это временно и исключительно для моей безопасности.

Потому что окажись я в своих настоящих покоях, даже запертая, один Таргот знает, что бы я натворила в этом случае. Ведь только эта камера заговорена и в состоянии сдерживать мою силу. В противном случае она прошлась бы по всему замку и меня бы за собой протащила. И неизвестно, где бы мы оказались поутру...

И вот казалось бы, все хорошо, у меня есть место, которое я могу громить по ночам без вреда для всего замка и собственного здоровья, но вот вопрос: а откуда в замке заговоренная камера?

Раньше меня этот вопрос как-то не беспокоил, не было времени об этом размышлять, но сейчас, на руках у хозяина этого замка, он отчего-то пришел в голову. И был тут же озвучен.

Вот только ответ пришлось ждать долго. Минуты четыре Раяр просто молча стоял, я молча висела и уже начала терять надежду узнать правду, когда он наконец-то заговорил:

— Это была моя камера.

— Чего?!

— После того, как моя сила пробудилась, многие погибли, пришлось срочно искать способ обезопасить замок.

— Ну, замок ты обезопасил, а где те, кто тут жил? — то, что вопрос в высшей степени нетактичный, я поняла слишком поздно. — Прости. Ты, конечно, можешь не отвечать. Я не хотела...

— Все ушли после того, как я убил моих приемных родителей. Не сразу, конечно. Поначалу они боялись, что я их догоню и накажу, но со временем я смог найти способ сдерживать неконтролируемые вспышки силы...

— Тоже здесь спал?

— Меня запирали по вечерам, — кивнул он, по-новому взглянув на мою камеру. Будто бы видя ее такой, какой она была тогда, во времена его юности.

Подумать только, когда-то мой кошмар был подростком. Очень опасным подростком, расшалившиеся гормоны которого лишили жизни огромную кучу человек.

— Но сбежали-то они как?

— Заперли меня в одну из ночей и ушли. Они были уверены, что я не смогу выбраться. Никто не знал, что запасной ключ я всегда держал при себе. Пока я спал, он был для меня бесполезен. Сила могла увести за собой мое тело, но была не в силах им управлять.

— И что? Ты выбрался, догнал их и воздал за все хорошее? — никогда раньше не думала, что могу быть такой кровожадной, но мне их даже жалко не было. Вот приемных родителей Раяра было очень жаль, а этих... Они моего ужастика заперли, сознательно оставляя его на долгую и мучительную гибель.

— У меня не было на это времени.

— И на что же ты его тратил, позволь узнать? — едко поинтересовалась я, недовольная тем, что это злодеяние не было наказано.

— Учился контролировать силу.

— Что, сам?

— А кого я мог попросить о помощи? — удивился мой кошмар и тут же недовольно скривился: — Яна, даже не думай меня жалеть.

— Так поздно уже, — вздохнула я, крепко обнимая его шею. Жалела я его недолго, но очень самоотверженно. Потому что он весь такой бедный-несчастный, одинокий, недосмотренный, недолюбленный...

— Хватит!

— Ну чего сразу хватит-то? — проворчала я. — Хорошо, не хочешь, чтобы я тебя жалела, давай я буду тобой гордиться? В каких ужасных условиях рос, а ведь нормальным вырос. Нет, с головой у тебя, конечно, серьезные проблемы, но их могло быть больше и...

Раяр предостерегающе рыкнул, и я не стала развивать мысль, предложив:

— Так что, хочешь, чтобы я тобой гордилась?

— Я хочу, чтобы ты меня любила.

И так мне сразу неудобно стало у него на ручках, и неудобно, и некомфортно.

А главное — что сказать-то, я не знала. Любви он моей хочет, а откуда мне знать, люблю я его или нет?

Самоанализ и я — вещи настолько несовместимые, что проще Раяра обрядить в розовое платье, чем мне понять себя.

— Срок давно истек, но из-за твоей... особенности я решил дать тебе немного времени. А теперь, раз ты уже в состоянии от меня прятаться и задавать вопросы, значит, пришла в себя.

— Говори сразу: любовь неконтролирующего себя мутанта тебе даром не сдалась, и ты решил подождать, пока я хоть немного обучусь.

— Яна, — с таким непередаваемым укором в голосе протянул он.

— Ничего не знаю, поставь меня, пожалуйста, — протараторила я, требовательно дрыгаясь в его руках.

Поставил и даже тунику на мне оправил, издевательски так, а потом тихо, угрожающе спросил:

— Где моя любовь?

— Где? — послушно повторила, не стушевываясь под суровым взглядом. — Ну, а что? В конце концов, это же твоя любовь, откуда мне знать, где ты ее потерял.

— Значит, все-таки, хочешь завтрак в постель?

Кто бы мог подумать, что он такой злопамятный?

— И розы, насколько я помню, тебе очень понравились, — нехорошо улыбнувшись, Раяр сделал шаг ко мне. Пришлось отступить, недовольно поджимая губы.

— Вот только давай без угроз.

— Это не угрозы, Яна.

— А, по-моему, как раз они и есть. И вообще, ну чего ты такой злой, а? Ну подожди немного. Ты на весь замок единственный мужик, рано или поздно я в тебя все равно влюблюсь. Втрескаюсь по уши. Гарантированно!

— Я не могу больше ждать! — рявкнул он, резко качнувшись ко мне.

Я инстинктивно отпрянула, но сзади, так некстати оказалась решетка моей заговоренной камеры, а впереди этот.

Глаза горят, щека подергивается, и руки, вцепившиеся в прутья рядом с моими плечами, сжаты до побелевших костяшек, и на роже прямо метровыми буквами написано, как же ему любви-то не хватает.

— Т-терпелка сломалась? — нагло предположила я дрожащим голосом. Слабоумие и отвага — это про меня, да. Это мой девиз по жизни.

— Яна, — прорычал он, а я угрозу в его голосе расслышала (хотя там и глухой бы ее услышал) и решила его шокировать. Пусть он лучше офигеет, чем озвереет.

— И вообще, я не могу тебя любить! Ты же меня не любишь, это ущемляет мои чувства. Хочешь моей любви — бери и люби меня!

Раяр не офигел от неожиданной встречи с женской логикой, но немного успокоился и мрачно произнес:

— Уже...

Уверенная, что ослышалась, я тихо переспросила:

— Чего?

— Я тебя люблю, — раздраженно произнес он. Будто бы и не в любви вовсе признавался.

Впрочем, просто по выражению его рожи можно было понять, что романтического момента не получится. Да и какая романтика, когда в спину упираются прутья решетки, а надо мной нависает злющая громадина?

— Правда? — искренне изумилась я, отчего и глаз кое у кого нервно дернулся, в дополнение к щеке. — А как?

— Как ни странно, — он почти рычал и выглядел совсем не как страстный влюбленный. Он выглядел как страстный маньяк, потерявший свою бензопилу, но не задор и желание покромсать жертву на фарш.

— А ты уверен? По любовным романам симптомы сверял? Или у тебя изжога, и тебе показалось?

— Яна, — совсем тихо позвал он, коротко попросив, — заткнись.

— Ну и какая тут любовь? — изумилась я.

— Какая есть.

— А... а можно заменить? Мне не нра... — рот мне зажали ладонью.

Раяр совсем забыл, чему учат любовные романы. Кто ж так девушек затыкает?

— Ммм! — возмущилась я, чувствуя, как мозг просто не успевает обрабатывать информацию. Он конкретно завис на этом неудачном признании. Закоротило его на слове «люблю», и дальше я действовала уже без поддержки мозга.

— Что? — глухо спросил мой взбешенный кошмар на последней стадии озверения. Он, видимо, ожидал, что после признания я брошусь ему на шею, с ходу ответив взаимностью. А я зависла, и сама себя считала неадекватной.

— Ммм-м!

Медленно убрав руку, он напряженно смотрел на меня.

А я не думала, мне было нечем...

— Учись как надо! — вякнула воинственно, обхватив его лицо ладонями.

Хищник не успел даже квакнуть, как я прижалась к его губам. Но ненадолго, правда, Раяр еще не осознал, что происходит, как я оторвалась от него и спросила, требовательно заглядывая в глаза (жуткие, все-таки, гляделки):

— Так, а когда это ты успел влюбиться? — попытку что-то объяснить пресекла новым, более важным вопросом: — Не, как ты понял, что все, это любовь?

На этот раз он сразу отвечать не попытался, ожидая, видимо, что я сейчас еще что-нибудь выдам.

— Ну? — поторопила его, чувствуя, как заходится сердце, и просто очень надеясь, что думалка еще не скоро заработает. Не нужна она сейчас.

— Когда понял, что тебя выкрали у Делмара. — неохотно ответил мой скрытный кошмар. — Когда увидел тебя на острове, когда ты использовала тьму, когда я был почти уверен, что Рассакх пробудилась, что тебя больше нет.

— И столько дней трепал мне нервы?!

— А что, должен был признаться сразу? — огрызнулся он, тут же добавив, будто бы оправдываясь. — Я сам не сразу в это поверил.

— Ага... представляю сколько романов перелопатил, чтобы понять, что происходит, — смешок вырвался помимо воли, зато в нос его я поцеловала вполне осознанно, и даже крепче лицо обхватила, подумывая о том, чтобы в уши вцепиться, когда он дернулся. Лишь бы удержать.

— Это самое дурацкое признание в любви, какое только можно было бы придумать, — сообщила я, поцеловав его в лоб, прямо в хмурую складку между бровей, и отпустив его лицо только для того, чтобы обнять за шею, заставляя склониться еще чуточку ниже.

— Яна, — позвал он тихо, осторожно обнимая меня в ответ.

— Ммм?

— То, что ты сейчас чувствуешь... это не любовь.

Объятия мои стали крепче, в стремлении задушить гада я была непоколебима, но он почему-то не душился.

— Почему ты опять элишься? — хищник даже не почувствовал, что только что произошло покушение на убийство.

— Ты такой момент испортил, — проворчала я, уткнувшись носом ему в шею.

И ведь не раскаялся же даже, что особенно печально!

Только больше все испортил:

— Пора возвращаться к занятиям. — руки разжала неохотно и очень зря. Потому что стоило только Раяру почувствовать свободу, как он одарил меня суровым взглядом и велел. — И, Яна, влюбляйся. Я не намерен долго ждать.

— Капец, — пробормотала я, впечатленная его заявлением.

— Люби его, — ворчала я, терзая в пальцах травинку. Занятия закончились двадцать минут назад, Раяр остался мной крайне недоволен, а я... а что я?

Я была вся в печали и тоске, уныло размышляя над тем, как бы мне так его полюбить, чтобы быстро и безболезненно.

Чисто теоретически, это, конечно, было возможно. Но вот как это все на практике-то проверить?

Любить кошмара было страшно, не любить было нельзя, и совсем непонятно, что со всем этим делать.

Хуже всего дело обстояло с признанием Раяра. Он же вроде как признался, но признался так, что я до сих пор не была уверена, что это правда.

— О чем задумалась? — на траву рядом со мной, рассыпая вокруг искры, упал Делмар.

— Делмар Вездесущий, — пробормотала я, покосившись на довольного жизнью хейзара. Опершись на дерево, он нагло потеснил меня плечом, — звучит?

— Так ты думала обо мне? — умилился он, вытянув ноги. Легкий, едва ощутимый ветерок играл с темной прядью выбившихся из косы волос. Не часто он заплетал косы, и совсем уж редко бывал таким молчаливым.

Минут десять мы сидели в полнейшей тишине, привалившись к большому, перекрученному жизнью дереву и разглядывая черную стену с врезанными в нее большими стрельчатыми окнами.

Витражные окна искрились на солнце, и сейчас там, в коридоре, должно быть, было просто сказочно красиво. А я вот торчала здесь, рядом с совершенно целеньким и довольным жизнью Делмаром, которого будто совсем недавно и не отделали до состояния хорошей отбивнушечки, и размышляла о своей печальной судьбе.

— По какому поводу грустишь?

— Любовь зла, — протянула я, прижавшись затылком к прохладной, неровной коре. Травинка выпала из рук и, подхваченная ветром, отлетела шага на три, прежде чем запуталась среди своих не истерзанных собратьев.

— Раяр бушует? — тут же напрягся он, озабоченно оглядывая окрестности.

— Да нет, — протянула я, неуверенно добавив, — наверное.

Взгляд, которым меня огонек наградил, был просто непередаваемо прекрасен.

— Что?

— Можно чуть конкретнее?

— Раяр вроде бы злится, но только на меня, — успокоила я его. Откинувшись обратно на ствол дерева, вызвав снисходительную улыбку Делмара:

— Ну и что ты натворила?

— Раяр хочет, чтобы я его любила, а у меня не получается.

Я прямо видела, как внутри его черепной коробки одна мысль жестоко и кроваво расправляется с другой, не замечая, как сзади подбирается третья...

Третья подобралась, уделала всех и одержала безоговорочную победу, а меня в одно мгновение поставили на ноги и куда-то потащили.

Вот еще секунду назад мы сидели под деревом и наслаждались приятным, осенним деньком, прячась от теплого еще солнца под кроной едва тронутых золотом, желтоватых листьев, а в следующее мгновение я уже бегу куда-то, заплетаясь в ноги, влекомая вперед крепкой рукой огонька.

— Ку-куда мы?

— К Раяру, будем проверять есть ли хоть какой-то шанс, что ты его полюбишь, — не оборачиваясь ко мне, ответил Делмар.

— Чего?

— Не всякая мыслящая особь способна осознать ценность той или иной неотъемлемой части, составляющей ее жизнь. Само понимание этой ценности приходит лишь в момент потери.

— И откуда такие интересные мысли? — растерянно спросила я. Смысл сказанного от меня ускользал, но ощущение грядущих неприятностей было тут как тут.

Обернувшись ко мне, Делмар улыбнулся:

— Не поверишь, в книге прочел. Я же собираюсь завести себе человека, значит должен понимать, как за ним нужно ухаживать. Это Раяру повезло, у него есть ты, мне же будет сложно. С тех времен, как люди служили нам, прошло слишком много времени, они очень изменились.

— Только не говори, что ты явился для того, чтобы меня опять в какую-нибудь сомнительную авантюру втянуть, — возмутилась я, дернув рукой. И даже остановиться попыталась, но лишь чуть не растянулась на земле, а Делмар, будто бы и не заметив, продолжил тянуть меня за собой.

— Просто хотел навестить. Раяр не пускает меня в замок, если бы ты не вышла на улицу, неизвестно, сколько бы мы с тобой еще не встретились.

До огромных двустворчатых дверей мы добрались в зловещем молчании. Мне просто очень интересно было посмотреть, как он планирует в замок проникнуть, если Раяр его не пускает.

Защита-то восстановиться уже успела, и без разрешения моего кошмара теперь нельзя было ни войти, ни выйти.

Недооценил хищник изобретательность своего брата...

Взбежав по невысокой лестнице, Делмар крутанул меня, вытягивая вперед и заставляя встать прямо перед собой. Лицом ко входу.

— Ну, — меня обняли, чуть приподняли, вынуждая пяточками встать на носки его до блеска начищенных ботинок (сапоги Делмар принципиально не признавал), и сделали первый шаг.

Раньше я не чувствовала этот невидимый барьер, что тонкой паутиной оседал на лицо, затрудняя движение. Если бы не Делмар, я бы в ней просто увязла.

Хотя, о чем это я? Если бы не Делмар, я бы и знать не знала, какая она, эта защита.

В замок мы ворвались без потерь... если не считать моих истрепавшихся нервов и постоянного желания потрогать лицо и убедиться, что паутины на самом деле нет.

А огонька будто бы и не задело этим ужасом, он встряхнулся и уже снова бодрый и веселый устремился на встречу с нашим кошмаром. Потому что когда Раяр узнает, что Делмар проник в замок, и что этому проникновению поспособствовала я... худо будет всем.

И тут нужно было либо резко начинать его любить, чтобы конкретно дезориентировать и избежать страшного, либо бежать.

Я готовилась бежать.

Знала бы, к чему готовился Делмар, в лепешку бы расшиблась, но в паутине залипла. Лучше так, чем больные идеи огонька.

Раяра мы встретили в коридоре. Мой зловещий кошмар стремительно куда-то неся и очень забавно замер, наткнувшись на нас.

Мы только вырулили из-за поворота, он был в центре коридора, как раз под осветительным кристаллом, и появлению Делмара совсем не обрадовался.

— Итак, Яна, смотри внимательно и готовь свои чувства.

Я не успела ничего сказать, Раяр даже от возмущенного шока не отошел, а огонек замахнулся. На ладони его скручиваясь в кольцо, затрещали горячие искры, которые тут же были пущены вперед. В Раяра.

Секунда, не дольше.

Всего лишь секунда понадобилась на то, чтобы искры рассыпались на лету, а вместо них появился странный, обугленный, остроконечный обломок камня.

Тьма взметнулась слишком поздно. Я не успела даже вскрикнуть, обломок уже врезался в грудь хищника, сбил с ног и глубоко вошел в плоть. Тьма, как взметнулась, так и развеялась, не успев ничего сделать.

Раяр лежал, сжимал руками каменное копьё — именно на копьё этот обломок и был похож, тонкий, длинный и острый — и никак не мог его вытащить.

Время будто бы шло. Раяр закашлялся, попытался сесть. Чиркнуло камнем по камню — копьё пробило грудь хищника насквозь, и лужа крови уже растекалась под ним. А я стояла, смотрела и не могла понять, что происходит. Я отставала от реальности, отчаянно не успевала за происходящим. словно время ускорило, а я нет.

— Ну что, что ты чувствуешь? — спросил Делмар, с исключительно исследовательским интересом заглядывая мне в лицо. Голос его раздавался будто издали, приглушенный расстоянием или забившим мои уши лучше любой ваты холодным ужасом.

Я стояла на месте, боясь пошевелиться или вздохнуть, казалось, стоит мне хотя бы просто моргнуть — и ничего уже нельзя будет изменить.

— Делмар, — прохрипел Раяр, предпринимая еще одну попытку встать, — что ты с ней делаешь? Прекрати.

— И пальцем не тронул, — обескураженный моей реакцией огонек осторожно поводит ладонью у меня перед глазами, — кажется, перестарался.

— Убью, — сипло пообещал хищник, снова заваливаясь назад. Каменная плита с глухим стуком встретилась с каменным же наконечником.

— Яна, — меня толкнули вперед, выводя из оцепенения, вновь запуская время, — ничего с ним не будет, успокойся. Мы живучие. Яна!

Я не слушала, я бросилась к кошмару.

Живучие или нет, но кол в сердце и вампира убьет, а они как бы вообще почти бессмертные. А эти тут только живучие.

Бросив попытки выкрутить как-то из себя копьё, Раяр крепко сжал мою руку, когда я, рухнув рядом с ним на колени, вцепилась в холодную ладонь.

— Яна, прекрати паниковать, лучше вытащи из меня это, регенерация не может запуститься.

Я его не понимала. Сидела в луже его крови, вдыхала густой медный запах, даже чувствовала его на языке и не могла мыслить здраво.

Раяр лежал передо мной с пробитой грудью, весь в крови и что-то пытался до меня донести. Я же просто цеплялась за его ладонь, плохо соображая, что происходит.

Это было какое-то апатичное оцепенение, паническая атака и полуобморочное состояние вместе взятые.

А Раяр, даже раненый и находящийся, как мне казалось, при смерти, умудрялся выказывать недовольство, не желая питаться моими отвратительными эмоциями. И слезы ему мои не нравились, и общий беспомощный до глупого вид...

Делмар, подошедший следом за мной, сам выдернул копьё из груди хищника, хоть я и пыталась ему помешать, но меня остановили. Сам Раяр и остановил, крепче сжав мои подрагивающие пальцы и властно потянув вниз, заставляя сесть обратно и не мешать Делмару совершить непоправимое.

— Я же не знал, что так будет, — виновато бормотал огонек, медленно и предельно осторожно извлекая каменное древко из моего кошмара, пока тот скрипел зубами от боли, — чужую смерть она достаточно легко воспринимала.

Сидеть у постели тяжелораненого мне не пришлось. Всего через несколько минут после того, как Делмар вытащил копьё, кровотечение прекратилось, а уже через час рана полностью затянулась надежной кровавой коркой. Раяр утверждал, что уже завтра останется только шрам, а через пару дней пропадет и он.

Просто зверская хейзаровская регенерация, о которой я мало что знала.

Избитый Делмар же страдал от нанесенных ему моим кошмаром травм долгие несколько часов и еще какое-то время сверх того. Никто же не посчитал нужным мне раньше сообщить, что Раяр просто заблокировал регенерацию своему братцу на сутки.

Рассказали только теперь, когда меня, все еще дрожащую, дико косящуюся на Раяра в окровавленной рубашке, пришлось отпаивать успокоительным.

Хищнику, конечно, надо было дать возможность сходить и переодеться, но я не смогла его отпустить. Вцепившись мертвой хваткой, я боялась хотя бы ненадолго потерять его из поля зрения.

Параноидальная уверенность в том, что он начнет истекать кровью сразу же, как я отвернусь, доводила до истерики.

Делмар был прав, к чужой смерти я относилась достаточно спокойно, но только потому, что не знала тех, кто умирал, и не могла по ним горевать. Но Раяр-то был мне хорошо знаком и даже близок. И до сегодняшнего дня я даже не представляла, насколько близок.

Раяр, должно быть, раньше тоже не знал, как страшны бывают девушки во время истерики.

Я рыдала, икала, растирала слезы по щекам и мечтала о платке, безостановочно шмыгая носом. Кошмар терпел, поддерживая чашку с успокаивающим настоем, не доверяя моим дрожащим рукам, и даже пытался кое-как утешить. Все его утешения сводились к неуверенному:

— Я же жив, зачем ты плачешь?

А потом сидел и понять не мог, с чего же это я не успокаиваюсь.

С час мы усиленно утешали меня, а потом еще минут двадцать отговаривали убивать Делмара. Потому что, относительно придя в себя, получив-таки платок и как следует высморкавшись, я вспомнила, кто виноват в моей истерике, и захотела крови.

Огонек крови не хотел, напоминал, что его уже избили, и не так чтобы очень давно это было... я не слушала.

Я гнала свою жертву вперед, размахивая ножкой стула. Ножку я оторвала еще в комнате, своими руками, под сбивчивые оправдания огонька. Кажется, именно после этого он и попытался сбежать. Вернее, сначала он хотел переместиться, но что-то пошло не так, я это по гневному взгляду поняла, сопровождаемому негодующим:

— Раяр!

Мой кошмар лишь улыбнулся, с умилением глядя на то, как я взвешиваю в руке свое деревянное оружие.

Рожа у меня, должно быть, была крайне кровожадной, но волновало это только Делмара.

— Яна, одумайся, ты же добрая, — попытался достучаться до моего человеколюбия он. Вот только беда — кем-кем, а человеком огонек не был.

И вот, я гнала его по коридору, Раяр неотступно следовал за нами, иногда потирая грудь, словно рана его все же беспокоила, в такие моменты я почти обрывала погоню, но хищник отмахивался от моего беспокойства, жестом требуя продолжать развлечение.

Подозреваю, куражусь я тут в одиночку, Делмар меня бы уже давно скрутил и не факт, что не отшлепал бы, но Раяр всегда был всего на пару шагов позади, ограждая меня от возможного возмездия. И я, чувствуя полную безнаказанность, распалилась все больше.

Погоня закончилась неожиданно и страшно.

Я оступилась на лестнице, всполошно взмахнув руками, ударила деревяшкой по каменным перилам и полетела вниз.

Сдавленный возглас Делмара, находившегося почти в самом конце лестницы, показался мне отчего-то смешным.

Раяр подхватить меня не успевал, и лететь бы мне вниз кубарем, пересчитывая ступени и рискуя свернуть себе шею, если бы не тьма. Среагировав на опасность, она резко бросилась мне под ноги, принимая меня в свои темные объятия.

Упала я в замке Раяра, а вывалилась уже в каком-то доме, на светлый ковер с длинным ворсом.

Удивленный возглас был тем самым звуком, разбившим звенящую тишину.

Медленно подняв голову, я встретилась взглядом с ошарашенной Прией. Прижав ладошки к губам, она круглыми глазами смотрела на меня и не верила своим глазам.

А я стояла на четвереньках посреди светлой гостиной, в компании прелестницы и какого-то огромного мужика.

Признаться, со спины мне сначала показалось, что это Раяр, но у него не наблюдалось косы, и камзол оказался вышит серебряной нитью. И взгляд серых мерцающих глаз был мне совсем незнаком. Даже при том, что белок глаз у этого мужика был такой же черный, как и у моего кошмара.

— Здрасти, — несмело протянула я, медленно поднявшись на ноги. Коленки болели, недовольные такой посадкой, не знали противные, что все могло обернуться куда как печальнее.

— Яна, — прошептала Прия, неуверенно сделав шаг вперед.

— Человечка, — хмуро постановил мужик, дернув носом, словно бы принюхиваясь.

— Яна, будем знакомы, — с намеком протянула я, выжидающе глядя на этого явного родственничка Раяра.

Мужик молчал, со странным выражением лица разглядывая меня в ответ, отдуваться за него пришлось Прие:

— Велиар.

— А, тот самый, к которому ты в любовницы не хочешь! — нетактично обрадовалась я тому, что имя мне знакомо. — Ой... простите.

Просить прощения было уже поздно, мужик помрачнел, с явным неудовольствием покосившись на прелестницу. Та вроде не испугалась, но глаза опустила.

— Ну не будем о грустном, — бодро предложил я, уверенно сделав шаг к Прие. И меня почти не смущал тот факт, что дорогу к ней мне преграждает эта мрачная тучка, — Прия, мне нужна твоя моральная поддержка.

— Боюсь, у нас нет на это времени, — сухо отозвался Велиар.

— Это еще почему?

Словно отвечая на мои слова, в гостиную заглянула девушка в интересном платье, очень похожем на форму.

— Багаж собран и загружен, — пролепетала она, старательно глядя на ковер у ног хейзара, но даже так каким-то чудом умудрилась увидеть его кивок и скрыться за дверью. И вздох облегчения мне совершенно точно не послышался.

— Ааа...что здесь происходит? — любопытствовала я, обращаясь к Прие.

Вот только она на меня старалась не смотреть и кусала губы, нервно теребя рукав платья.

— Ты слишком наглая для человека, — поморщился Велира, — Раяр совсем тебя распустил.

Я даже не стала удивляться, что он знает, чья я такая замечательная. В этом мире вообще ничему удивляться было нельзя.

— Айана рассказала, да?

Хейзар не ответил, только криво улыбнулся. Вот уж точно туманный. Такой неприятный, мутный тип.

— Прия, ты куда-то собралась?

— Я подписала договор, — быстро, на выдохе произнесла она, признавшись в ужасном. И это было настолько невероятно, что я только и смогла, что поражено выдохнуть:

— С... с этим?

Нервный кивок был мне ответом.

— Но Раяр же... Он же обещал, что без твоего согласия... — доходило до меня медленно, но все же доходило, — подожди, ты сама подписала договор? Добровольно?

Еще один убитый кивок.

— Но зачем?

Бросилась ко мне Прия неожиданно, порывисто, не обращая внимания на застывшего Велиара. Налетела, сжала крепко, судорожно выдохнув в плечо:

— От нового контракта Раяр меня защитил, но тему с замужеством матушка очень

профессионально замяла.

Обнимая ее в ответ, я чуть заторможено поинтересовалась:

— Тебя замуж хотели выдать?

— Да. Или замужество, или новый контракт, а... — обернувшись на хейзара, продолжавшего стоять на месте, будто его приклеили, — Велиар сделал мне щедрое предложение, от которого я просто не смогла отказаться.

— Что, приданное в двойном размере?

— Я обещал не прикасаться к Прие без ее разрешения, — раздраженно ответил он, — но я не понимаю, почему должен что-то объяснять человеку?

— Потому что я не человек уже. — ответила ему ехидно, рассеянно поглаживая прелестницу по голове. Мне-то думалось, что она замуж хочет. Такая беззаботная прекрасная птичка. Но нет, Прия готова была отдать себя в руки этому мрачному ужасу, лишь бы избежать свадьбы, и что-то мне подсказывало, что все дело в кандидатуре жениха. — Не так давно, между прочим, я была в шаге от того, чтобы стать вашей мамкой. Так что не советую расслабляться, обидите Прию — и мне придется вас наказать.

Тихий смешок в плечо согрел меня щекотным теплом, а вот тяжелый взгляд серых глаз проморозил до печенки.

Прия не видела, как перекосило Велиара от моей наглости, не чувствовала опасности и совершенно спокойно спросила:

— Откуда ты здесь?

— Еще скажи, что не рада меня видеть, — фыркнула я, бесстрашно глядя на хейзара. Тучка становилась все мрачнее и мрачнее, но буря пока еще была не так, чтобы очень близко.

— Рада, — призналась она, кажется, вытирая непрошенные слезы о мое плечо, — просто непонятно, как ты тут оказалась.

Игнорируя тяжелый взгляд Велиара, я искренне призналась:

— Да мне тоже непонятно, представляешь, только что же Делмара убивала, а в следующее мгновение уже здесь спасаю прекрасную девицу от ужасного чудовища.

— Видимо, брат не очень хотел умирать, — хмыкнул самый, как на мой взгляд, стремненький родственник моего кошмара, — от того ты такая заплаканная.

— Я заплаканная, потому что Раяр чуть не преставился.

Прия вздрогнула и отстранилась от меня, требовательно заглядывая в глаза.

— Что с ним?

Велиар беспокойство своей новоиспеченной любовницы не одобрил, но смолчал. Кажется, ему и самому было интересно, что там приключилось с его старшим братцем.

— Да ничего особенного, — бодро соврала я, с придурковатой радостью пояснив, — копые в него угодило. Каменное. Брошенное меткой рукой Делмара, что б ему их по локоть русалки поотгрызали.

Прия охнула, недоверчиво заглядывая мне в глаза.

— Сама в шоке, — призналась не без грусти, — а Делмар там сейчас незамщенный, радуется жизни, наверное.

Кто же знал, что Делмар, вместе с моим кошмаром, меня сейчас разыскивает?

Никто не знал, пока они не вывалились посреди гостиной. Раяр в своей окровавленной

рубашке и негодующий Делмар.

Увидев меня, огонек с ходу принялся наезжать:

— Шесть точек выхода! Шесть! Почему мы тебя по всему Излому должны искать? Ты хотя бы представляешь, скольких велари Раяр своим видом напугал? А служителя Всеединого в людском храме кто теперь в чувство приведет?

— Хватит, — одно короткое слово, но Делмар сразу же заткнулся, с опаской покосившись на хищника.

— А я сразу... сюда, — мне под взглядом Раяра тоже не очень хотелось говорить, но что-то заставляло оправдываться, — ни у каких велари не была и человеческий храм не видела.

— Сама? — удивился Велиар. Собственно, только после этого мой кошмар своего брата и заметил. Очень медленно, я бы сказала, со скрипом, повернул голову в его сторону, прекращая нервировать меня своим остановившимся взглядом.

Моргнул.

Следующие минут двадцать Прия нервно и путано объясняла, как она дошла до жизни такой, почему согласилась быть любовницей, и какие именно слухи о навязанном женихе заставили прелестницу решиться на этот шаг.

— То есть, все прекрасно понимают, что свою предыдущую жену убил скорее всего он, но никто ничего так и не сделал? У вас тут что, никакой... ну, я не знаю, стражи нет?

— Он аристократ, наследник одного из влиятельнейших домов, — вздохнула Прия, — такого сложно призвать к ответу.

— Но твои родители как могли тебя отдать? — у меня в голове просто не укладывалась полученная информация.

Сидеть спокойно на диванчике, на который меня усадили перед тем, как началась эта душеспалательная исповедь, не получалось. Я ерзала, дергалась, периодически толкала плечом сидящего рядом Раяра.

Мой кошмар терпел.

— Он отказался от приданного и предложил выкупить невесту, — это признание прелестницы странно подействовало на Велиара. Напрягшись, он хмуро спросил:

— Как много ты мне не рассказала?

И Прия волшебным образом тут же замолчала, отказываясь продолжать разговор.

— А это вот «выкупить невесту» — это очень плохо? — любознательность моя вызвала мимолетное выражение досады на личике прелестницы.

— Если и она умрет от сомнительного несчастного случая, то ее семья не в праве будет выступить с обвинениями. Купленная невеста лишается любых родственных связей, — Делмар был непривычно хмур. Странное дело, но вот это вот огнеопасное чудовище, совсем недавно удерживавшее в доме кучу человеческих девушек и считавшее такое положение дел вполне нормальным, отчего-то злилось.

Ошибалась я или нет, но, кажется, привязанность у хейзаров все же не только к членам семьи была крепкой, этих троих судьба Прии тоже очень волновала.

— Я так понимаю, погибшую жену он тоже купил?

Ответом мне был неуверенный кивок и печальное:

— Да.

— А, может, наведаемся в гости к несостоявшемуся жениху? — азартно предложила я. Я почувствовала себя сильной, у меня была своя собственная тьма и жгучая жажда

справедливости... или крови. Крови одного аристократического отморозка.

— Я сам, — остудил мой пыл Велиар.

— Сам так сам, — пробормотала я, удобнее устраиваясь под боком у кошмара, — мы же в ответе за тех, кого купили...

— Яна!

Неожиданный поворот, но возмутилась почему-то Прия.

— Эээ... оконтрактили? — попыталась исправиться я. — Озадачили? П...

— Яна! — И Раяр в стороне не остался. Вот только его грозный рык меня тоже полностью заткнуть не смог.

— Повязали, — совсем тихо пробормотала я, вжимая голову в плечи.

Так и сидела все время, пока мой кошмар рассказывал, как я здесь оказалась, и что произошло. Просто очень неудобно было под испытующим взглядом Велиара.

А уж как кошмарно стало, когда он заговорил...

— Почему она до сих пор жива?

Вот лучше бы молчал.

— А давайте вы не будете задавать такие пугающие вопросы, — предложила я недружелюбно, — я еще молода и полна сил, мне рано умирать.

— Именно силы ты и полна, — зловеще согласился Велиар, — слишком большая опасность.

— Я ее обучаю, — мой суровый кошмар успокаивающе обнял меня за плечи.

— Она сбежала от тебя, открыв множество проходов. Это опасно. От нее нужно избавиться.

Прия совсем побледнела, а Делмар, до этого удобно развалившийся на диване слева от меня, подобрался и подсел ближе.

Велиар, вместе с прелестницей, чью ладошку не выпускал все время разговора, сидели напротив, по ту сторону низкого стеклянного столика. И ему было бы очень удобно в меня чем-нибудь запустить...

— Нет, — Раяр был просто убийственно спокоен. Так же спокоен, как и в тот печальный день, во время визита светлых.

И тема беседы была та же. Моя смерть.

— Ты не понимаешь? — раздраженно спросил Велиар. — Зачем тебе она? Необученная, наглая девчонка. Она должна умереть.

— Если он сейчас тут расчувствуется и благословением жажнет, — вызверилась я, враждебно глядя на мрачного хейзара — как выяснилось, родственники у моего кошмара были один хуже другого, — я очень расстроюсь.

Плечо мое сжали крепче. То ли успокаивающе, то ли предостерегающе — непонятно. Зато ответ его был однозначным:

— Я не убью Яну и не позволю тебе или кому-то еще ей навредить.

Велиар обиделся. Нет, со стороны выглядело все так, будто он чуточку озверел и вот-вот начнет дымиться, но я-то знала, что он просто обиделся.

— Ты готов рискнуть всем, лишь бы сделать мне наперекор? — угрожающе тихо сказал он. — Девчонка — сосуд, к тому же полна силы. Однажды адепты ее уже выкрали,

выкрадут еще раз, кто сказал, что это не повторится? Что в следующий раз мать не пробудится? Мы для того ее усыпляли?

— Охотник, — сунулась было я, но под тяжелым взглядом серых глаз беспомощно заткнулась.

Я считала гляделки моего кошмара жуткими? Я ошибалась, у него самые прекрасные глаза на свете!

— Охотник мог прийти специально.

— Экий недоверчивый, — пробормотала я, теснее прижимаясь Раяру. Какой же, все-таки, замечательный у меня кошмар.

— Я выучу ее, — хищник выглядел совершенно спокойным, хотя я отчетливо ощущала, как он напрягся, когда его бешеный братец чуть вперед подался, — и она сама сможет себя защитить. От всего.

Раяр был полностью уверен в своих словах, вот только Велиара убедить так и не смог. Тот продолжал поглядывать на меня с подозрением, но хоть убить не пытался... не при брате. А наедине с этим ужасом оставаться я и не планировала.

Хотя наприсилась проводить Прию до кареты.

И оно того стоило. Лица всех встреченных нами слуг по дороге из гостиной на улицу, к воротам, где уже стояла запряженная и готовая к отбытию карета, того стоили. Такой неприкрытый первозданный ужас отразился на их лицах, когда вместо одного хейзара они увидели аж троих.

Я не чувствовала, но была уверена, что в доме сейчас тесно от их страха. Просто не продохнуть.

Забиралась в карету Прия долго. Сначала обняла меня, потом попрощалась с Раяром и Делмаром, потом еще раз обняла меня. И еще раз.

— Ты если не хочешь с ним ехать, так и скажи. Я сейчас нас быстренько куда-нибудь перемещу, — предложила я шепотом после четвертых обнимашек. Не то, чтобы я была прямо против... но жалко же ее.

— А ты разве умеешь?

— Не умею, но, кажется, если меня уронить, то я перемещаюсь. Можем проверить. Ты держись за меня, а я падаю. Идет?

— Не нужно.

Велиар, который стоял в сторонке, но точно все слышал, лишь сверкнул на меня глазами.

Прию из моих рук в прямом смысле вырвали силой. Она хотела еще немножечко пообниматься, а ее чудище хотело уже отправиться в путь. И чтобы глаза его меня больше не видели.

Карета уезжала очень интересно. Кони медленно разгонялись, подгоняемые странным возницей с белыми неживыми глазами. Тот щелкал кнутом над лошадиными холками, заставляя их бежать все быстрее. Разгоняясь, они неслись по каменной дороге вдоль других, таких же огороженных высоким забором, особняков. В какой-то момент из-под копыт их, рассыпаясь словно искры, начал выбиваться сизый туман. Его становилось все больше и больше, поворот на следующую улицу отсюда был хорошо различим, но через каких-то несколько секунд я уже не могла его разглядеть. Туман затопил все пространство, заглушая дробный цокот копыт, который становился все тише, пока резко не оборвался.

Тишина была неправильной, даже противоестественной. Карета не могла так резко уехать, ей нужно было бы хотя бы замедлиться на повороте, но не щелчков хлыста, ни стука копыт слышно больше не было.

Туман рассеивался неохотно.

— А...

— Велиар всегда любил такие трюки, — хмыкнул Делмар, любуясь тем, как туман медленно истончается, делаясь полупрозрачным и зыбким. — Переместиться на ходу вместе с каретой, что может быть веселее?

— Странные у вас представления о веселье, — вынуждена была признать я.

— Нам пора возвращаться.

И вот нет бы предложить прогуляться, полюбоваться городом, отдохнуть. Нееет же, откуда бы в голове моего кошмара взяться таким ужасным идеям?

Глава семнадцатая. Взаимость

Мне не спалось. Раньше я была уверена, что способна заснуть в любых условиях, а сегодня, после знакомства с Велиаром, просто лежала, бездумно глядя в зашторенное окно. И пусть на небе царствовала всего лишь стареющая луна, и до полнолуния было еще очень далеко, я не посчитала лишним перестраховаться. Не ждала я Охотника в гости и не хотела, чтобы он приходил. С такими мутными личностями воспитанным девушкам не стоило водить знакомства. А я же воспитанная... хотя бы отчасти.

А он — добровольно измененный, отказавшийся от имени и семьи... И души, опять же, поглощает.

Кошмар мой душами питается потому что его таким Рассах сделала, а Охотник сам могущества захотел... И вот тут появляется очень важный, я бы даже сказала животрепещущий вопрос, ответ на который нужно было срочно получить.

Резко отбросив одеяло, я порывисто поднялась, всполошив сонных мочалок. Бося подскочил на постели, воинственно курлыкая.

— Отбой, на нас не нападают. Я к Раяру, — отчиталась скороговоркой, получив в ответ неразборчивое ворчание.

Кажется, Дося пожелала мне проваливать и не возвращаться. Долетевшее уже у дверей наставление осчастливить уже хозяина, чтобы он перестал их угнетать своим недовольством, пропустила мимо ушей.

Да, нарзы, так же как и весты, чувствовали своего хозяина всегда и очень страдали от его плохого настроения.

Если верить слезливым курлыканьям, до моего здесь появления они тут все страдали почти постоянно. Даже там, под потолком, не осознавая себя как отдельный организм, ощущали хищника и были очень угнетены его унылостью.

Дверь открывала смело, потому что нечего бояться на голову пристукнутым!

Замерла на пороге, стараясь привыкнуть к темноте и хоть что-нибудь разглядеть. Раяр не одобрял уютного полумрака, царившего по ночам в моих покоях, и не считал нужным оставлять на ночь свет у себя. Да и ему ли бояться темноты?

По-хорошему, конечно, мне уже бояться тоже было нечего. Я теперь сама страшная, но отучиться спать со включенным светом пока не получалось.

— Раяр! — А еще я ученая и теперь точно знала, что подкрадываться к моему кошмару нельзя. Будить его лучше издали, желательно прямо вот с порога, чтобы в случае чего успеть захлопнуть дверь и где-нибудь спрятаться.

Мочалки завозились на кровати, недовольно курлыкая. Как утверждал хищник, я их просто непозволительно разбаловала, но предложение этих нарз и создать новых, так и не озвучил. Помнил кошмарик, как я над Босей рыдала, и рисковать не хотел.

— Раяр, — позвала я еще раз, так и не дождавшись ответа.

Хищник молчал, то ли дрых, то ли затаился... Второй вариант был, конечно, правдоподобнее, но я уже не смогла бы заснуть, не узнав ответ на свой очень важный вопрос, а потому смело шагнула в комнату.

Сначала хотела было добрести до выключателя, чтобы рассеять темноту, но быстро сообразила, что это ни к чему. Нет, ночного зрения у меня не было, я как ничего не видела, так и продолжала ничего не видеть, зато чувствовала.

Просто знала, где находится преграда, а где свободный путь. И где кровать, тоже знала. И про то, что Раяр лежал сейчас на боку, лицом ко мне, также была осведомлена.

Ему-то, как раз, судя по всему, эта непроглядная темень помехой не была, он совершенно спокойно видел сквозь нее и сейчас с интересом разглядывал внезапную гостью.

— Раяр, ты точно здесь и точно не спишь.

Он не ответил, казалось, даже не пошевелился, но на кровати его уже не было.

— Раяр? — я не испугалась, просто голос дрогнул, а я отступила на шаг назад, чтобы врезаться спиной в непонятно откуда взявшееся препятствие.

А у препятствия этого было просто безграничное море наглости... и руки, которые тут же опустились мне на плечи, поглаживая голую кожу.

— Интересный наряд, — раздалось над самым ухом.

Я не видела ничего интересного во вполне приличной, доходившей до колен ночнушке на тонких бретельках. На ней же даже кружев никаких не было, только ткань. Приятная на ощупь, но плотнаяааа.

— Ага, Алер несколько дней назад прислала новую партию готовых вещей, — призналась я, умолчав о веселенькой полупрозрачной ночнушечке из какой-то воздушной ткани и кружев, которая едва доставала до середины бедра, и которую я точно для себя не выбирала. Как выяснилось позднее, ее выбрал Делмар, чтобы, так сказать, Раяр охотнее мне взаимность обеспечивал.

И вот интересно, если бы огонек знал, как у нас тут все сложно, заказал бы что-нибудь такое же развратное для Раяра, желая, чтобы я побыстрее о взаимности начала задумываться, или поостерегся бы?

— И ты пришла, чтобы ее мне показать?

— Вообще-то нет. — Прохладные ладони на моих плечах быстро теплели, и это был недобрый знак. Прозогрелся мой кошмар, а в прошлый раз, когда он был горяченький, мне пришлось часа два упрашивать мочалок, чтобы они мне добыли какой-нибудь крем от синяков. Крем был прекрасный, и следы бурной ночи исчезли довольно быстро, но вот воспоминания о горячих руках под моей ночнушкой... — Слушай, ты бы не мог отойти, а?

— Зачем?

— Вопрос у меня очень важный.

— Задавай, — благожелательно разрешил он, а сам ладонями по моим рукам заскользил, вниз до локтей и вверх, к самой шее, и снова вниз. И прикосновение становилось таким тревожаще горячим, что сосредоточиться на насущных делах не получалось.

И я бы, наверное, точно не смогла сосредоточиться, если бы не понимание, что еще чуть-чуть — и Раяр почувствует мое смятение.

— Души. Жрать. Буду? — отрывисто спросила я. Руки его замерли, пальцы рассеянно поглаживали шею.

Ну и разве не гад он после этого?

— Что?

— Души поглощать мне теперь придется или нет? — прозвучало раздраженно, но Раяр почему-то рассмеялся.

А я стояла, бесилась и старалась не вздрагивать от его поглаживаний. По плечам и спине проходились горячие волны, щекотные и такие приятные, что хотелось либо прижаться к его груди, либо надавать по роже...

Невольно передернув плечами, я попыталась отстраниться, но куда там.

Не пустил, властно удержав за плечи и вновь вернувшись к прерванному развлечению. Вниз до локтей и снова вверх. Такое нежное прикосновение.

— Ты могла бы, — не стал скрывать он, продолжая надо мной издеваться, — но тебе незачем.

— Но, чисто теоретически, я могу кого-нибудь сожрать?

— Да.

— А в храме? Тогда, во время благословения, я кого-нибудь съела? — не то, чтобы меня особо волновал этот вопрос. До этой ночи я об этом почти и не вспоминала, уверенная, что я на такое не способна. А сейчас засомневалась.

— Нет, — успокоил он меня, добавив с тихим смешком, — но не скажу, что не попыталась.

И не успела я облегченно выдохнуть, как дыхание перехватило от возмущения.

Бретелька с левого плеча медленно поехала вниз, вслед за горячей ладонью.

— Нет, ну это уже наглость! — по рукам Раяр получил и поползновения свои прекратил, даже позволил мне вырваться, чтобы я, праведно негодуя, попыталась покинуть его комнату, а он смог в полной мере насладиться моим недоверчивым негодованием.

И я действительно негодовала, когда сделав всего два шага к свету, пораженно застыла. Дверь в мои покои закрылась сама, очень медленно и издевательски. Щелкнул замок, выпал из замочной скважины ключ, и, влекомый все той же тьмой, что только что отрезала мне путь к побегу, уполз под кресло.

— Это... это... — все, что я сейчас хотела — материться.

— Ты сама пришла, — в темноте запертой комнаты это прозвучало зловеще.

— А теперь хочу уйти.

— Нет.

И я поняла, что буду бить, даже несмотря на то, что он еще условно раненый.

— Яна, давай без глупостей...

Почуял кошмарик скорую расправу.

— Я без глупостей, я сейчас по-умному тебя урою.

— Яна, — подозрительно ласково протянул он, сделав шаг ко мне. И очень зря он это сделал.

Среагировав на движение, я бросилась к кровати, потому что лучшее орудие возмездия — подушка. Не стулом же его бить, болезного.

Когда меня, уже схватившую орудие возмездия и готовую наказывать всех без разбора, повалили на кровать, прижимая всем своим давятельно-раскатывательным весом мои хрупкие косточки к перине, идея отходить его стулом уже не казалась мне такой уж негуманной.

Подушку из пальцев вырвали, меня, крепко перехватив под грудью, полностью затащили на постель, и даже не посчитали нужным сдержать смешок, после моего протестующего:

— Уиик!

И от локтей моих он легко отбивался, и попытку укусить вовремя пресек, а вот по носу получил. Вернее затылком-то я Раяру по переносице попала, но меня из объятий он выпустил сразу же и возмутился так, будто я ему нос сломала.

— А нечего меня лапать! — рывкнула в запале, пытаюсь утвердиться на коленях, но постоянно заваливалась вперед, рискуя опуститься на четвереньки. Слишком мягкая кровать, и с нее бы стоило слезть, но я боялась отвернуться от хищника. Даже при том, что все равно его не видела, просто не могла себя заставить отвести взгляд от того места, где, по моему мнению, он сейчас сидел, зажимая нос.

— Лапать? — удивился он. Я почувствовала, как перина прогнулась сильнее, хищник

подался ко мне, угрожающе спросив: — Разве же я тебя лапал?

Тон его мне не понравился, и я совершила ошибку. Фатальную.

Зачем-то подскочила на постели, решив, что если встану, то буду в безопасности.

Только когда летела вниз, схваченная за лодыжку, поняла, что нужно было рыпаться назад, а не вверх.

— Я разве делал так?

Наглая ладонь прошлась по боку, огладив бедро.

— Или так?

Та же ладонь поднялась по животу, собирая ткань складками, погладила и сжала грудь.

— А может быть...

Подушка мне под руку попала совершенно случайно, но как нельзя кстати. Раяр еще не перестал меня мять, бесстрашно нависая сверху, а подушка уже огрела его по уху.

— Яна!

И еще разочек.

Обезоружили меня до обидного быстро, но я не отчаивалась и, пока он вырывал подушку из моих рук, успела вывернуться и даже свалиться на пол.

Коленки, конечно, опять отбила, но зато на свободу вырвалась.

— Поиграем? — хмыкнул мой кошмар с кровати.

— Что значит «поиграем»? — возмутилась я, но его уже нигде не было. В смысле, из комнаты он исчез.

Дверь, ведущая в коридор, зловеще щелкнула и медленно открылась.

— Поиграем, — пробормотала, поежившись, — буду я за ним по всему замку гоняться, как же.

— Ты не правильно поняла правила игры, — с улыбкой раздалось за моей спиной.

Я даже не вздрогнула, успела просечь фишку и поняла, что мой кошмар просто очень любит подкрадываться сзади.

— И что же я не поняла? — спросила хмуро, а сама стояла и жалела о том, что сунулась к нему ночью. Ну не мог разве мой вопрос утра подождать? Не такой уж он и важный, чтобы рисковать собой любимой.

— Твоя задача убежать.

— Моя задача спать. Яна устала, Яна хочет баиньки, а всякие извращения с сомнительными предложениями могут сами за собой по замку побегать.

Высказалась, в кроватку забралась, под одеялко залезла, подушку обняла и блаженно закрыла глаза, оставив Раяра стоять и офигевать от моей наглости.

— Это моя постель...

— Я в курсе, но дверь в мою спальню ты запер, а дверь из коридора в свою спальню заперла я. Изнутри, — зарывшись носом в подушку, полной грудью вдохнула тонкий, едва уловимый запах. Так пах мой кошмар, и меня это очень устраивало, — к тому же Дося меня сегодня обратно уже не пустит.

Потрясенная тишина в комнате продержалась недолго. Раяр хмыкнул.

И — кто бы мог подумать — полез в постель, следом. Отвоевал часть одеяла, сдвинул

меня к краю, несмотря на то, что места и так было достаточно, и вроде как приготовился спать.

Никаких попыток выкинуть меня из постели и навязать эту свою игру, или требований прекратить эксплуатировать его кровать и возвращаться восвояси, просто взял и молча лег. И все.

Ожидая подвоха, я опасливо обернулась, ожидаемо ничего не увидела, но на вопрос нарвалась.

— Что?

— Сспать будем?

— А у тебя есть идеи получше? — оживился он. — Какие-нибудь предложения?

— Нет-нет, спать — это замечательно! — поспешно заверила его я, быстро отвернувшись, трусливо натягивая одеяло на голову и жмурясь.

Разочарованно вздохнув, мой кошмар завозился на кровати, кажется, поворачиваясь ко мне спиной.

Почему-то после этого я решила, что смогу теперь спать спокойно... и вот не то, чтобы я очень сильно ошибалась. Выспалась-то очень даже хорошо, но утром проснулась от ноющей боли и долго не могла понять, что это за ужас присосался к моему животу.

Почти полминуты мне понадобилось на то, чтобы хоть частично проснуться, смириться как-то с ноющей шеей и осознать, что едва тепленькая гадость на моем животе — чья-то запредельно наглая рука.

Ночнушка за ночь подленько задралась, обеспечив кошмару доступ к телу.

И я бы уже громко возмущалась, но шея у меня затекла просто зверски не просто так, а от того, что я вторую руку Раяра в качестве подушки использовала. Сама подушка куда-то делась, а рука, вот она, лежит и, судя по всему, давно лежит, а хищник ничего не чувствует, потому что сон у него крепче моего оказался. Но рано или поздно он проснется и сможет сполна насладиться всеми прелестями онемения затекшей руки. А пока мой кошмар мирно сопел мне в волосы и знать ничего не знал о моих мстительных мыслях.

Убрав ладонь с живота и удерживая его руку за кисть, я медленно, скорее от боли в шее, чем от желания не разбудить хищника, повернулась с Раяру лицом и только после этого опустила его руку.

Прохладененькая ладошка на пояснице впечатляла еще меньше, чем на животе, но убрать ее совсем я не додумалась. Не возникло такого желания.

Кошмарик был просто умилительно безмятежен, так сразу и не скажешь, что он людей только так жрет и вообще монстр редкостный.

Ну какой он монстр? Лапочка же, да, монструозная, но лапочка. Я бы и сама его с удовольствием сожрала, такой он милый, когда спит и никаких глупостей не творит.

Не знаю, сколько бы еще им так любовалась, если бы этот гад сам все не испортил.

— Мне нравится, — хрипло признался он, не открывая глаз, — но я сомневаюсь, что это любовь.

Подушку из-под его головы я выдернула с самым зверским выражением лица, на какое только была способна. Вот только уровень моей кровожадности Раяр оценить не успел, так как в следующее мгновение я его уже этой самой подушкой душила.

Потому что не надо подслушивать мои эмоции, когда я им так глупо люблюсь. Это смущает.

Раяр не сопротивлялся, ни когда я пыталась удушить его лежа, ни когда поднялась, усевшись на него сверху. Все то время, что я занималась его смертоубийством, мой

кошмар смиренненько держал свои ручки на мне. Сначала на спине, а потом переполз на бедра, поглаживая нежную кожу большими пальцами. И ни одна рука у него, судя по всему, не болела, зато я теперь вынуждена была весь день мучиться с шеей. И гад этот никак не душился, и вообще...

— Успокоилась? — приглушенный подушкой вопрос раздался только после того, как я окончательно обессилила, и мне стало стыдно за эту вспышку агрессии. Я же вроде как адекватная и не сильно вспыльчивая. Была когда-то.

— Нет.

— Продолжим?

Почудилось мне, или он и правда это с предвкушением спросил, но ответ и на этот вопрос был тот же.

— Нет.

Мы немного помолчали. Он продолжал лежать, бесстрашно меня поглаживая, я — сидеть, прижимая к груди подушку. Мне бы, конечно, стоило с него слезть, но совсем не хотелось. Удобно, приятно, правда щекотно немножко... но пусть гладит.

— Тогда, может, поговорим о твоих чувствах? — нарушил идиллическую тишину мой кошмар. Теперь я молчала враждебно, но не рыпалась, щекотные мурашки пока еще сглаживали его нетактичность, и я продолжала сидеть, зато начала сопеть. Предостерегающе очень.

Не внял, не осознал свою ошибку, не заткнулся. Ну и сам виноват.

— Проголодался? — спросила угрожающе. И так круто у меня это вышло, так предостерегающе и устрашающе, что я просто могла собой гордиться.

— Не в этом дело, — Раяр угрозы не почувствовал, продолжая рассуждать вслух. Кошмар у меня был сильный, можно сказать, самый страшный хищник на всю округу, и инстинкт самосохранения у него за ненадобностью издох. В муках. Потому что если бы не издох, то Раяр бы точно почувствовал, что я не хочу говорить о своих чувствах и начинаю злиться, — но то, что я ощутил несколько минут назад, перед тем, как ты так забавно попыталась меня убить...

— Ззабавно? Я ж тебя душила!

Он досадливо кивнул, всем своим видом прося меня заткнуться и не перебивать его.

— Я хочу, чтобы ты всегда испытывала те эмоции.

— Ххха!

Это все, чего от меня добился Раяр. Больше ни звука я не произнесла. Просто сползла с него, зажав подушку под мышкой и гордо протопала до кресла, под которым не так чтобы очень долго разыскивала ключ. Хищник молча следил за мной, ничего не спрашивая. Кажется, действия мои он воспринял как-то неправильно, сделал совершенно непонятные выводы и не препятствовал моему побегу.

И подушку свою вернуть не попросил, хотя я так и не поняла, зачем унесла ее с собой. И даже знать не хотела, почему теперь предпочитала спать только на ней.

Как-то совсем жутко было думать о взаимности, а если страшно, то лучше и не думать...

Ну, это я так считала, а у хейзаров было свое мнение по данному поводу.

Раяр, под чутким руководством Делмара, начал осаду. Я не знала, рассказал ли мой кошмар своему братцу о недостойных хейзара чувствах к монструозной человечке, или огонек по старой памяти взялся меня в хищника влюблять, но дела мои были совсем плохи.

Началось все опять с цветов. К счастью не в постель. Но находить каждое утро на соседней подушке очередной букет мне надоело уже на третий день, а Раяр, как

совершенно отмороженный тип, бесстрастно ссылаясь на ухаживания и предлагал мне уже просто его полюбить, тем самым избавив себя от мучений.

Не дождавшись от меня нежных чувств и, видимо, пожаловавшись Делмару, кошмар усилил натиск.

К цветам и гостинцам из разнообразных кондитерских добавились коробочки с украшениями.

Вот только радовалась я исключительно сладостям. Цветы копились, мочалки волновались, поддавались паранойе и были уверены, что все емкости, в которых можно хранить цветы, скоро закончатся. Хотя ваз в замке было просто до неприличия много.

И кое-кто планировал их все занять.

А Делмар улыбался, отговаривать своего безголового родственника отказывался и угрожал романтическими ужинами, которые совсем скоро начнутся, если я не образумлюсь.

Обычно в такие моменты я не выдерживала:

— Да люблю я его уже! Люблю! Только прекратите надо мной издеваться.

— Разве так любят? — сокрушенно качал головой он. — Если там что и есть, то лишь легкая симпатия, а нам нужно, чтобы ты голову от любви теряла, чтобы здесь все твоей любовью пропиталось, понимаешь?

Я понимала. Очень хорошо понимала, что мне конец. И не потому, что я Раяра полюбить не смогу, если быть совсем уж честной хотя бы с самой собой, он мне уже давно не просто нравится. Но я сдержанная, наверное, даже зажатая, я не могла этого показать. Потому сложнее всего для меня было даже не полюбить моего кошмара, а как-то продемонстрировать ему свои чувства. Чтобы он уже успокоился. Особенно, если учесть, что он мне в этом совсем не помогал. Раздражал только своими неумелыми попытками меня подкупить.

Продолжались эти безнадежные издевательства до одного дождливого, холодного вечера.

Осень смело вступала в свои права, листья быстро набирали краски, золотые, рыжеватые и красные до багрянца, они пока еще крепко держались на ветках, упрямо противостоя и безжалостным ветрам, и проливным дождям.

Вот только непогода с каждым днем становилась все грознее, и осень неумолимо двигалась к своей самой золотой середине, чтобы потом рухнуть в беспросветную серость, которую под силу было разогнать только лишь холодной зимней белизны.

Раяр ворвался в мои покои в девятом часу, мокрый, отчего-то злой и раненый. Сырой аромат леса, принесенный им, мешался с горячим и соленым запахом свежей крови.

— Ты... — я не успела даже встать, только закрыла книгу, которую читала до его появления, как он оказался рядом, оставив промокший насквозь, грязный плащ валяться у дверей.

— Держи, — на одеяло, прямо мне на колени, упало что-то дрожащее, косматое и тихо скулящее.

— Это... что?

— Замена нарзам, — на покрывало, рядом со мной, садиться он не стал, расположился на полу, прямо на шкуре, обессиленно привалившись спиной к кровати, — сил нет смотреть, как ты с ними нянчишься. Это хотя бы живое.

Живое напугано мякнуло, дергаясь в моих руках, и попыталось забраться под одеяло.

— Это... подарок? — растерялась я, с трудом удерживая извивающееся мокрое тельце в руках. Животное было размером с некрупную кошку, а силищи — как в медведе.

— Да.

— Мне?

На меня странно посмотрели и задали интересный вопрос:

— А кому еще?

— То есть, это странное, мокрое, дрожащее чудовище — твой мне подарок? — дотошно уточнила я, не обращая внимания на хмурый вид моего кошмара. — Делмар о нем не знает, верно?

Раяр медленно кивнул, и по его лицу было прекрасно видно, что он уже успел пожалеть о своем желании подарить мне этого монстрика.

— Когда обсохнет, выглядеть будет лучше, — попытался оправдаться хищник.

А я смотрела на это мокрое несчастье и не могла поверить. Сам. Взял и подарил мне питомца. Сам же додумался, без посторонней помощи.

Мне же всегда хотелось кого-нибудь завести. Сначала собаку, потом кота, ну или хоть хомячка, но мама отговаривалась аллергией, как-то безапелляционно заявив на скромное предложение завести хотя бы сфинкса, что в ее доме не будет жить лысое исчадие ада, даже если у нее на него и нет никакой аллергии. И вот, теперь у меня был свой собственный домашний питомец, которого я буду любить, и который будет страдать от моей любви.

Монстрик сдавленно мрякнул, когда я прижала его к груди. Вот только заглушить мой растроганный всхлип он не успел.

— Яна? — растерянно позвал мой кошмар, среагировав на подозрительные звуки, и, конечно же, поняв все неправильно. — Не нравится? Я сейчас же избавлюсь от него, только не надо...

— Да не буду я сырость разводить! — перебила его я, в подтверждение серьезности своего заявления громко шмыгнув носом. Раяр потерянно затих, не понимая, почему я собираюсь плакать и зачем выползаю из-под одеяла.

На шкуру рядом с ним я свалилась неловко, одной рукой прижимая к себе ошалевшего от всего происходящего монстрика, а другой обнимая хищника за шею.

— Спасибо.

— Ты не рада...

— Рада, ты просто не представляешь, как я рада, — пробормотала, уткнувшись лбом в его мокрое плечо. Запах крови усилился.

— Я же чувствую, — с укором попытался он уличить меня во лжи, — это не радость. И ты плачешь.

— Тоже мне, знаток радости, — монстрику надоело висеть почти у меня под мышкой, и он снова попытался вырваться на свободу. Если бы не Раяр, ему бы это даже удалось, но кошмар поймал вывалившегося из моего захвата мохнатика, перехватив его за шкуру, тот сразу затих, поджал лапки и притворился (с)мирным.

И пока хищник держал мой подарок, у меня освободилась и вторая рука, чтобы просто задушить его в благодарных объятиях.

— Раяр, я тебя обожаю!

Кошмарик молчал, медленно, недоверчиво коснувшись ладонью моей спины, погладил, будто к чему-то прислушиваясь, и уже после этого крепко обнял.

А я, тихонечко всхлипывая, все никак не могла успокоиться. До крайности растроганная, вытирала текущие слезы об его рубашку, все крепче сжимая объятия. Он не возмущался, не шевелился и, кажется, даже не дышал, сраженный волной моих эмоций. Ярких,

горячих и неповторимых, ведь сбылась моя детская, самая заветная мечта. И пусть мой домашний питомец страшный и, скорее всего, опасный, он все равно был самым лучшим подарком на свете.

— Раяр, а давай... давай ты теперь сам будешь выбирать мне подарки, а? Делмар, конечно, молодец, но давай лучше ты.

— Не думаю, что это хорошая идея, — неохотно признался он, чуть встряхнув монстрика. Тот начал шевелиться, заметив, что на него не обращают внимания, но быстро осознал всю бессмысленность своих телодвижений и затих, — я не знаю, что принято дарить...

— Но с этим чудищем же ты как-то определился, — перебила я хищника, чуть отстранившись, чтобы заглянуть ему в глаза, — и вот, подарил ведь.

— Это другое, — рука на моей спине поднялась чуть выше, на уровень лопаток, прижимая сильнее к мокрому кошмару, будто он опасался, что я попытаюсь вырваться после его следующих слов, — мне не нравится, что ты так сильно привязалась к нарзам. Потому я решил найти для тебя что-то более подходящее.

— Нарзы останутся со мной, — на всякий случай предупредила я, и воинственное курлыканье мочалок поддержало мое заявление.

— Я не собирался их забирать, — Раяр пожал свободным плечом, к которому не прижималась я, и носа опять коснулся густой запах крови.

— Ты ранен.

— Яна, я пытаюсь объяснить, — протянул он с укором.

Я не обратила внимания на его недовольство, требовательно заглядывая в бессовестные глаза. Сидит, кровью истекает и не признается.

— Но ты ранен!

— Царапина, — отмахнулся он, — когда я забирал щенка, вернулась мать.

— И ты ее того? — шепотом спросила я, не в силах представить, как сейчас где-то в лесу, под дождем лежит бездыханное тело огромного монстра, в которого и мой мохнатик непременно вымахает.

— Зачем? В норе осталось еще три щенка, их должен кто-то растить.

— Вот так, да? — окончательно растрогалась я. — То есть, с велари ты жесток, а животинку жалеешь.

— Я никого не жалею, — попытался возмутиться мой кошмар, но было поздно, я уже во всю им восхищалась, глуша несчастного запредельной дозой умиления.

— Значит все, решено, больше никаких дурацких идей Делмара, договорились? И я тебя обязательно залюблю всего, ага?

— Подарки должны быть регулярными, — авторитетно заявил он, тихо офигевая от напора моих чувств, — я не смогу без помощи Делмара их выбирать.

— Кто тебе про регулярность сказал? — удивилась я, и кошмар растерялся. — Не надо мне регулярных подарков, лучше уж редкие, зато от тебя. Договорились?

Раяр, с сомнением глядя мне в глаза, на всякий случай переспросил:

— Ты уверена?

— Да на все сто! — горячо заверила его, в последний момент малодушно уточнив: — Ну, кроме сладкого, сладкое можешь и дальше носить я, так уж и быть, согласна.

— Хорошо, — выглядел мой кошмар совсем дезориентированным и таким милым, что я просто не удержалась. Ответственно чмокнула его прямо в мокрую щеку и ткнулась носом в его плечо, переживая приступ щемящей нежности.

От этого крайне ответственного дела меня и отвлекла Дося. Подползла к краю кровати и осторожно, боязливо коснулась лапкой моей головы, пока я очень эмоционально сопела оглушенному моими чувствами хищнику в плечо.

— Не бойсь, зубастая, вас притеснять никто не будет.

Хриплый смешок хищника меня несколько напряг:

— Яна, это, — моего нового питомца еще раз встряхнули, отчего тот протестующе мякнул, — шадэ. До шестимесячного возраста они совершенно беззащитны. В ближайшее время тебе придется следить за тем, чтобы нарзы его не притесняли.

— А если не услежу?

— Полагаю, мне придется снова наведаться в лес, за новым шадэ, на замену съеденному.

— Все, Раяр, ты больше не милый, — решила я, с содроганием представляя, как мои вечно голодные мочалки обглаживают косточки этой мохнатой мелочи.

— Уверена? — спросил он с улыбкой. — Потому что я тебя все еще чувствую, и, должен признаться, мне нравится то, что я чувствую.

— Нравится, — проворчала я смущенно. Первым порывом было сделать так, чтобы он перестал меня чувствовать, что угодно, лишь бы прекратить. Вторым, более мстительным, было желание утопить его в своих чувствах, чтобы от него только пузырьки и остались. Оно-то и показалось мне лучшим.

А потому, сначала я думала о том, какой Раяр замечательный, сколько раз он меня спасал, нет, гад конечно, тот еще и характер поганый, но если бы не мой кошмар, то я бы уже несколько раз точно умерла в мучениях и пару раз просто умерла. А после знакомства с Велиаром и вовсе стало ясно, что с хейзаром мне повезло.

Что он самый-самый лучший, что жизнь здесь именно благодаря ему не стала для меня мучительной пыткой, что я, кажется и правда его... черт.

Тихий торжествующий смех подтвердил мои самые ужасные опасения, а хриплый шепот окончательно добил:

— Наконец-то.

— Но я ни в чем не признавалась! — вякнула протестующе, краем глаза заметив, как выпущенный на свободу шадэ метнулся под кресло.

— Мне не нужно твое признание, — весело прошептал он мне в висок, прижимая к себе, — я все почувствовал.

— И что теперь будет?

Тяжелый вздох был мне ответом.

— Не знаю, но надеюсь, ты не пошлешь меня искать ответ в книгах.

Соблазн, конечно, был велик, но я решила не рисковать. Мало ли, что он там в этих книгах сможет найти, на мою беду.

— Не бойсь, ужастик, уж лучше я лично займусь нашими непростыми отношениями.

— Как раз это и пугает, — беззлобно хмыкнул Раяр.

— Приятно знать, — мне было сыро и холодно, и хищник, к которому я все еще прижималась, меня совсем не грел, но шевелиться совершенно не хотелось. Сейчас, мокрая и озябшая, я чувствовала себя просто до неприличия счастливой, — что меня боится даже самый страшный хейзар.

Объятия стали крепче и мой кошмар хрипло признался:

— Жаль тебя огорчать, но я тебя люблю.

— Романтичненько, — пробормотала смущенно, не спеша заверять его в полной взаимности. Пусть он там себе что-то и почувствовал, не значит же это, что я готова во всем признаться вслух.

Вот только Раяр почему-то считал, что уже все, и пора переходить на новую ступень в отношениях.

Вот еще совсем недавно он меня запугивал и пытался мной, а сейчас подхватил на руки и смело полез на кровать, одним коротким взглядом заставив мочалок сбежать на пол. Книга, которую я совсем недавно спокойненько читала, полетела на пол, судя по обиженному курлыканью, угодила она в кого-то из мочалок, но хищника такие мелочи просто не волновали, а я не успела возмутиться по этому поводу. Слишком быстро появился повод для новых возмущений.

— Иии что ты делаешь? — опасливо поинтересовалась я, когда прохладные, сухие губы коснулись моего плеча, быстро процеловывая дорожку вверх по шее и заставляя вздрагивать от каждого прикосновения. — Раяр?

Меня самым наглым образом игнорировали, найдя для себя более интересное занятие, прервав зацеловывательную деятельность и дав мне целую секунд на то, что успокоиться, он решил совсем меня добить, увлеченно стягивая бретельку ночнушки. Зззубами!

— Раяр! — рявкнула я, резко дернувшись в его руках. Только после этого мне недовольно ответили.

— Ммм?

— Зубы от меня убери! — замер, горячо дыша в плечо, и пока с одной стороны он изображал полное послушание, бретельку прохладными пальцами медленно потянули с другого плеча, щекотно поглаживая каждый отвоеванный у ткани сантиметр кожи. Задохнувшись от такой наглости, я попыталась вырваться и заехала коленкой хищнику по ребрам, заставив его вздрогнуть всем телом и резко меня отпустить.

Отшатнувшись, болезненно поморщившись, и прижимая ладонь к боку.

— Что такое? — всполошилась я, тут же забыв о домогательствах с его стороны.

— Ничего, — соврал он, предпринимая вялую попытку меня схватить.

Увернулась, скатилась на пол, и уже там, пошире расставив ноги, что, по моему мнению, должно было прибавить мне внушительности, угрожающе уперла руки в бока:

— Рубашку снимай!

— Я и так собирался это сделать, — хмыкнул Раяр, внимательно меня разглядывая, — но только после того, как раздену тебя.

Под его взглядом нервно одернула ночнушку, которая, пропитавшись влагой от тесного общения с одной мокрой личностью, липла к телу, и доброты мне это точно не прибавляло.

— Рубашку снимай, — повторила тихо и, хотелось верить, что властно.

Не проникся, сидел, смотрел на меня, улыбался, а я точно знала, что задела эти его «царапины», и что Раяр сознательно приуменьшил серьезность своих травм.

Поиграв в гляделки несколько секунд, я попыталась воззвать к его совести:

— Ты же раненый! Тебя перевязать надо, а ты вместо этого что?

— Что? — с улыбкой спросил он.

— Ко мне пристаешь.

— Яна, это действительно только царапины, и они совсем скоро заживут. Если бы не яд, который начинают вырабатывать самки шадэ для защиты своего потомства, на мне бы

уже не осталась ни единого следа.

— То есть, она еще и ядовитая? — ахнула я.

— Не для меня, — поспешно заверил он, и, видимо, чтобы не расстраивать меня больше, неохотно стащил с себя рубаху, на которой я даже не сразу заметила длинные разрезы. Коготки у этой мамочки были шикарные.

А на боку, чуть припухшие, но как Раяр и утверждал, не такие уж и страшные, красовались отметины чужого недовольства.

Четыре длинные линии, слишком глубокие, чтобы зваться просто царапинами, но совсем не опасные, чтобы считаться ранами, тянулись по его ребрам, заканчиваясь на груди. Кровь из них сочилась медленно и лениво, обещая в скором времени совсем остановиться.

— Можно, я тебя хотя бы перебинтую?

Миссия «перебинтуй хейзара» оказалась почти такой же сложной, как и миссия «помой шадэ», но если Раяр не сопротивлялся и только пытался облапать меня, уверенный в своей безнаказанности, то мохнатая мелочь отбивалась так, будто я ее не мыть, а топить собралась. Если бы не хищник, исцарапанная и злая была бы я, но у меня был Раяр, который, глядя на мои мучения, вызвался помочь, потому исцарапанный и злой был он.

А я была счастливой обладательницей вполне милой, если присмотреться, животинки, внешне похожей на плод запретной любви лисы и медведя. И самого замечательного кошмара на свете.

Ну что еще нужно для полного счастья?

— И все-таки, ты меня любишь, — постановил довольный собой Раяр, заметно веселея, уловив мои эмоции.

Я слишком устала, чтобы спорить, но про себя решила, что ему придется очень постараться, чтобы доказать мне, что я его люблю.

Эпилог

— Яна, вставай, — я чувствовала, как кто-то легко потыкал пальцем мне в щеку, но открыть глаза не могла. Спать хотелось не то, чтобы прямо зверски, просто бодрствовать не было сил. Да и откуда бы им взяться, если Раяр всю ночь мне доказывал, что я его люблю... А утром, бодрый и веселый, залюбленный до отказа, смылся по делам. И вот стоило ему только уйти, а мне — поверить в то, что счастье есть, и я теперь смогу, наконец-то, выспаться, в гости заглянул Делмар.

— Яна, у тебя ресницы дрожат, ты не спишь, — заметил он сурово, продолжая тыкать меня в щеку. Могла бы, с удовольствием ему бы этот палец откусила, чтобы прекратил.

— Сил... нет.

— Совсем он тебя закатал, да? — спросил огонек с фальшивым сочувствием, тут же во всей красе продемонстрировав свою гадскую хейзаровскую натуру: — Хочешь я тебя в ванную отнесу? Пять минут в холодной воде — и ты снова бодр и...

— Стукни себя, пожалуйста, — просипела я, пытаюсь отвернуться от него и натягивая одеяло повыше. В ванную он меня отнесет, как же, пусть только попробует, я сразу Раяра позову. И мне для этого даже никакой амулет не понадобится, у меня и без всяких вспомогательных штукочин теперь контакт с моим кошмаром налажен, спасибо тьме за это.

— Хорошо, сделаем проще, — пообещал он и исчез.

Я думала, Делмар почувствовал угрозу в моем голосе и слинял, а он, оказывается, за водой отлучался. Холодной, с кусочками льда, который, судя по всему, набрался в небольшое, литров на пять, деревянное ведро, когда огонек им пробивал корочку льда на какой-то вечно замороженной реке Талого удела. Точно Талого, в Мглистом уделе вода замерзнуть еще не успела.

И весь этот морозный привет был вылит на меня. Пять литров чистейшей зимы на моей голове, плечах, подушке и одеяле.

Я не орала. Молча, с вытаращенными глазами подскочила на постели, прижимая к груди мокрое одеяло и судорожно хватая ртом воздух.

— Я же говорил, — самодовольно улыбнулся Делмар, откинув пустое ведро в сторону. Не успев коснуться пола, оно рассыпалось горячими искрами, не оставив после себя ни следа, — одевайся, нас ждут великие дела.

— Ка-ка-какие еще дела?!

Развалившись в кресле, которое обычно по вечерам занимал Раяр, нашедший какую-то странную, нездоровую прелесть в том, чтобы следить за моими приготовлениями ко сну, Делмар с блаженной улыбкой вытянул длинные ноги:

— Яна, у нас не так много времени. Я уже отправил нарз на кухню, совсем скоро они принесут твой завтрак. Потому что, — особенно выделив последние слова, он значимо поднял указательный палец вверх, — я о тебе забочусь.

— Какой еще завтрак?

И не успела я прийти в себя после жестокой побудки, как меня шокировали новым откровением:

— Ну не могу же я заставлять тебя работать на голодный желудок!

Несколько секунд я просто глупо на него таращилась, совсем ничего не понимая. Работать? Меня? Последний месяц, вплоть до первого снега, выпавшего с неделю назад, я впахивала как никогда. Училась контролировать ту силу, которой меня одарили сектанты, пыталась воспитывать невоспитуемого шадэ и смиренно выслушивала возмущения Раяра, которого моя мохнатая гадость особенно невлюбила.

Как утверждали книги, самцы шадэ, сделав свое дело, отбывали на свои территории и

никогда не участвовали в воспитании потомства. И если меня Капкан еще как-то любил (к своеобразной, чаще травмоопасной любви этого мира я с каждым днем привыкала все больше), то Раяра не принимал категорически.

Возможно, будь Капкан самочкой, все было бы проще, но мой шадэ оказался самцом и делить территорию с хищником не хотел. Отчего, как назло, всегда страдала я. Потому что, если за погрызенные сапоги или испорченную рубашку этот мохнатый вредитель отхватывал парочку оплеух, то мне потом несколько часов читали лекцию о том, что животные — это ответственность, их нужно воспитывать и вообще...

— Если ты с ним не справляешься, я готов вернуть его обратно, — смиренно предложил как-то Раяр. Это было лишь однажды, когда посреди ночи я проснулась от того, что мою ногу кто-то нежно жевал.

Собственно, жевал ее шадэ, но совсем не нежно.

От неожиданности я заорала, разбудив Раяра, всполошив мочалок и спугнув шадэ с кровати. Оставив кровавый след на простынях и полу, он забился в свое излюбленное укрытие — под кресло, оставив меня истекать кровью.

В ту ночь я узнала, что слюна у этих гадов обезболивает, а Раяр действительно умеет пугаться.

О том же, что при виде крови я падаю в обморок, знала уже давно, и неожиданностью для меня потеря сознания не стала. А для моего кошмара очень даже стала.

И тогда, придя в себя на его руках, пока мочалки, нервно перерывкаясь, обрабатывали и бинтовали мою ногу, а Раяр с тревогой в голосе звал меня по имени, я невпопад сообщила:

— Назову его Капкан.

Той ночью мне довелось заслушать самую первую в своей жизни двухчасовую лекцию в исполнении Раяра, которая, собственно, и закончилась предложением вернуть шадэ туда, откуда он и был принесен.

Я отказалась, клятвенно заверив, что возьмусь за его воспитание.

Не соврала, взялась. Правда, что-то пока не получалось. Есть меня, конечно, Капкан уже не пытался, но были подозрения, что это все оттого, что Раяр больше не разрешал ему ночевать со мной в одной комнате.

И вот, мне тут говорят, что я сейчас пойду работать...

— Делмар, я, вообще-то, спать хочу, — жалобно протянула я. Бесчувственного огонька не проняло, уголек у него вместо сердца, вот честное слово. Смерив меня хитрым взглядом, он мастерски скопировал мои интонации:

— А я хочу себе человечку.

— Опять?

— Яна, ну ты же сама говорила, что успела приметить весьма обнадеживающую парочку...

— Да когда это было? — возмутилась я, переступив с ноги на ногу. Ужасно было стоять вот так, в одном одеяле, мокрой и еще туго соображающей, перед довольным хейзаром. — Как я их теперь найду?

— Я верю, что ты их узнаешь, — беспечно отмахнулся от моего возмущения Делмар.

Вернувшиеся с едой мочалки поставили жирную точку в нашем разговоре. С трудом подавив желание докричаться до Раяра и пожаловаться на его неумного родственника, я молча поплелась в ванную.

Хочет Делмар себе тихого человеческого счастья, я ему его обеспечу. Главное, вспомнить, которая из красоток в меня плюнула...

Недооценила я всей гадской природы огонька. Вместо того, чтобы собрать всех девушек еще раз и позволить мне просто ткнуть пальчиком в самых бешеных, а потом с чувством выполненного долга вернуться в кровать и хоть немного поспать, Делмар потащил меня по всей человеческой резервации. Не рискнув повторно воровать девушек, он решил просто показать мне их издали. Чистеньких, опрятненьких, незаплаканных и незапуганных. Улыбающихся.

Огоньку было неважно, как я буду среди этих довольных жизнью обаяшек искать тех потрепанных жизнью, нервных и злых барышень. А я не знала, что делать.

К тому моменту, как сомнения окончательно оформились в уверенность, что я пропустила-таки плевательницу, не признав ее в одной из девушек, мы успели проверить семерых претенденток.

Брюнеток я пропускала легко, на рыжую даже не взглянула, но вот две блондинки и русая оставили в моей душе след сомнения. А вдруг одна из них и была той самой, заслуженной Делмаром карой небесной, а я ее проглядела?

Опасения мои развеялись спустя осмотр еще двух девушек, на рыночной площади, в одном маленьком городке.

Светлая империя оставила свой след на человеческой резервации. Мы успели побывать уже в трех городках (из семи существующих), и в каждом я видела одно и то же. Белый камень домов, тонкие, будто бы воздушные, храмы Всеединого, моря цветов, чистые мостовые, вычурные вывески.

Нет, у темных, конечно, тоже было чистенько и красиво, но здесь везде будто бы стояла печать светлых. Неуловимая, но раздражающая до дрожи, до зуда где-то внутри, под сердцем.

— Ну и где она? — недовольно поинтересовалась я, крутя головой; народу на рыночной площади в это предобеденное время было просто до неприличия много.

— Вот же, — меня за плечи развернули в нужную сторону, где у одного из прилавков с овощами блондинка яростно торговалась с дородным бородатым мужчиной.

Я узнала красавицу сразу. Просто увидела ее профиль, побелевшие пальчики, с силой вцепившиеся в ручку корзинки и нервно ее выкручивающие, будто бы на месте безучастной плетеной из ивняка ручки красotka представляла шею жадного, покрасневшего от спора торговца, и поняла, что это она. Та самая человечка, предназначенная Делмару судьбой... не без моего скромного участия, конечно.

— Эта, — выдохнула я, неосознанно делая шаг вперед.

— Уверена? — огонек с сомнением смотрел на разошедшуюся девицу и особым энтузиазмом не пылал. Словно бы передумал обзаводиться своим персональным ужасным счастьем.

— Вне всяких сомнений, это она.

— Отдадим ее Айане, — задумчиво решил он, желая избежать страшного, я не оценила его попытки спастись и заявила, не терпящим возражений тоном:

— Вообще-то, она для тебя. Айане мы девочку потеплее отдадим.

Делмар скривился, еще раз внимательно осмотрел девицу, которая с каждой секундой все сильнее повышала голос, и с сомнением спросил:

— Уверена?

— Нет, ты меня для чего с собой потащил? Чтобы я тебе человечку нашла? Так вот она, твоя человечка. Бери и радуйся.

Резко выдохнув, Делмар шагнул вперед, решительный и безнадежный. Будто бы не за своей долгожданной человечкой шел, а на смерть. Хотя... если учесть, какой у этой красотки характер, судя по всему, просто огоньку точно не будет.

Чуть замешкавшись, я поспешила за ним, лавируя между спешащими по своим делам людьми, и отставая от хейзара на каких-то три шага.

Непростительная ошибка с моей стороны. Конечно, я могла бы оправдаться тем, что просто не знала, какие именно хищники бродят рядом, но вся беда в том, что никакие оправдания уже не смогли бы спасти меня от зажавшей рот ладони.

— Попалась, — вынесли вердикт, касаясь губами волос на моей макушке.

А там, совсем рядом, но уже так далеко, Делмар уверенно приобнял девушку за плечи, широко улыбаясь торговцу.

И пока он только примерялся, готовясь выкрасть свою человечку прямо с рыночной площади, меня уже утягивало во тьму перехода.

— Яна-Яна, — сокрушенно покачал головой мой кошмар, когда мы вывалились из тьмы в спальне. В шаге от неразобранной кровати. И конкретно этот нюанс напрягал меня больше проникновенного полусшепота и разминавших мои плечи черных пальцев. А ведь я же на полном серьезе как-то его пальцы щеткой терла, в местном отбеливателе вымачивала... извращалась как могла, а результата ноль, — меня очень расстраивает твоя неумелая попытка побега.

— Я не сбегала! — выпалила поспешно, с ужасом представляя, как меня сейчас будут наказывать. А я еще от всех его доказательств моей к нему любви в себя не пришла. И вообще, я не виновата, это все Делмар, вот пусть его и наказывают. — Меня похитили!

— Ммм? — задумчиво протянул Раяр, скользнул ладонями вниз по рукам. Возблагодарив прохладу осенних дней, что сейчас царили в человеческой резервации, я похвалила себя за то, что надела свитер и сейчас не чувствовала, как быстро разогреваются у моего кошмара ладони. Меньше чувствую — крепче вера в то, что меня отпустят и не станут склонять к разврату.

— И у тебя пока есть время его наказать. Он сейчас как раз там, на рынке остался. Так что, ты бы поспешил, а то потом будет уже поздно... — голос предательски пропал, когда, склонившись к самому уху, Раяр вдумчиво в него дышал, пока его горячие (мамочка моя, опять горячие!) ручки нагло заползли под свитер. О том, что теплеет мой кошмар по мере возбуждения, я догадалась уже давно, но вот того, что он может быть тепленьким так часто, я не могла даже помыслить.

— Почему потом будет поздно? — любопытствовал он.

— Потому что потом ему можно будет только посочувствовать, — призналась, губу закусил и зажмурилась. Была слабенькая надежда, что Раяр сейчас впечатлится моими словами и забудет, что собирался ко мне приставать.

Напрасно надеялась.

— Жаль, — выдохнул он мне в висок и одним движением попытался стянуть свитер.

Я честно старалась не сопротивляться, прекрасно помня, что его это только раззадоривает, но вот такой наглости стерпеть просто не могла.

— Руки убрал!

Самостоятельные перемещения мне давались все еще с трудом. Без посторонней помощи я обязательно, выскакивая из ниоткуда, врезалась в первое попавшееся препятствие, находящееся поблизости, но вот вываливаться из реальности в темноту у меня получалось почти профессионально.

Вот и на этот раз, хлопнув Раяра по рукам, я сбежала раньше, чем он вспомнил, что теперь, с моими новыми талантами, нужно не забывать ставить блок на перемещения.

Убежать, правда, удалось недалеко.

Тьма выплюнула меня в мрачной гардеробной моего кошмара, впечатав всем телом в стеллаж с его камзолами. Попытка спастись бегством провалилась.

Стук в незапертую дверь прозвучал издевательски.

— Сама выйдешь, или мне помочь? — раздалось из-за двери. И ведь по голосу слышу, что он там ржет.

А я тут стою, в ностальгию ударились, вспоминая те давние (хотя, на самом деле не такие уж и давние) деньки, когда пряталась от своего кошмара в ванной, а он меня оттуда тьмой выкуривал.

Вот только сейчас я не в ванной, и тьмой меня уже не напугать...

— Яна, — позвал он нетерпеливо, — сама выйдешь? Или мне зайти? Имей в виду, я полностью поддерживаю твою тягу к разнообразию, и там где-то совершенно точно была пустая полка, на которой у тебя есть шанс поместиться...

— Уже выхожу!

И ведь как раньше справедливости в моей жизни не было, так ее и сейчас нет. Я даже Капкана на Раяра нагривать не могу, мой мохнатик сейчас во внутреннем дворе, в своей новенько будке (старую-то он сгрыз еще три дня назад), и на мои мольбы о помощи не прибежит.

— Ты же понимаешь, что это произвол? — уточнила я, опасливо выглядывая из-за двери.

Раяр фыркнул. Выглядел он как полностью уверенный в своей безнаказанности нечеловек. И это было грустно.

Как бы мне ни нравилось то, что он делал, или то, как на меня смотрел, я все еще была больше человеком, чем темномагическим монстром, и очень быстро выдыхалась. А уставшая и несчастная, терпеть кошмарный темперамент Раяра я была просто не в силах.

— Не трону я тебя, — пообещал он, страдальчески морщась, — выходи. Ты, должно быть, голодна.

— Завтракала, — помотала я головой, чем вызвала недовольство хищника:

— Яна.

— Ладно-ладно, пошли в столовую. — быстро сдалась я, выскочив из гардеробной под голодный взгляд моего кошмара. Накормить, его срочно нужно накормить. — Так бы сразу и сказал, что кушать без меня не можешь.

— Не могу, — легко согласился он, — и мне бы хотелось знать, что именно вы с Делмаром искали в резервации? Три человеческих города за неполные два часа...

Покачивая головой, он выразительно посмотрел на меня.

Напрасно Раяр ждал ответа, у меня были свои вопросы, которые я считала куда как важнее его:

— Ты что, с самого начала за нами следил? — я уже давненько знала, что после моей внезапной эволюции в нечто странное хищник чувствовал частичку тьмы, что прижилась во мне, и всегда мог узнать, где я нахожусь. Потому, собственно, и не удивилась его появлению на рыночной площади. А тут выясняется, что он, оказывается, с самого начала знал, что меня его братец похитил... сталкер жуткорылый.

— Почувствовал, что ты пропала из замка, — подтвердил он мои подозрения. Значит, все-таки, следил.

— А сразу меня спасти ты не мог?

— Ждал подходящего момента, — и по роже его видно было, что выбранный момент его полностью устроил.

То есть, пока меня Делмар за собой таскал и всячески ущемлял мои права, требуя, чтобы я ему человечку нашла, этот обо всем знал и ничего не предпринимал. Это получается, что он меня вроде как любит, но оберегать от своего братца не собирается...

И вот тут у меня возник один серьезный вопрос. Ответ на который нужно было получить немедленно.

А для этого я подошла к нему вплотную, толкнулась грудью в солнечное сплетение и воинственно спросила, задирая голову, что бы видеть его наглые глаза:

— И вот как тебя такого любить, ты мне скажи, — еще раз толкнула его грудью, грозно спросив, — а?

— Не знаю, — на плечи легли теплые руки, удерживая меня на месте, не позволяя отойти, — но у тебя же как-то получается.

Капец...